

Т. БОГДАНОВИЧ

ГОРНЫЙ ЗАВОД
ПЕТРА ТРЕТЬЕГО

ДЕТГИЗ · 1956

Т. БОГДАНОВИЧ
ГОРНЫЙ ЗАВОД
ПЕТРА ТРЕТЬЕГО

« ПУГАЧЕВЦЫ НА УРАЛЕ »

*Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Ленинград 1956*

Рисунки А. Карасика

Титул В. Зенькович

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных вами книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

*Укажите свой точный адрес и возраст.
Пишите по адресу: Ленинград, наб.
Кутузова, 6. Дом детской книги Детгиза.*

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

Глава первая

Захар стоял перед «кучей» — огромной грудой бревен, обложенной дерном, — и, задрав голову, сердито смотрел на нее. Куча была высоченная, куда выше их избы на деревне. Дома они с отцом такие стоги сена вили. Нет, пониже все-таки. Да только сено-то само держится, знай притаптывай, когда вилами скидывают. А тут — бревна. Да и бревна бы еще ничего — сложили, как велено было, а вот землей их потом обсыпать да сразу дерном обкладывать — это потруднее. Нил со Степаном, земляки Захара, как-то приловчились, точно век на этом проклятом заводе угольщиками работали. А Захару никак за ними не угнаться было, хоть его после смерти отца и поставили на работу наравне с мужиками.

Куча уже совсем была готова. Нил и Степан заравнивали ее со своей стороны. Остальные кучи на просеке тоже были готовы. Назавтра велено поджигать. А у Захара, на его стороне, внизу кучи все еще высовывались голые бревна, и земля никак не хотела держаться на них.

Около кучи наготовлены были пласты дерна. Только Захару теперь остались самые худые, неровные, обсохшие. Возьмешь пласт, а он тут же у тебя в руках осыпается, а как на кучу его приткнешь, так земля градом и посыплется — хоть плачь.

Захар потрянул руками, чтобы высыпать из рукавов комья земли, и сердито плюнул.

В ту же минуту кто-то схватил его сзади за ухо.

— Плюешься, вражонок! — прохрипел знакомый голос приказчика. — Завтра обжиг начинать, а у тебя бревна торчат. Вот я тебя самого наместо дерна приконю пачу. Будешь плевать.

Захар дернул белобрысой кудлатой головой, стараясь вырвать ухо, и на глазах у него сверкнули сердитые слезы. Но он молчал и только крепче стискивал зубы.

Приказчик Ковригин, рыжий, с красными, точно обожженными веками, защипнул цепкой длинной рукой Захарово ухо и крутил так, точно хотел оторвать прочь.

Нил и Степан выскочили из-за кучи и со страхом смотрели на приказчика. От ближних куч тоже собирались мужики, оборванные, запуганные, и останавливались поодаль. Полтора года уже как пригнали их на этот завод, а они все не могли обжиться на чужом месте. Работа непривычная, начальство сердитое.

— Велено тебе, Нил, за мальчонкой смотреть, а он у тебя тут ворон считает! — хрипел сиплым голосом приказчик, оборачиваясь к маленькому сутулому мужику с редкой серой бороденкой. — Держи, я ему ожерёлок надену, чтоб не баловался.

Нил нехотя протянул руку и корявыми пальцами взял Захара за плечо. Правда, и держать-то мальчишку не к чему было. Захар и без того стоял на месте и, не сводя глаз, смотрел на широкий железный ошейник с торчащими от него в четыре стороны длинными железными рогульками.

Приказчик снял ошейник с пояса, раздвинул концы и протянул к шее Захара. Тут только Захар рванулся и сердито крикнул:

— Не дамся!.. Не собака я, чай!..

— Ты чего ж, Нил? — грозно засипел приказчик. — Сам захотел того ж? Держи! Не то обоих выпорю. Стой смирно, щенок, а то, гляди, колодки набью.

Захар исподлобья оглянулся на обступивших его земляков. Мужики стояли, угрюмо потупившись, никто и не пробовал вступить за него. Нил опять взял Захара за плечо и шепнул в красное, распухшее ухо:

— Молчи, сынок. Худо будет.

Захар стих. Он зажмурил глаза и только вытягивал шею, пока Ковригин надевал на него ошейник, всовывал в пробой замок и поворачивал ключ.

— Живо кончать кучу! — крикнул приказчик, дернув Захара за ошейник. — Завтра с утра обжиг начинать. А вы чего тут? -- вскинулся он на мужиков. — Аль собак в ожерёлке не видели? Рады от работы отлынивать. Погляжу, как обжиг начнется. Коли лиственниц мне насовали, — запорю до смерти.

Мужики, шаркая лаптями, побежали к своим кучам. Захар открыл глаза. Прямо перед его носом больше чем на четверть торчала железная рогулька, с боков еще две.

А Ковригин, припадая на одну ногу и размахивая длинными до колен руками, ковылял уже по просеке к другим кучам.

Куч было на просеке штук двадцать, и у каждой стояло по три мужика.

Захар схватился за рогульку и замотал головой. Тяжелый замок стучал его по ключице, железный ошейник тер шею.

Нил смотрел на него и качал головой.

— Думаешь, терпеть стану? — срывающимся голосом пробормотал Захар. — Пес я им, что ли, дался. Сбегу... Нонче же. Ожерёлок лишь сбей.

— Да ты что, Захарка, — зашептал Нил, оглядываясь на Ковригина, — ума решился? Запоматывал отца-то? Тоже в бега ударился... Пристрелили же его в тот раз. И тебе то же будет. Да и с нас, того, шкуру-то спустят... а? Потерпи, сынок, не навек. Дай-ка я за тебя кончу.

Нил отстранил Захара и махнул Степану рукой, чтоб и он помог. Степан подошел ближе. Длинный, тощий, с торчащими венником волосами, он быстро наклонялся к земле, точно пополам переламывался, хватал пласты дерна и подавал Нилу. Нил неторопливыми спорными движениями прилаживал их на то место кучи, откуда еще высывались бревна.

Захар молча, сердитыми глазами следил, как дерн приставал к куче, точно Нил его клеем приклеивал, а сам то и дело хватался за рогатку, мотая головой, как щенок, на которого в первый раз надели ошейник. Он был зол на Нила. Земляки ведь, с одной деревни, вместе всех барин на завод продал. Кажись, жалел Захара, как у него дорогой matka померла и отца пристрелили. А, небось, как до дела дошло, — трусит. Нет, чтоб сбить ему рогатку. Давно уж Захар задумал сбежать с проклятого завода,

а теперь совсем невтерпеж стало. Только бы рогатку сбили — сразу бы ушел.

«Может, Аким поможет?» — подумал он.

Аким работал мастером на Уральском медеплавильном заводе Твердышева, где обжигал уголь Захар с земляками. Когда полтора года назад партию крепостных пригнали из Казанской губернии сюда на завод, Аким взял себе в приемыши сироту Захара. Но сейчас Захар и Акиму не хотел верить.

«Рад еще будет Аким-то. Да нет, верно, и от него толку не добьешься. С хлебов долой. Много ль я заработаю».

Он на всех был зол.

— Вновь ворон считаешь?! — гаркнул опять над его ухом сиплый голос. — Я тебе покажу лодырничать! Всех троих выпорю, как обжиг начнется!

Ковригин осмотрел все кучи вдоль просеки и на обратном пути, возвращаясь с просеки на завод, опять прошел мимо Захаровой кучи.

Когда он стал спускаться под гору, к заводу, Захар оглянулся и погрозил ему вслед кулаком. Нил взглянул на Захара, покачал головой и протяжно вздохнул.

Глава вторая

Как только вдали на заводе ударил колокол, угольщики пошабашили, и Захар, не дожидаясь их, побежал домой. Ему не по пути было с земляками. Мужики жили в деревне Александровской, у больших прудов за плотиною, от просеки сразу влево, не доходя до завода. А Захару надо было на самый завод. Он с Акимом жил в рабочем поселке, где и другие заводские. И какой поселок! — на деревню совсем и не похож. Так, домишки наставлены вроде изб, и ни огорода, ни гумна. Не у всех даже коровы есть, а уж лошадей ни у кого. И хоть бы речка бежала поблизости — всё веселей. А то канал какой-то, досками обшитый, и по обоим его берегам заводские мастерские, — дым от них, копоть, грохот. И мельницы не как у них дома — ветрянки, а тоже на канале. Правда, в соседнем селе была и у них водяная мельница, только разве такая, как здесь: речка малень-

кая, в ней колесо вертится, а над ним мельница как надо быть, и на ней мельник. А тут мельницы — тоже вроде завода. Большущие, ну как дома большие бревенчатые. Целых две. Одна хоть муку мелет, а другая — бог ее знает, с чего мельницей и называют, — доски пилит.

А самое худое, что и поселок, и мельницы, и заводские мастерские, и управительский дом, и церковь, и канал — все кругом обведено земляным валом, а сверху стеной, высокой, бревенчатой — не перелезть. Выходи, коли надо, в ворота. Ворот трое, в разных концах. И над воротами башни, а в башнях пушки.

Захар дружил со сторожем у ближних ворот, и тот пускал его глядеть пушку. Пушка медная, разные узоры на ней, дуло длинное в окошко выставлено. Только из нее никогда не стреляли.

На ночь все ворота запирают, не выйти с завода. Да и куда выйдешь? — кругом горы, леса. В ночное не поедешь без лошади.

Юркнул Захар в ворота, проскочил скорей мимо сторожа, чтоб тот не заметил рогатки. Хорошо, что Акимова изба была первая от сторожки, Захар сразу же толкнул калитку — и во двор.

Двор у Акима травой порос, некому было разрывать и вытаптывать — нет ни кур, ни свиньи с поросятами, не то что лошади. Только две тропочки протоптаны — к воротам и к сараю, где лежат дрова.

Захар тряхнул головой, схватился за рогульки и вбежал в избу.

Оглянулся — никого.

— Ведь когда колокол был, — заворчал про себя Захар, — а он все не идет. Чай, есть охота.

Захар сел на лавку под окно и хмуро оглядел избу. Сегодня и она ему была не по сердцу. Разве это изба как надо? Одни бревна закоптелые да мох из пазов торчит. Не то, чтобы у них дома на деревне много чище было. Там тоже по-черному изба топилась. А только под праздник бабка все-таки бывало пол вымоет, лавки, окошки — ну и посветлеет. Под окном у них в избе прялка стояла. Посреди избы люлька висела — братишка у него был, незадолго помер. Перед иконой лампадка. Всё веселей. А тут, у Акима, — голым-голо. Один стол в красном углу перед лавкой и светец у стола. На полу мусор. Сразу видно, что без бабы живут, прибрать некому.

Захар встал, взял с шестка лучину, высек огня, зажег и вставил в светец. Посветлей стало.

— И куда это Аким запропал? — ворчал он про себя. — Всегда-то он позднее всех приходит.

Была суббота, и завод затих раньше обычного. Зато поселок ожил. Захар видел в окошко, как в избах замелькали огоньки, а по темнеющей улице толпой повалили рабочие. Ребята выскакивали навстречу, вертелись под ногами у рабочих и получали подзатыльники. Голые пятки быстро стучали по ступенькам крыльца.

Собаки лаяли и подвизгивали, радуясь хозяевам.

Весело там на порядке. А тут сиди один у окна. В заводской церкви зазвонили ко всенощной. Бабы звонко перекликались, торопили мужиков: пора в церковь.

Везде кругом суета.

Только Акимова изба стояла как неживая. Не стал бы и Захар один сидеть, выскочил бы на порядок, хоть к Федьке, что ли. Да разве пойдешь с рогаткой на шее. Со скуки Захар задремал даже, сидя под окном. Аким все не шел.

Когда прозвонил колокол, подручные Акима сейчас же разбежались по домам. Пошел бы и Аким, но нельзя ему было: мастер он был, — значит, на нем вся забота. Надо сарай на замок запереть, а замок, как назло, куда-то запропастился.

Аким совался, как слепой, по темному сараю, а замок все не находился.

Сзади, в глубине сарая, в темноте пыхал жаром неостывший горн.

Огромные мехи, весь день шумно дышавшие кожаной грудью, раздувая огонь в горне, затихли и лежали опавшие, точно отдыхали. Перед горном в больших бревенчатых чанах, врытых в земляной пол сарая и наполненных тоже землей, остывали отлитые в глиняные формы, или опоки, медные шандалы для царского дворца.

Штыковая медь¹ — дорогой товар, и когда в сарае стынут опоки, полные меди, его надо сразу же после работы запирать на замок. Аким знал это хорошо. Да где

¹ Штыковая медь — очищенная и отлитая в бруски или штыки (штуки). Горн, где ее опять плавят, и сарай, где идет отливка в формы (опоки), тоже назывались штыковыми.

же взять замок, когда его нет? Шарил, шарил, ну нет и нет. И на гвозде, куда он его вешал, тоже нет.

Он вышел за дверь. На засове, может? Нет, и на засове не висит. Аким остановился у порога и посмотрел вдаль поверх заводской стены. За стеной виднелись лесистые вершины гор. Солнце только что зашло, и черные лапчатые верхушки деревьев так и вырезывались на золотом небе.

Ишь хорошо как! Так бѣ и глядел все, только за сердце чего-то берет. У него на родине, в Каргополе, такие же горы кругом, и леса на них. На заре бывало рыбу они на Онеге удили, — поглядишь кругом — точь-в-точь, как тут. С той поры, как ушел мальчишкой, так и не бывал там, лет тридцать прошло.

— Ты чего, дьячок, спишь? .. — окликнул Акима, проходя, сверлильный мастер. — Не слышишь — в церкви звонят.

— А что? — спросил Аким, точно проснувшись.

— Да гляди, поп без тебя всюнощную служить не будет. Кто ж ему будет кáдило раздуть?

Мастер захохотал и пошел дальше.

Аким махнул рукой. Он уже привык, что рабочие называли его дьячком за длинные волосы и за грамотность. На всем заводе один он умел читать.

Он вспомнил про замок, опять вошел в сарай и еще раз пощупал гвоздь, на который он всегда вешал замок. Замка не было.

— Это чего ж штыковой сарай настезь стоит? — раздался снаружи знакомый голос Ковригина. — Ужо скажу Беспалову, что того разию Наборщикова...

Как раз в это время Аким вышел из дверей сарая.

— Ты чего ж не запираешь? — сердито просипел Ковригин. — Давно дран не был?

— Замка не найти, — коротко ответил Аким, опять поворачиваясь к двери сарая. — Упал, видно. Темно, не видать на земле.

— Да ты чего, дурень долгогривый, смеяться надо мной задумал? — рассердился Ковригин. — Замок на поясе, а он ищет!

Аким схватился за опояску.

— Да сзади, сзади, дубина стоеросовая!

Ковригин сразу налился кровью и захрипел, точно костью подавился. Так он всегда хохотал.

Аким завел руку и нащупал замок, висевший у него на поясе.

— То, видно, Федька дурень, — пробормотал он, снимая замок и всовывая его в пробой.

— Ишь, распустил подручных. Они тебе скоро на плечи сядут, — сказал Ковригин, отдышавшись. — Пришли в ту субботу — выпорем.

Аким промолчал и торопливо зашагал к дому. Ковригин плюнул и махнул рукой.

Подходя к своей избе, Аким увидел свет в окне и ускорил шаги.

«Проголодался, поди», — подумал он, ласково усмехнувшись.

Захар все еще дремал у окна, когда Аким переступил порог. Свет от лучины падал на закинутое назад лицо, на железный ошейник и торчащие в обе стороны рогульки.

— Это за что ж тебя, Захар? — проговорил Аким глухим голосом. — Ковригин, что ли?

Захар кивнул спросонок и быстро заговорил:

— Ковригин, чорт рыжий. Забил вовсе. А ноне, на-кось... Да не пес я ему дался. Сбегу.

Аким покачал головой.

— Сбегу, — упрямо повторил Захар. — До дому как ни есть доберусь. Хоть в два месяца, а дойду. — Захар замолчал и искоса просительно поглядел на Акима. — А, дяденька Аким? Замок-то собьешь, а? С ожерёлком-то куда ж? Изловят. Земляки, вишь, не согласны. Пытал я.

Аким сел на лавку, откинул со лба свесившуюся прядь прямых как солома и как солома желтых волос и поглядел на Захара.

— Ни к чему это, — опять сказал он и покачал головой.

— Как ни к чему? — спросил Захар. — В ожерёлке-то не убежишь... Сразу скажут — беглый.

— Бежать ни к чему, — сказал Аким.

Захар тряхнул головой и схватился за ошейник.

— Выпороть Ковригин сулился! — крикнул он. — Дождать, что ли, буду? Как же! Сбегу, и ну! На деревню, к бабке!

— Молод ты, Захар. Ну где тебе бежать? Да одному еще, — заговорил Аким помолчав. — Хуже будет. Знаю

я. Хуже, — повторил он так, точно хотел вбить в голову Захара это слово. — Тоже и я, как такой был, как ты, бежать надумал.

Захар уставился на Акима. Больше года жил он у него, и Аким ни разу ничего ему про себя не рассказывал.

Но Аким свесил голову и замолчал.

Захар сел с ним рядом на лавку, подождал немного и дернул его за плечо.

— Ну, дяденька Аким? Поймали тебя, что ль?

— Может, и лучше, кабы поймали, — не поднимая головы, проговорил Аким.

— Чего ж лучше-то, дяденька? А?

Захар опять потряс его за плечо.

— Из одной беды в другую попал.

— Сюда, стало быть, дяденька?

— Ну, чего пристал, Захарка? От своей доли не убежишь. Жалко мне тебя — то и говорю. Сиди лучше.

Захар заерзал на скамейке.

— Да, сиди, — заговорил он. — Тебе-то хорошо. Небось, как на тебя бы ожерёлок-то. . . небось, взвыл бы. . .

Аким покачал головой, но ничего не ответил. Он молча встал, достал с полки деревянную чашку с вареной картошкой, две луковицы, жбан квасу и деревянные ложки.

Не торопясь нарезал он картошку, крошил лук, посолил и залил квасом. Потом вздохнул, посмотрел на образ, перекрестился, сел на лавку и сказал:

— Ну-ка, Захар, хлеба!

— Сам ешь, — буркнул Захар, хватаясь за торчащую впереди рогульку. Губы у него задрожали, и он через минуту опять заговорил:

— Думал, жалеешь ты меня, дяденька Аким. Замок ведь лишь сбить. Неужто побоишься?

Аким положил ложку и внимательно посмотрел на Захара.

— Не понять тебе, малый. Говорю — потерпи. Хуже будет.

— Заладил — хуже да хуже. А чего хуже?

— Эх ты, Захар! Понятия у тебя нет. То вольный я был, а то холопом стал. К заводу приписали. Заводской я ноне, крепостной. В неволе и жизнь кончать.

Захар замолчал и взял ложку.

Глава третья

Захар никак не мог уснуть. Рогатка не давала ему улечься на лавке. Как ни повернись — все мешает. То в лавку воткнется, так что не вздохнешь, то в руку ткнет. Стал было засыпать Захар, а одна рогулька воткнулась в паз между бревнами и душит, не пускает. Он взвыл. Почудилось — во сне домовою навалился.

Проснулся Захар рано утром, и такая обида его взяла! Никто ему пособить не хочет. Даже дяденька Аким не хочет рогатки сбить. Затвердил одно: хуже да хуже будет. Чего ж хуже? Дорогу сыскал бы. Как не найти дороги, — люди покажут. До бабки бы добрался, — жива еще, верно, старуха. Гнедко у нее тоже остался. Только бы ожерёлок ему сбили. Самому не сбить. А уж он бы добрался.

Захар сел на лавке и посмотрел в окно. Светать начинает. Побежать, что ли, назло в башкирское кочевье? Свои не хотят, — может, башкирцы собьют ожерёлок. Там у него знакомые есть. Кызметь, башкиренок, почтарем ездит.

Захар поглядел на Акима, — спит. Сегодня воскресенье — подольше поспит.

Он тихонько встал, натянул штаны и, как был, босиком, выбрался на крыльцо, постоял немного и пошел.

Пусто. Бабы и те не встали еще — из труб дым не идет.

Захар поежился. Хоть и не холодно было, а спозаранок всегда будто пробирает.

Только бы заводские ворота не заперты были. Нет, как раз сторож вышел из сторожки, засов отодвигает. Захар схватился за рогатку. Увидит — спрашивать начнет.

Но старик-сторож с желтой бородой широко зевнул, побряхтел, перекрестил беззубый рот и повернулся спиной к Захару.

Захар быстро прошмыгнул мимо него и бегом пустился через пустырь к лесу, да не к просеке, а поправей, через молодой лес. Тут раньше, сказывали, дремучий бор был. Его вырубили, когда завод строили, лет тридцать назад. С тех пор от него такие пни остались, что двоим еле обхватить.

И новый лес высокий вырос, по памяти только его молодым называют. Березы уже желтеть начали — осень. Свежо в лесу, темно и так тихо, что слышно, как под босой ногой сухой сучок треснет.

Захар бежал быстрее и быстрее, хотя дорога поднималась все время в гору и на спине у него уже давно взмокла рубаха. Он вышел на полянку. Теперь недалеко, только бы подняться на перевал, а оттуда уж и кочевье видно.

Вдруг на другом конце полянки показался человек, точно из-под земли вырос, — не слышно было, как и пошел.

Захар остановился. Бродяга, должно быть. Летом много их тут проходит. Из Сибири в Россию пробираются через Урал. Только этот не такой, как другие. Идет — на одну ногу припадает и руками на ходу взмахивает, точно птица крыльями.

— Здорбво, молодец, — протянул певучий смешливый голос. — Ты чего ж это ногами ходишь?

Захар выпучил глаза и перевел дух.

— А то как же? — пискнул он вдруг сорвавшимся голосом.

— А вот коли я ногами хожу, так у меня нога и подкована. А тебе, вишь, голову подковали, шипы врозь торчат. Тебе, стало быть, на голове и скакать.

Захар посмотрел на прохожего. Из-под короткой штанины у того торчала вместо ноги деревяшка с железной подковой.

Холодный пот выступил на лбу у Захара.

«Неужто лесовик?»

— С Воскресенского завода ты, видать, — протянул прохожий ласковым голосом. — Там у вас, слышать, житье — не надо помирать. Ну, а ты чего скажешь?

Захар молчал.

— Вот и я, сирота, к вам пробираюсь, — продолжал прохожий. — Хозяин у вас, бают, прост, а уж приказчики — ни в чем не отказчики. И ласковы и повадливы. Живи — не тужи.

Захар все молчал.

— И на подарочки, видать, тороваты.

Он вдруг кошачьим движением протянул руку и ухватил Захара за рогатку.

Захар сердито вырвался и отскочил.

— О! Бывает и овца бодает, — усмехнулся прохожий.

— Чего измываешься! — сердито крикнул Захар. — Тебе хорошо, как самого...

Но тут прохожий поднял голову, и Захар так и осекся.

На щеках у того темнели глубокие борозды. Между ними нос торчал, точно длинный клюв.

— Ты чего дивишься? Не видел? — весело заговорил прохожий. — То мне тоже вроде орден — за ведовство да за проворство. Только мой орден не снять. Ну, а твой дуракам лишь таскать.

— Ловок больно, — пробормотал Захар. — Замок ведь.

— Ключ сильней замка, — сказал прохожий.

— А у тебя ключ, что ли, есть? — обрадовался Захар. — Пособи, дяденька. Христом богом... в ножки я тебе...

— Это что. Поклонишься и кошке в ножки, как нужда подойдет. Ты мне про завод скажи — хозяин-то кто? Из помещиков?

— Купец, сказывали, Твердышев.

— Ку-пец, — протянул прохожий. — Работники-то, стало быть, вольные?

— Мы-то проданные, — ответил Захар, — крепостные. А вот заводские которые, те и по найму.

— А ты не на заводе, что ли?

— Мы угольщики, — сказал Захар.

Прохожий кивнул.

— Шуму-то нынешним летом не бывало у вас?

— Ого! — протянул Захар. — Намеднись чего было... — Лицо у Захара расплылось от удовольствия. — Приказ вышел — в праздник работать...

— Ну? — спросил прохожий.

— Ни в какую! — радостно заявил Захар. — Вот шум был...

— Ну и что ж? — спросил прохожий.

— Ну и того... порка, стало быть, здо-ро-вая, — протянул Захар.

Прохожий кивнул.

— Порют-то часто у вас?

— А как же? — удивился Захар. — Кому и голову бреют да в колодки. А мне вот. — Захар схватился за рогатку.

— Ну, ладно, прощай покуда, иди, куда шел, — сказал прохожий и заковылял через поляну.

Захар шагнул к нему.

— Дяденька, а ключ-то... Сымешь, может?

— Ключ? — переспросил прохожий и стукнул себя по кошелю. — Вишь ты, не захватил. Ну, ладно. Приходи сюда под вечер — сыму... Как солнце вон над той горой будет.

Он повернул Захара за плечо и показал ему на лесистую вершину на западе.

— Гляди, где орел летит.

— Где? Где? — спрашивал Захар.

Он послушно задрал голову и долго глядел на розовое небо над горой, но орла нигде не видно было.

Когда он обернулся, прохожего уже не было на дороге.

Захар испуганно оглядывался во все стороны, попробовал даже окликнуть — «дяденька!», но кругом было тихо, точно человек на деревяшке с мечеными щеками привиделся ему.

— А ну как впрямь лесовик, — прошептал Захар.

Он повернулся и бегом помчался вниз к заводу, размахивая на бегу руками. Про башкирское кочевье он совсем забыл.

Глава четвертая

Домой Захар не вернулся. Знал, что Аким опять уговаривать станет не уходить с завода.

И к ребятам идти не хотелось — задразнят. Запрягаться бы куда-нибудь — только бы день перебыть. И день-то, как нарочно, воскресный. Всюду народ, — куда ни сунешься, все на кого-нибудь наткнешься. Надоело ему по закоулкам бродить, да и проголодался. Он посмотрел из-за угла на порядок, — у их избы никого, подошел, заглянул в окошко, слава богу — пусто, ушел Аким. Он поскорей зашел в избу, — на столе у окна в плошке тюря стоит, и ложка тут же. Аким, стало быть, приготовил. Захар быстро похлебал квасу с хлебом и луком, сунул за пазуху еще ломоть хлеба и побежал. Оно правда, жалел его Аким, а только сейчас неохота ему было говорить с ним — боялся: еще разжалобит, пожалуй, ну и останешься. А этого никак нельзя. Нет уж, решил убежать и убежит, только бы бродяга рогатку снял.

Захар, озираясь во все стороны, выскочил из калитки и зайцем прошмыгнул к сторожке, а там, благо старик-сторож сидел за воротами, прямо по лестнице вверх на башню. Тут уж никто не увидит.

Захар забрался на дуло пушки и выглянул, сколько позволяла рогатка, в узкое оконце. Прямо перед ним весь пустырь от заводской стены до самого леса.

Весело тут в праздник. Со всего завода народ высыпал — и мужики, и рабочие, и бабы. Девки песни завели. Ребята в бабки играют, а которые так гоняются, визжат.

День-то погожий. Хорошо на воле. Так бы и побежал Захар. Да куда ж в ожерёлке?

Ишь парни-то что затеяли! Лушке кривой репей за ворот суют, — вот визжит! А другие девки хохочут — рады, дуры. Погодите — и вам достанется. Захар не любил ни девчонок, ни девок и всегда радовался, когда парни дразнили их. Уж он бы натаскал им репья, и крапивы еще. Разогнать бы всех девок, чтоб не вязались.

С собой парни еще не брали Захара: мал, говорили. А чего мал? Скоро шестнадцатый год пойдет. Дома, небось, и пахал и боронил с тятькой, да и здесь на той же работе, что и все мужики. А как соберутся парни куда на гулянки, — так Захара гнать. Досадно ведь.

Захар все смотрел в оконце. Вон у леса толпа целая собралась, стоят голова к голове, к середине тискаются.

Захар старался подальше просунуть голову в узкое оконце, но рогатка мешала, — никак он не мог разглядеть, что там в середине — то ли смотрят парни чего-то, то ли слушают кого. Головами качают, оглядываются. Господи! Да ведь тот самый, что в лесу. . . ну да, конечно, бродяга на деревяшке. Говорит им чего-то. Показывает будто что-то белое, вроде как бумага. Ишь, как слушают! И вдруг, точно ветром всех сдуло, рассыпались кто куда. И бродяги не видать, как сквозь землю провалился. Захар поглядел в другую сторону — Ковригин ковыляет. Из-за него, верно. Не любят рыжего дьявола. Захар поглядел на лес. Тени длинные стали, — значит, вечер скоро. Как бы не опоздать.

Он кубарем скатился с лестницы, выскочил из сторожки и, ни на кого не глядя, держась обеими руками за рогульки, со всех ног помчался опять через пустырь к лесу. Только в лесу дух перевел. Благодать в лесу! Сосной пахнет. Тихо так. Только птицы чирькают. Грибов

теперь, наверно, после дождей высыпало! Да не до того было Захару. Бежал, торопился, не опоздать бы.

Добежал до полянки — никого.

Сел на пенек и стал ждать. Дятел один стучит, а людей — никого.

Долго так сидел Захар, слушал. Солнце как раз до той вершины дошло, что тот бродяга показывал. Заходить стало. Зашло. Деревья так и выступили на краю горы.

Долго ждал Захар. Темно в лесу, тихо. Птицы смолкли. Сыростью запахло.

Захар встал, махнул рукой и побрел назад, шаркая ногами. К заводу пришел, когда уже ворота запирали.

— Чего тебя в ночь-полночь носит? — проворчал сторож.

Захар не ответил и скорей прошмыгнул к Акимовой избе. В окне свет еще был, — стало быть, не спит Аким.

Захар поднялся на крылечко, вошел в сени — голоса!

Кто это у него?

Захар прошел тихонько сени и заглянул в дверную щелку: Аким стоит у стола, а перед ним — тот, с деревяшкой. «Пришел-таки, — обрадовался Захар. — И как прознал, что я тут живу? Дошлый!»

Он остановился послушать, о чем у них разговор идет.

Аким стоял посреди избы понурившись, волосы на лицо свесились, — верно, не рад гостю.

— Да уж коли разыскал, — говорил Аким, — так, видно, не за добром.

«Знакомый, стало быть», — удивился Захар.

— Для милого дружка семь верст не околица, — нараспев протянул гость.

— Дружба-то наша! Чорт одной веревочкой связал — вся и дружба, — нехотя проговорил Аким.

— Не забыл веревочку, — усмехнулся тот. — Звенит-звенит, а душу не веселит. Тяжеленька. Ну а без меня бы ввек не распилил.

— Говори уж прямо, зачем пришел? — сурово спросил Аким. — Довести, что ли, надумал? Мне все одно. И тут не лучше. Та же каторга.

— А хотел бы вольным стать?

— Опять бежать сманиваешь? — Аким покачал головой. — Ну нет. Зря и в тот раз послушал тебя.

— Каторги жалеешь?

— Кабы каторгу отбыл — вольным бы стал, — сказал Аким.

— И теперь станешь. Воля-то сама к вам идет.

— Ты, что ли, мне волю дашь?

— Зачем я? Царь.

— Какой такой царь? — удивился Аким. — Царица у нас — не царь. Да от нее воли не жди. Она, вон, и вольных-то норовит похолопить. Всех нас, у кого бумаг не было, за заводами велела записать на вечные времена.

— Вашей Катеринке не долго царствовать. Муж-то ей руки укоротит. В монастырь ее — грехи замаливать.

Аким беспокожно оглянулся.

— Да ты чего? Ума решился? Какое плетешь!

— А что? Довести хочешь? Я, брат, скорый. Даром что на деревяшке.

Бродяга быстро обернулся к порогу. Вот сейчас откроет дверь и шагнет в сени. Захар кинулся в дальний угол сеней и забился за бочку.

Но дверь не отворилась. Захар посидел немного за бочкой, но ему любопытно было послушать, что они еще скажут, и он опять прокрался к щели. Аким, весь белый, стоял перед бродягой и держал его за плечо.

— Врешь ты, Иван, — говорил он, дергая бродягу за рукав. — Как это может статься? Ведь помер же он, царь Петр Федорович? В церкви читали...

— Они начитают, долгогривые, — сказал бродяга.

— Так ведь похоронили ж его. Жена его, Катерина, царицей стала. Да скажи ты толком.

— А ты слушай. Чего всполошился? Дай хоть сесть-то. Одна ведь у меня нога казенная-то, ну, а другая своя, отдыху просит.

Бродяга сел на лавку и вытянул обе ноги.

— Говоришь — помер. А я его неделю назад сам видел, в Берде, под Оренбургом, — с важностью сказал он. — Он самый — царь, Петр Федорович.

— Да разве ты государя-то, Петра Федоровича, знал?

— Как мне не знать. Я в тот год, как он на царство сел, в Раненбауме¹ у кума, у кабатчика, хоронился. А царь-то Петр Федорович там во дворце почасту живал.

¹ О р а н и е н б а у м — царская усадьба под Петербургом, где часто жил Петр III.

Простой был. Трубку курил. Ну и выпивал тоже с компанией. Раз я там у решетки притаился, гляжу — царь-то Петр Федорович из дворца в сад бежит и фрелину за ручку тащит, — толстомордая такая, Воронцова, кум сказывал. А за ним — не то русские, не то немцы, с косами, мундиры узкие, красные, синие, желтые; хохочут все, и ну по саду бегать, гоңяться, и один другого в зад коленкой. И Петр Федорович тоже хохочет. Как тебя, видел.

Аким промолчал и отвел глаза.

— Ну, а тут, под Оренбургом? — спросил он немного погодя.

— Ну, а тут иная статья, — проговорил бродяга и подмигнул Акиму — знай наших! — Как пустил я слушок, что Петра Федоровича, как на царстве он сидел, самолично знал, так казаки ко мне. Опознай да опознай. Ну что ж. С моим удовольствием. Государю самому доложили. Вышел он из палатки, ну, конечно, кафтан на нем золотой, и прямо ко мне: «Что ж, добрый человек, узнали ты меня?» Я ему, конечно, в ноги и говорю: «Как не узнать, ваше величество!» А потом обернулся к казакам. «Не сумлевайтесь, — говорю, — господа казаки, он подлинный государь Петр Федорович. Я доподлинно его знаю. В Раненбауме не единожды видал». Тут веселье пошло. Бочку вина выкатили. Всем чарки роздали. А государь поднял чарку и сказал: «Здравствуй, я, великий государь!»

Аким слушал бродягу, точно в рот ему хотел вскочить. Лицо у него стало совсем белое, и он часто дышал.

— Да неужто правда? — вскрикнул он, когда бродяга замолчал. — И, говоришь, волю он сулит всему народу?

— Всем, — повторил тот. — И крестьянам, и заводским, и башкирцам тоже. Всем чтобы вольными быть. И землей всех наделить. И я, стало быть, землю получу.

Аким поднялся, стал перед бродягой, загородив его от Захара, и заговорил медленно, слово за слово:

— Воля! Можешь ты понимать, какое это слово? — Он замолчал. — Да правда ли то всё? — повторил он, точно про себя. — Слушай, Иван. Вон икона, гляди. Поклонись богом, что ты не врал.

— Чего мне врать? — усмехнулся бродяга. — Сивая кобыла врет.

Аким сердито взглянул на него и сел на лавку, свесив голову.

— Ну, чего ты, дурень? — заговорил бродяга, поглядев на него. — Ну, хочешь, сымай икону, присягу приму. Вот те Христос, все как перед истинным.

Он встал и перекрестился на образ. Потом развязал кошель, вынул бумагу и сказал:

— Вот собственный государя Петра Федоровича указ. Почитай, чего сам пишет.

Аким взял бумагу, развернул, внимательно оглядел со всех сторон, посмотрел подпись, печать, разложил на столе, переменял лучину, сел и начал читать:

— «Я во свете всему войску и народам учрежденны велики государь, явившейся из тайного места, прощающий народ и животных в винах, делатель благодеяний, сладкоязычный, милостивый, мяжкосердечный российский царь император Петр Федорович во всем свете волны, в усердии чисты, и разного звания народов самодержатель и прочая, и прочая, и прочая.

За нужное нашел я желающим меня показать и для отворения на сих днях пространно милостивой моей двери послать нарочного. . .»

— Это я и есть, — перебил его бродяга, стукнув в пол деревяшкой. — Читай.

— «И башкирской области старшинам, деревенским старикам и всем малым и большим так, как гостинец, посылаю мои поздравления. . .»

Без всякого суждения идите и, как прежде сего ваши отцы и деды, моим отцам и дедам же служа, выходили против злодеев в походы, проливали кровь, а с приятелями были приятели, так и вы ко мне верно, душевно и усердно, бессумненно к моему светлому лицу и сладкоязычному вашему государю для походу без измены и пременения сердец и без криводуши в подданство идите. . .»

Аким вдруг остановился и строго посмотрел на бродягу.

— Ну, Иван, — сказал он, и голос его дрогнул. — Коли соврал ты, век тебе такой грех не простится. Ведь что он пишет-то! . . .

«Ныне я вас даже до последка землями, водами, лесами, жительствовами, травами, реками, рыбами, хлебами, законами, пашнями, телами, денежным жалованьем, свинцом и порохом, как бы желали, так пожаловал по

жизнь вашу...» Ты послушай только: «всех вас пребывающих на свете, — он повысил голос, — освобождаю и даю волю детям вашим и внучатам вечно».

Аким встал и три раза перекрестился на образ. Он точно вырос, и лицо у него посветлело.

— Волю дает. Всем! Всю жизнь дожидался я. А дожидаться не чаял. Скоро ли теперь?

— А вот как приклонятся все. Завистцев как всех покорит, — сказал бродяга. — Каждый день к нему приклоняются казаки, башкирцы тоже. Ну, киргизы там. И русского народа, конечно. Там у него в Берде всякого жита по лопате.

— Как же сейчас-то? На Москву, что ли, пойдет государь? — спросил Аким.

— Само собой, на Москву. А только наперед всем приклониться велено. Меня вот сюда прислал полковник евоный, Хлопуша. По заводам он послан. А я чтоб наперед разузнал, как тут заводские. Я было им нынче говорил, хотел указ прочитать, да грамоте никто не горазд. Вот к тебе и послали. Ты им указ-то завтра почитай.

Аким кивнул головой.

— Ну, я пойду, — сказал бродяга. — Один тут меня звал. Знакомый тоже.

Захар проворно отскочил от двери и, забившись в угол, смотрел, как бродяга проковылял через сени и стал спускаться с крыльца, постукивая по ступенькам деревяшкой. Только тогда Захар отворил дверь и тихонько вошел в избу.

Аким и не посмотрел на него. Он не отрывал глаз от бумаги и шевелил губами.

Глава пятая

Всю ночь Аким не спал. Ляжет на лавку и опять встанет, пощупает лист. Тут он, за пазухой. И воля в нем. Все вольными станут. И он, Аким, тоже, стало быть. Совсем уж он надежду потерял. Думал — так заводским холопом и помирать будет. А ведь родился вольным он. Да уж такая доля ему выпала — из одной беды в другую всё попадал. Смолоду незадачливый он был. И вспоминать про свою жизнь не любил он и не рассказывал никому.

На заводе никто не знал, что и фамилия-то Акима была не Наборщиков, а Камбаров. Наборщиковым он назвался, когда бежал с этапа и пришел наниматься на завод. Тогда рабочие нужны были на уральских заводах, брали всех, кто хотел работать, не спрашивали бумаг. А работать Аким смолоду умел, хоть и не заводскую работу. Но он ко всему делу приспособиться мог, потому что с детства научился грамоте и к работе привык. Он был сын бедного дьячка из города Каргополя. Отец отпустил его в Петербург в ученики наборного художества в типографию при Академии наук. Но там Акиму пришлось так круто, что он не вытерпел и убежал на корабле за границу. Попал он в Гамбург и там поступил тоже в типографию. Но у немцев ученикам приходилось тогда не легче, чем в России.

И книг ему в немецкой типографии так же мало попало, как и в Петербурге. Ведь у наборщика какая работа: сунут ему лист — читай, что там написано, и набирай печатными буквами. А какая из этого книга выйдет, — он и не знает.

Мальчишкой когда он был, набирал он кусочек из одной книги про разные земли. Очень ему интересно было, что там про Японию сказано, а книгу эту он так никогда и не смог достать.

Ну, а там, в Гамбурге, попалась ему раз книга Лютера. Про этого Лютера ему товарищи рассказывали, — задолго до того он поднял бунт против самого главного во всей Европе церковного начальника — папой они его называют. Боялись его все, даже короли: папа мог каждого от церкви отлучить и навеки проклясть. А Лютер этот не побоялся, восстал против него, потому что тот несправедливо поступал, и, сколько его папа ни проклинал, Лютер на это не смотрел. И добрая половина немцев за ним пошла. И с тех пор у них другая церковь, и зовут ее: лютеранская.

Ну так вот, дали ему раз набирать с печатного страницу из одной книги Лютера. И как раз набирал он такие слова:

„Diesen Aufruhr für die Freiheit besichtigen wollen ist darum nichts anderes wie Gottes Wort beseitigen und verbieten wollen“.¹

¹ Усмирять это восстание за свободу — всё равно что запрещать слово божие.

Долго он тогда над этим думал и к своей жизни применял. Он ведь тоже восстал за свою свободу и убежал. Только не повезло ему — опять в кабалу попал.

Очень его та книга проняла. Прямо точно друга нашел. С малых лет не мог он терпеть, что так не по правде люди живут, мучают всякого, кто послабей. С того он и в бега пустился. А тут вдруг Лютер этот говорит, что так и надо, — должен человек за свободу свою встать.¹

Дальше-то не очень ему понятно было, ну, да это не важно. Самое-то важное он понял. Главное, значит, не в том, что работать тяжело. Главное, что должен человек вольным быть, а коль его в кабалу берут, должен он встать, как и сам тот Лютер.

Тут он уж больше и ждать не стал: подговорил своего товарища Мартына и сбежал с ним на корабле из Гамбурга. И книжечку ту купил и с собой забрал, благо маленькая она, можно в карман сунуть.

Приехал в Петербург, а там мастер его прежний, Розе, дочку свою Трудю замуж выдал тоже за немца мастера. Очень это Акима ушибло. Любил он Трудю сильно. А в Гамбурге еще больше вспоминал ее. Одна она его жалела.

Как он узнал про то, так и беречься не стал. Его схватили как бродягу и сослали в Сибирь. А на этапе он повстречался с Иваном, и тот уговорил Акима вместе бежать. Бежать-то они бежали, и на завод Акима приняли, но накопить денег и пробраться на родину, как он мечтал, ему так и не удалось. Императрица Екатерина II издала указ, по которому все беглые, нанявшиеся на заводы, прикреплялись навеки к этим заводам как крепостные.

Так и стал Аким из вольных людей холопом.

Стало быть, в третий раз опять в кабалу попал. И последняя кабала вышла горше всех.

Стал он думать, — чего это ему так не везет? Да ведь и то сказать, не он один. Все так. Словно в каторге все люди живут. И ни у кого-то и в мыслях нет, чтобы от этой неволи избавиться. Точно так и надо.

¹ Аким по-своему понял слова Лютера. Лютер говорил только о свободе веры. Он никогда не призывал к восстанию против господ.

Совсем затосковал Аким. Только книжкой своей и утешался. Почитает — и точно легче на душе станет. На заводе грамотных никого не было, — видели, что за книгой сидит Аким, а какая книга, — никто и не знал.

А он все думал, как бы это за волю восстать, и снова перечитывал: «Усмирять это восстание за свободу — все равно что запрещать слово божие». Все равно, стало быть, что против бога пойти. Значит, только бы восстание поднять. Да как его поднять одному? Запорют — и все.

И вдруг теперь этот бродяга... Вот оно, восстание-то! Это не то, что он — сбежал да и все. Это уж настоящее восстание. Про такое как раз и Лютер, верно, говорит. За свободу — за волю то есть. Против такого восстания идти — все равно, что против бога. Точно знал наперед Лютер, что тут, на русской земле, такое восстание поднимется. И поднял его сам истинный царь против своей неверной жены и против вельмож, которые весь народ в неволе держали.

Голова у Акима чуть не лопнула. Столько всяких дум в ней забродило. Всю ночь глаз он не сомкнул, только под утро немного забылся.

И вдруг — бом, бом, бом! — над самым ухом. Вскочил. Звонят точно на пожар. На работу разве так звонят? Да и рано. Выглянул в окошко — дыму не видно. Подвязал скорее пояс, вышел во двор, зачерпнул ковшом из бочки, плеснул раз-другой на лицо, обтерся подолом рубашки и вернулся назад — шапку взять.

Захар на лавке прилачился кое-как между двумя рогульками, под изголовье армяк засунул, чтоб не западала голова, и спал себе.

«Поспеет, — подумал Аким, — на работу-то еще рано».

Он взял шапку, краюху хлеба и пошел.

Из всех изб выскакивали рабочие, поглядывали вверх — не видать ли дыму — и шагали к конторе.

Рабочий поселок растянулся почти от самой заводской стены и до канала, пересекавшего весь завод. Канал-то, по правде сказать, был не канал, а речка, по имени Тора; вытекала она из пруда выше завода и впадала верст за двенадцать от завода в реку Белую. У самой заводской стены была устроена плотина, так что речка в целый пруд разлилась, а дальше самую речку,

ту ее часть, что протекала через заводскую землю, выпрямили и забрали в деревянные берега, — вот она и стала здесь больше похожа не на реку, а на канал.

Через канал были перекинuty мостики, так как все заводские мастерские и контора и управительская усадьба были на одном берегу Торы, а рабочий поселок на другом.

В это утро перед мостиком из поселка сгрудилась целая толпа рабочих. Сразу всем не перейти.

Аким тоже остановился. Хотел было показать рабочим царский указ, даже руку сунул за пазуху, да отдумал — злые все со сна, ругаются.

По понедельникам и всегда неохота идти на работу, а сегодня еще колокол раньше времени ударил. Стало быть, управителю чего-нибудь понадобилось. А от него хорошего не жди.

Перед конторкой и совсем не протолкаться было, хотя конторское крыльцо выходило на длинную просторную площадь, окруженную заводскими мастерскими, сараями и амбарами.

Сегодня на площадь собрались не одни заводские. Крестьян-угольщиков тоже пригнали сюда. В другие дни они не заходили на завод, а с утра прямо шли в лес на просеку.

На конторском крыльце стоял управитель и рядом с ним старший приказчик Беспалов.

Аким этого Беспалова больше всех приказчиков не любил, хотя он не кричал и не ругался, как Ковригин. Очень уж скверная рожа у него была. С одной стороны посмотришь — глаз ласковый, борода гладкая. А с другой — не приведи бог: глаз под нос ушел, щека сизая, рот перекошенный и с виска до бороды точно шнурок прошит. Говорили — польский пан на войне так его полоснул.

Колокол на столбе перед крыльцом конторы замолчал. Управитель вышел вперед и руку поднял. Важный. Лицо бритое, гладкое, розовое, точь-в-точь поросенок-сосунок. Волосы длинные, буклями.

Все затихли.

— Работные люди! От нашего хозяина Якова Борисовича приказ вам, — заговорил он не очень громко, ровным, чужим каким-то голосом. Но на площади стало так тихо, что каждое слово было слышно. — Работать вам

отныне не как ране, а со всем усердием, не щадя живота, от утренней зари до вечерной. И на заводе иметь всякое смотренье и осторожность. Ворота заводские иметь день и ночь на запоре. А которые шатающие люди, кои сеют в народе вредные плевелы, тех на завод не пускать, а ловить их и искоренять и с пристрастием допрашивать. А работным людям с завода никуда не отлучаться. А кто явится виновным — штраф взыщем, а наипаче батожем наказывать. . .

Рабочие хмурились, толкали друг друга локтями, переглядывались. В задних рядах ворчали. Кое-где раздавались негромкие выкрики:

— С чего ж с завода-то не пускать? Хуже каторги! На запоре.

— Молчать! — крикнул управитель. — Для вашего же то береженья.

— Берёг волк овцу — один хвост остался, — пропел тонкий смешливый голос.

Управитель так и вскинулся.

— Эт-то кто? — закричал он. — Сыскать тотчас! Розог ему! Голову обрить! С работы долой!

Приказчики заметались в толпе, разыскивая виноватого. Рабочие топтались на месте, перешептывались.

Аким испуганно оглядывался — человека с деревяшкой нигде не видно было.

Управитель нахмурился, о чем-то поговорил с Беспаловым и махнул рукой.

— Сказываю, для вашего же береженья то. Известно ноне сделалось, что под Оренбургом многие шайки злодейской сволочи скопляются и разъезжают оттуда и делают разные разглашения под именем покойного императора Петра Третьего. А сей, именующий себя императором, не кто иной есть, как государственный злодей и изверг естества, беглый казак Емелька Пугачев. И сей гнусный варвар, Емелька, пускает в народ вредные письма и возмутительные листы наподобие якобы царских указов, в коих обманно и вполне облыжно возвещает разные немысленные вольности. Крепостным людям волю сулит, чему никак быть невозможно, а также землю и прочее неподобное. А куда явится, всяческие разоренья чинит, не меньше и смертные убийства и грабежи. На поимку сего государственного злодея и вора, Емельки Пугачева, государыня императрица многие вой-

ска послала, чтобы его изловить и лютой смертью казнить. И на наш горный завод для береженья от злодеев тоже отряд в скорости прийти должен. А кои злодейских прельщений слушать станут, то все будут нещадно казнены и повешены. Поняли?

Рабочие угрюмо молчали.

— Семен Ананьевич, — заговорил сладким голосом старший приказчик.

Аким поднял голову. Сизое лицо точно подмигивало рабочим. Гладкой стороной Беспалов повернулся к управителю.

— Дозвольте мне, Семен Ананьевич, прочитать им письмо. От богульшанского батюшки вчерашний день получил. Кум он мне. Про те же богомерзкие злодеяния он пишет.

Управитель молча кивнул.

Беспалов вынул из-за пазухи листок бумаги, развернул и стал читать, с трудом разбирая мелкий почерк.

«Достолюбезный кум, Петр Ефимович, во первых строках приношу я вам... нижайшую благодарность... за гусыню, коя...»

По толпе прошел смешок.

Управитель оглянулся.

— Ты про дело читай, Петр, — хмуро сказал он.

— Сейчас, сейчас я, — заторопился Беспалов: — «... и матушка...» — Вот оно: «а что слух пошел, будто на Яике император Петр III объявился, то это одни лишь смешного достойные бредни, чему никоим образом статья не можно, да и помыслить ужасно, чтобы покойному императору Петру III прежде чаемого общего воскрешения из мертвых одному воскреснуть...» — Слышите, ребята, — обратился Беспалов к рабочим, — что говорит духовный отец? «А сия гнусная чучела, назвавшись таким ужасным по России именем, наподобие якобы воскрес из мертвых...»

— Попы отпели, а кого — не доглядели, — вдруг прервал его прежний смешливый голос.

— Опять! — крикнул управитель. — Сыскать прельстителя!.. Все ворота на запор. Поймать и ко мне доставить для строжайшего допросу. Пушки на башнях осмотреть. Кто ослушным явится, пружестоккой поркой пороть. А теперь все на работу ступайте!

Рабочие медленно расходились по мастерским.

Глава шестая

Раньше Аким, наверно, испугался бы и еще больше притих, чтобы не попасть на глаза приказчику, а теперь, после вчерашнего, в нем поднялась злоба.

«Стало быть, правда, — думал он, — царь-то объявился. Управитель-то, ведомо, злится. Емелькой царя ругает. Видел же его Иван, говорит — Петр Федорович, сам...»

— Ты чего на людей натыкаешься, дьячок? Чуть с ног не сбил.

Аким поднял голову. Перед ним стоял громадный черноволосый вертельщик, по прозвищу Цыган.

— Слышал управителя-то, Ферапонт? — заговорил Аким непривычно громко и сердито. — Ишь, что выдумал — беглый казак! Вот погоди, придет Петр Федорович, он ему покажет, как нас со скотиной равнять. Всем волю даст.

— Какой Петр? Это Емелька-то? Держи карман. Бродяга! Вздернут еще за него. Ну, и тут тоже работать не рука. Ишь, пес гладкий, управитель-то. Нет, я погляжу да к Демидову на Кыштымский завод подамся. Смачивают, полсотни сулят. А тебе бы в причетники проситься, — усмехнулся Цыган. — Как раз по тебе.

Аким ничего не ответил. И раньше он молчал, когда его дразнили, а теперь и не слышал вовсе.

Он вошел в свою мастерскую. После праздника в ней всегда холод был, точно в погребке. Целый день горн не топился. И сегодня как вошел, так его сразу нежилым духом обдало. Чисто погреб: окон нет, темно, свет только через широкие двери проходит. Пол земляной, щербатый.

В земле, перед печкой, в опоках еще стыли медные шандалы. Аким велел подручному Федьке вынуть их и отнести в отделочную мастерскую, а потом растоплять горн.

Только что Федька начал подкидывать дрова, — штыковый горн топился не углем, а сухими дровами, — как из амбара на тачке привезли круги чистой меди. За гремевшей тачкой шел немец-шихтмейстер Мюллер. Медь выдавал всегда сам Беспалов на руки шихтмейстеру, под его отчет. Чистая медь — дорогой товар.

Шихтмейстер сам смотрел, как закладывали медь в горн и затопляли печь.

Дрова разгорелись хорошо. Жарко стало.

В других мастерских тоже пошла работа. Шумели мельничные колеса, стучали кузнечные молоты, гремело, лягало, грохало, и Акиму стало уже казаться, что все это про волю, про Петра Федоровича ему приснилось, и работать ему век у этого проклятого горна.

Вдруг сквозь привычный шум и грохот завода ворвался опять громкий тревожный звон колокола.

Аким весь вздрогнул. Что такое? Опять? На обед рано еще.

Грохот завода стихал, а колокол звонил все чаще, все сильнее.

— Господи! Неужели полковник тот пришел, что Иван говорил, будто царь его по заводам послал? — прошептал Аким. Ноги у него точно приросли к земле.

Он оглянулся. Помощник его, веселый, широкомордый Федька, тоже стоял, разинув рот.

Колокол так и заходился. Крики поднялись, топот.

— Он! — решил Аким и, сорвавшись, наконец, с места, выбежал из сарая.

Изо всех мастерских выскакивали рабочие и бежали к тем воротам, что за рабочим поселком. Аким побежал туда же.

— Пришел, что ли? Неужто стрелять станем? — крикнул он на бегу знакомому сварщику.

Тот оглянулся на него:

— Обалдел, дьячок! Кто там пришел? Не видишь — пожар.

Тут только Аким поднял голову. Высоко над лесом вдали расплывался дым и вырывались языки пламени.

— Кучи горят! Лес бы не занялся! — кричали кругом.

Аким бежал за другими, но вся прыть с него соскочила. Не то, стало быть, не полковник. Он понемногу отставал. И вдруг его точно по голове ударило. А ну как Захар эту беду натворил? Целый день он вчера пропал. Обозлился, что Аким рогатку не сбил. Вечером пришел опять в рогатке. Стало быть, никто ему не снял. Только не поговорил с ним Аким ни о чем — указ все читал, а утром, когда он ушел, спал еще Захар. Вдруг он со зла набедокурил там с кучами. Парень отчаянный — один в бега сбирался. Беда, коли... .

— Ох! — По затылку и по плечам Акима изо всей силы полоснула плетка, и хрипый голос Ковригина заорал над самой его головой:

— Плетешься, долгогривый! Я вас научу бегать!

Ковригин, лежа на шее своей сивой лошаденки, на-скакивал на отсталых и гнал их на просеку.

Когда Аким добежал до просеки, там стоял такой едкий дым, что ничего нельзя было разглядеть.

Захара, сколько Аким ни смотрел, нигде не видно было. А ведь его куча — первая от опушки.

Откуда-то неслись хриплые крики Ковригина:

— Лиственниц насовали, сиволапые! Тащи! Растаскивай! Да к лесу не швыряй, черти!.. Землей, землей закидывай!..

Ковригин слез с лошади и, бегая по просеке, торопил рабочих. Он подскочил к началу просеки, где столпились последние прибежавшие с завода рабочие.

— Вы что — на киятер пришли! — орал он. — Ручки бережете! Загорится лес — весь завод перепорю. Ну! Живо! Не видите? Пропили zenки-то!

Он плеткой погнал рабочих в дальний конец просеки. Первую кучу уже растащили, на земле дымились громадные чадившие головни. Рабочие беспорядочно бежали вдоль просеки, перескакивая через горящие бревна, обжигая ноги, задыхаясь в едком дыму, наталкиваясь друг на друга.

Аким бежал за другими, оглядываясь по сторонам — нет ли где Захара. Но его и тут будто не было. Может, совсем сбежал? И лучше бы.

Аким споткнулся, еле удержался на ногах и выскочил, наконец, на чистое место. Средние кучи курились, как надо было. Сверху, из дырок, вились дымки. В каждой куче устроена посредине дырка насквозь, вроде трубы, до самой земли. С утра, как начали обжиг, туда накидали хворосту и подожгли. Хворост прогорел, и теперь в средних кучах под дерном потихоньку тлели дрова. Беда вышла только с двумя — с первой и с последней. Непривычные угольщики, не разобрав породы незнакомых деревьев, нарубили лиственниц и наложили их в кучи. А лиственницы, чуть до них коснется огонь, вспыхивают, как порох, пламя мигом охватывает всю кучу. Она пылает как костер, и горящие бревна вылетают из нее во все стороны, как от взрыва.

Хорошо еще, что на этот раз не во все кучи попали лиственницы, а только в первую и в последнюю.

Первая куча почти сгорела, но впереди из крайней кучи вырывались снопы искр, изнутри раздавались глухие залпы, точно вся куча была начинена порохом.

Мужики-угольщики стояли с лопатами, не решаясь подступить.

Прибежавшие с Акимом заводские тоже остановились поодаль.

Ковригин с разбегу налетел на толпу мужиков и схватил за шиворот тощего высокого старика.

— Глядишь, дубина! Берись — растаскивай! Твоя вина, чортов сын, насовал лиственниц! Все одно шкуру спушу. Ну! Живо! Помогайте, дьяволы!

Старик перекрестился, сжал железную лопату и бросился к куче. Дрожащими руками вонзил он лопату в дерн и отвалил большой пласт. В ту же минуту изнутри с грохотом вырвалось пламя. Рубаха и порты на старике сразу загорелись. Он отскочил и живым факелом помчался прочь.

— На землю! На землю его! Землей заваливай! Лес подожжет! — кричал Ковригин.

Но старик и сам рухнул на землю, не добежав до леса. Рабочие кинулись к нему. Аким стал на колени. Все лицо у старика дымилось, волосы, борода, брови тлели, рубаха и порты обваливались с него обгорелыми лохмотьями, обнажая опаленную, потрескавшуюся кожу. Старик хрипел, пытаясь сказать что-то, но понять его среди треска и шума было невозможно.

— Чего стали? — кричал Ковригин. — Не сможешь ему теперь. Кучу растаскивай! Не то лес загорится! Лес! Али невдомек, черти! Лес сгорит — шкуру всю с вас спушу!

Аким, не слушая его, срывал со старика тлевшие лохмотья. Вдруг его опять полоснула по спине плетка. Его охватила слепая ярость. Он вскочил не помня себя и бросился на Ковригина.

— Одного убил, — мало тебе, душегуб!

— С ума сбрёл долгогривый, — захрипел Ковригин, поднимая плеть. — Вяжите его! В колодки!

Акима сразу оттеснили. Поднялся ропот:

— Не дадим! Разошелся, чорт сопатый! Сам на кучу полезай. Не люди мы, что ли?

Ковригин опешил было, но сейчас же опять взмахнул плетью и заорал:

— Бунтовать?! Растаскивай кучу, смерды окаянные! Лес займется — мне отвечать!

Он схватил за шиворот первого попавшегося парня и поволок к куче.

В эту минуту куча сама расселась, и гора горящих бревен рассыпалась по земле.

— Дерном, дерном закидывай! — вопил Ковригин.

Парень с силой вырвался из его рук, пробежал несколько шагов, зацепился за корень и грохнулся прямо на горящие головни. Кругом раздались крики:

— Убил! Второго убил!

Стоявшие впереди кинулись вытаскивать парня. Сзади кричали: «Кого убил? Не пускай дьявола!»

Перепуганный Ковригин незаметно выскользнул из толпы и стал пробираться назад по просеке.

Аким оглянулся.

— Уходит! Уйдет! — крикнул он невольно.

— Лови! Держи! — закричали голоса, и вся толпа бросилась за убежавшим.

Ковригин мчался во весь дух, перескакивая через бревна и головни.

Рабочие, толпившиеся у последней кучи, погнались за ним. Другие, что были на середине просеки, пытались схватить его, бросаясь наперерез, но он пронёсился пулей.

— Уйдет, уйдет, проклятый! — кричали сзади.

В двух шагах от опушки один из рабочих подставил ему ногу, и Ковригин рухнул на землю.

В одну минуту вся толпа, сбивая друг друга с ног, навалилась на него.

Подбегали все новые. Кто-то схватил тлеющее поле-но и протискивался в середину, чтобы ткнуть Ковригина.

— Вздернуть его! В огонь его! — кричали голоса. — Отсуньтесь! Дайте выволочь!

Вдруг на дороге с завода, из-под горы, показались лошади — одна, другая, третья...

На передней сидел управитель, за ним видны были треугольные шляпы, косички, красные воротники камзолов. Солдаты!

В один миг толпа рассыпалась по сторонам. На земле остался избитый, окровавленный Ковригин.

Управитель соскочил с лошади, покосился на рабочих и подошел к лежащему.

— Ковригин! — вскрикнул он и повернулся к толпе. — Вы вон как! Бунтовство затеяли! Оцепить просеку! Никого не пускать к заводу!

Солдаты спешили, привязали лошадей к деревьям, выстроились во всю ширину просеки поперек дороги и, зайдя с обеих сторон, стали редкой цепью вдоль леса, оттесняя рабочих к середине просеки.

На просеке все затихло. Слышно было только, как трещали догоравшие бревна. Рабочие стояли понуро, не пытаясь бежать, хотя цепь была редкая и им ничего не стоило проскользнуть между солдатами и скрыться в лесу.

Управитель и подоспевшие с завода младшие приказчики возились около Ковригина.

Кто-то сбегал в лес к ручью, принес в шапке воды и плеснул ему в лицо.

Ковригин пошевелился.

— Подымите-ка, — приказал управитель.

Ковригина приподняли за плечи. Он открыл глаза и простонал.

— Можешь говорить? — спросил управитель.

Ковригин слабо кивнул.

— Начинщика назови. Кто первый, злодей, руку на тебя поднял? — спрашивал управитель. — Эй, вы! — крикнул он рабочим. — Подходи ближе!

Толпа колыхнулась и медленно подвинулась, подталкивая передних. Аким стоял в первом ряду.

— Он... тот вон... Наборщиков, — услышал он свистящий хрип Ковригина.

— Гляди-ка, — сказал управитель, точно обрадовавшись. — Грамотей! Еще кто?

Но Ковригин закрыл глаза и замолчал. Его опустили на землю.

— Ну, ты, сказывай, — обернулся управитель к Акиму. — Кто еще на бунтовство звал?

Аким молчал.

— Сказывай. Начинщику бунтовства — сто плетей. За смертное убийство — столько же.

Аким все молчал.

— Когда не скажешь, кто еще на бунтовство и на смертное убийство преклонял, — две сотни тебе.

Из задних рядов донесся несмелый ропот.

— Вы там чего? — крикнул управитель. — Может, другой кто скажет, кто еще приговорщик. Обоим — по сотне. А нет — так две сотни Наборщикову. Выдержит ли, нет ли, как бог велит.

Толпа замерла. Никто не двинулся. Никто не поднял глаз на Акима.

— Запомняли? Все тебе, стало быть, долгогривый. Эй, Власов, в контору его покуда. Да руки для всякого случая свяжи.

Аким стоял не шевелясь, покуда приказчик Власов стягивал ему назад руки.

Когда Власов повел его под гору, из задних рядов толпы выскочил Захар в рогатке и с ревом бросился было за ним.

— Дяденька Аким! — закричал он. — Куды тебя?

Аким оглянулся. Но тут один из солдат, стоявших впереди толпы, ухватил Захара за плечо и отбросил его назад.

— Угольщики здесь? — спросил в то же время управитель.

Из толпы медленно, один за другим, выходили мужики в лаптях, с черными от копоти лицами, в разодранных, обгоревших рубахах.

— Закидайте землей головни да сторожите тут до утра, чтоб не занялся где лес... А вы, заводские, на работу. На чем порешим, — объявят вам.

Управитель махнул, чтоб ему подвели лошадь, и вскочил в седло.

— А с теми как? — раздался нерешительный голос из толпы.

Управитель придержал лошадь и обернулся.

— Кто говорит? Выходи!

Толпа зашевелилась, выталкивая кого-то. Но никто не выходил.

— Ну? Кто спрашивал? Про кого? Говори.

В разных концах раздавались негромкие голоса:

— Кончился старик... Парень тоже... чуть дышит... С ними как, мол?.. Ковригин коих...

— А кто сам зашибся иль на пожаре обгорел до смерти, — проговорил управитель медленно и раздельно, — тех в поселок несите иль на деревню. Попа позвать, чтоб напустивие дал.

— А ты, — обратился он к капралу, — поставь караул, чтоб угольщики не разбежались.

Он тронул лошадь и шагом поехал на завод.

Глава седьмая

Власов запер Акима не в конторе, а в чулане за конторой. Среди разного хлама он выкопал там колодку, набил ее на ноги Акиму, а руки развязал. Потом, все так же молча, он принес из конторы ломоть хлеба, поставил на ящик кружку воды, а сам ушел и дверь в контору запер.

Сразу темно стало в чулане. Аким и разглядеть хорошенько не успел, что там в чулане наставлено. Бочонки какие-то, ящики. Сесть бы хоть — устал, да колодка мешаает. Большая, нескладная. Чуть двинешься, доска за всё углами задевает.

Вот, когда мальчишкой он был, учеником, вспомнилось ему, тоже кандалы на него надевали, железные только, и от ноги к ноге цепь. А тут обе ноги в одной колодке, только дырка особая для каждой ноги. В тех, железных, будто посвободнее, все-таки ногами двигать можно. И сидеть тогда веселей было — в кордегардии. Кругом солдаты — рассказывают что-нибудь, смеются. А потом на работу водили, в типографию. Жалели его там наборщики. А тут, как повели его, слова никто не сказал. Точно так и надо. Никому дела до него не было. Оно правда, первый он на Ковригина кинулся, ну так ведь не за себя же.

Теснота в чулане. Нащупал кадушку и сел. Сидеть-то можно, хоть и мешаает колодка.

Тихо кругом. Только мышь где-то в углу скребется да за стеной, в конторе, писчик, слышно, пером скрипит. Пишет-пишет чего-то. И все нет-нет заохает или сплюнет. Аким вспомнил, что, когда проводили его через контору, у писчика щека была обмотана, — верно, зубы болели.

«Что-то там на заводе? — думал он. — Один я виноватый остался. На каторгу, может, опять сошлют. А может, насмерть запорют. Бывало же».

«Нет, не может того статься, — вдруг решил Аким. —

Разве что насмерть запорют. А коли жив останусь, освободит меня новый царь. Узнает, что на приказчика кинулся, и велит вернуть. Волю ж он всем дает; стало быть, и мне. Ведь не один он, Аким, мучится на Руси. Наслушался про чужое горе, когда его по этапу сюда на завод гнали. Весь народ как есть кабальные. И всем новый царь волю дает. Указ его Иван показывал. Нет, уж теперь все переменится. Началось восстание — его никто не остановит. Вот только меня-то новый царь, может, и не успеет освободить, коли завтра насмерть запорют... Лучше уж и не думать... Писчик-то все пишет. И чего он пишет? Светильню зажег. Темно, верно, стало писать. И в чулане немного посветлело. В щель под дверь свет пробился».

Потом писчик зашуршал бумагой и задул светильню. Тут и в чулане у Акима сразу стало темно, как в гробу. А писчик зашаркал ногами, — верно, ощупью к двери пробирался. Аким окликнул его.

Что ж, так и сидеть ночь на кадушке? Хоть в конторе бы пустили — на лавку лечь. Но писчик и не откликнулся. Не слышал, может. Вышел. Снаружи, слышно было, засов задвинул и замок навесил. Двери в конторе толстые, дубовые, а на окне решетка.

Аким еще посидел. Лечь захотелось. Так бы и вытянулся. Спина устала, ноги затекли.

Прилаживался, прилаживался — ничего не выходит. Теснота, да и колодка еще мешает, не переступить — доска и есть доска, а ноги просунуты в дырки.

Сел на пол, держась за кадушку, к стене прислонился, ноги впереди торчат, а голову на кадушку приткнул. Неловко — ноги затекают, шее больно, а иначе никак не приспособишься. Думал — всю ночь маяться будет... Вертел, вертел шеей. И вдруг — голова сама откинулась на кадушку, а мысли точно поплыли все, ни одну не ухватишь... Очнулся, шея болит, ноги затекли, а под дверью точно посерело, — верно, светать начало. На поселке петух пропел. Утро, стало быть. Усмехнулся даже: ту ночь на тулупе лежал — мягко, под головой подушка перовая, а всю ночь глаз не сомкнул. Душу всю бродяга растревожил. А тут скорезился весь, а сон сморил.

Хотел было подняться, — ну вот точно приклеили и к полу и к стене — не двинуться. Только шею разогнул

и руками пошевелил, а сам словно каменный, и ноги как чужие торчат.

Прислушался. Не начинает еще работать завод. Колокол не звонил, да и молоты не грохают. А все-таки шумит что-то, — не вода, нет, — шаркает точно, а что — не понять. Близко где-то, а глухо. Шаркает, шаркает. Что такое?

Загремел замок. Писчик, верно. Нет, прямо к его двери подошли, отодвинули задвижку. Дверь приоткрылась, и из щели высунулась безусая, скуластая голова Власова с громадными, торчащими ушами. Щурит белые глаза, не видит со свету, смотрит поверху. И вдруг глаза у него стали круглые. Рот раскрылся.

— Господи Сусе, — шепчет, — неужто сбежал? .. Убьет ведь управитель.

Шагнул раз и прямо на колодку наткнулся. Посмотрел вниз, увидел на полу Акима и заругался.

— Ты чего ж это, долгогривый, притаился? Ну, вставай, чего расселся? Готово все, за тобой дело.

Акиму так в голову и ударило — пот проступил. Готово! Неужто вешать будут?

Он завозился на полу, схватился рукой за кадушку, а встать не может.

Тут Власов ухватил его за шиворот, стал поднимать на ноги. Аким уперся рукой о кадушку, — а ноги не согнешь — колодка не дает.

— Ты чего? Смеяться надо мной вздумал! — закричал Власов. — Вставай, говорю!

— Не могу я, — пробормотал Аким.

— И чего ты на полу расселся, дурень? — сердился Власов. — Возись тут с тобой. .. Эй, Никанорыч! — окликнул он. — Поди, сделай милость. Подсоби.

Писчик, тощий, в длинном казакине, с подвязанной щекой, просунулся в дверь.

— Какое будет ваше приказание, Ксенофонт Ермильч?

— Да вот долгогривый плюхнулся, да и завяз, — подсоби выволочь. Теснота, главное. .. не протиснешься. .. Ну. .. ну. .. за плечо. .. А ты ногами-то. .. ну. .. Вот дьявол. .. Взопрел весь. .. В чем душа, а. ..

Наконец Акима кое-как подняли и выволокли в контору, но ноги у него подгибались, и он валился, точно пьяный.

— Да ты что! — заорал Власов. — На руках тебя, что ли?

— Не приспособился, — виновато пробормотал Аким. Он попробовал шагнуть. Колодка была длинная, дырки для ног не очень тесные, — передвигать можно бы то одной, то другой ногой, да затекли сильно ноги.

Аким ухватился за стол и стал переминаясь то на одну, то на другую ногу. Ну, кажется, стоят теперь крепко и двигать ими можно.

— Ну, пошли! — крикнул приказчик.

Аким медленно, ухватившись за Власова, передвигался по комнате, с трудом переставляя ноги. Добрался до двери — порог. Ну нет, через порог никак не перешагнуть и по лесенке не спуститься.

— А, чорт! — выругался Власов. — Вот навязалась назола. Сниму я колодку, чорт с ним. Не убежит, — сказал он больше себе, чем писчику.

Он достал ключ, нагнулся, отомкнул замок, смыкавший две половинки доски, и снял колодку. Аким облегченно переступил с ноги на ногу.

— Руки давай! — крикнул приказчик сердито.

Аким послушно завел руки за спину.

— Пояс сыми... веревки не найти, — проворчал Власов.

Аким послушно снял опояску и опять завел руки назад.

Власов торопливо затянул ему изо всех сил кисти рук и, схватив точно клещами за плечо, поволок к двери.

Глава восьмая

Аким с Власовым вышли на крыльцо. Аким взглянул вниз, да так и дернулся назад.

На всем громадном дворе между конторой, плавильными сараями, каналом и церковью, точно солдаты на параде, стояли рабочие. Не думал Аким, что их столько на заводе. Всегда они жались толпой, и сам он там же среди них тискался. А теперь он на них сверху смотрел, с крыльца, а они стояли тихо, как в церкви. Не очень еще светло было. Солнце не взошло еще. На дворе сумеречно было, как в церкви перед заутреней.

Спереди ряда в два или три выстроились мужики-угольщики, оборванные, в лаптях. Ряд от ряда шага на два всего. А за ними заводские. Те маленько почище одеты. Стоят все, не шелохнутся. А по бокам у передних рядов солдаты. Впереди капрал с саблей.

Сегодня солдаты Акиму не такие показались, как вчера. Не страшные совсем — старенькие, косички торчат, треуголки мятые, мундиры обтрепанные. Только что ружья в руках. И не много их, солдат, — всего-то десятка три, разве чуть побольше. А ведь как напугали вчера.

За солдатами бабы напирают, иные с ребятами. Только бабы не стрекочут, как всегда. Ребята на руках у них и те притихли.

Власов дернул Акима за плечо и потащил вниз.

Прямо перед Акимом — он даже охнул — у самого крыльца лежала большая вязанка розог, а рядом стояли две широкие скамьи. Не его одного, стало быть, пороть будут. Перед одной скамьей сторож, и у него в руках треххвостая плеть.

«Плетью — это меня», — подумал Аким точно про другого.

Оглянулся, а поправей немного пристроен помост — на бочках доски, солдатским сукном покрытые.

На помосте этом стояли управитель, Беспалов, другие приказчики и заводский батюшка, отец Варсонофий, в рясе, важный, одной рукой бороду расправляет, а в другой руке крест держит.

«Напутствовать, что ли, кого-нибудь? — подумалось Акиму. И вдруг он весь похолодел, даже плечами передернул. — Неужто для меня это попа привели?»

Власов оставил Акима у скамьи, а сам поднялся по лесенке на помост, и тут только Аким заметил, что и Ковригин там же, позади за другими, — не помер, стало быть, хоть вся голова тряпками обмотана.

Управитель вышел вперед. Аким стоял близко, у самого помоста, и хорошо его разглядел. Гладкие щеки надулись, покраснели, на лбу морщины, — видно, что сердится. Кафтан черный, тонкий. Поднял руку, рука белая, а вокруг руки кружева болтаются. На площади так тихо стало, будто нет никого.

— Заводские люди! — крикнул управитель на всю площадь. — Охулку вы на свой завод положили. Завод

наш первый по всей округе. Хозяин, Яков Борисыч, самой государыне введом. От государыни награждение получил: в дворяне его государыня возвела, чин пожаловала. Всем нам от этого почестъ. Вам бы благодарствовать ему по гроб жизни, а вы бунтовство учинили. На верного хозяйского слугу злодейским обычаем руку подняли. Как и довести про то хозяину, не ведаю. Сказывайте, кто начинщики? Смутителей лютой казнью казним. А на вас хозяин зла не попомнит.

Управитель остановился и поднял глаза на толпу.

И как только он замолчал, опять тишина стала, точно на заутрене, когда хор из церкви выйдет. День тихий, теплый, хоть и без солнца. Рабочие глаз от земли не поднимают. Стоят, словно молятся.

Управитель все смотрел на рабочих. Ждал. И вдруг как закричит:

— Запирательство чините! Нещадно казнить вас буду! Эй, Власов! Обходи ряды, веди сюда каждого десятого. Капрал, вели изготавиться солдатам. Коли кто шум сделает или с места сойдет — стрелять!

Капрал скомандовал:

— Налево кругом! Ружья наизготовку!

Солдаты обернулись к толпе и взяли ружья на прицел. Но рабочие и тут не шелохнулись.

А на помосте никто не смотрел на площадь.

Беспалов шепнул что-то сторожу. Тот сбегал в контору и принес оттуда короткую скамью. Управитель милостиво кивнул Беспалову и сел.

«Чорт гладкий! — сердито подумал Аким. — Ему и горя мало. Живет, как у Христа за пазухой. Люди на смерть идут, а он и не взглянет».

Аким старался не думать, что с ним самим сейчас будет, и нарочно глаз не отводил от управителя. Как глянешь на него, злоба такая поднимается, что обо всем забудешь. Ишь сидит, точно у себя дома, вынул из кармана табакерку и клетчатый платок, достал понюшку, потянул с большого пальца сперва одной ноздрей, потом другой. Обмахнул платком камзол на груди. Потом точно насторожился, голову поднял, лицо все сморщилось, и он чихнул — громко, смачно, на всю площадь. Беспалов наклонился и что-то пошептал ему, — здравия пожелал, верно. У управителя лицо стало довольное, доброе, точно он не чихнул, а причастие принял.

Акима еще больше разобрала злоба, он чуть не вслух выругался и с досадой отвернулся.

Господи! А на площади-то что творится. Власов с двумя сторожами ходит по рядам, точно по лесу. Отбирает людей, будто деревья метит для рубки. Угольщиков уж всех обошел, покуда Аким на управителя загляделся. У скамей, недалеко от Акима, топталось уже десятка два отобранных мужиков со связанными назади руками.

Аким присмотрелся к ним. Так и есть! Нил тут же среди них стоит. Трясется весь. Ведь этакий незадачливый мужик. Во всем ему не везет. Дети все перемерли, когда на завод их из деревни гнали. Остался один Сенька. И тот долго не протянет — щуплый, в чем душа. Да и сам Нил еле на ногах стоит. Надо ж было ему десятым оказаться. А Власов уже дальше считает. «Один, два, три. . .» Шагает он вдоль ряда, а все головы в ряду поворачиваются ему навстречу. Глаз не отрывают от него. . . «Семь, восемь, девять. . . Десятый — выходи!» И десятый сейчас же покорно поворачивается спиной, а сторож связывает ему назади руки.

Те, мимо кого Власов со сторожами прошли, сразу успокаиваются, точно отдыхают. Поворачиваются друг к другу, переговариваются. И лица совсем другие у них становятся, а связанные бредут между Власовым и сторожами, свесив головы на грудь, не оглядываясь. Когда ряд кончается, сторожа отводят связанных к скамьям, а Власов заворачивает в следующий ряд и снова считает: «Один, два, три, четыре. . .»

Аким вытягивает голову и тоже, не отрываясь, следит за Власовым. Эх, Федьку, Акимова подручного, забрали. Разбитной такой всегда парень. Ни перед кем не смолчит. А тут затрясся весь, плачет. . . Цыгана, кажись? Нет, не его, рядом. Ну, с Цыганом бы, пожалуй, худо было. Даром не дался бы. Первый он мастер на заводе. Да и силища у него. Он бы этих сторожей расшвырял кого куда. Пожалуй, и солдат бы не побоялся. «А где же Захарка?» — вспомнил вдруг Аким. Площадь большая. Кто в задних рядах стоит, — не разглядеть, и Власова голос чуть слышен уж стал. Видно только, как сторожа приводят к скамьям кучку за кучкой. До сих пор, слава богу, Захара не привели.

Целая толпа уже перед скамьями набралась. Стоят все, уставившись в землю. Головы ни один не поднимает.

Наконец, последних вывел сторож, а за ними сам Власов подошел.

— Все, Семен Ананьевич, — сказал он, — сто двадцать три.

— Счет правильный? — спросил управитель Беспалова.

— Как есть правильный, Семен Ананьевич, — ответил Беспалов, глядя на управителя ясным глазом. — Заводских у нас тысяча семнадцать. Да мужиков-угольщиков в работе двести тринадцать. Всего тысяча двести тридцать.

Управитель встал, подошел к краю помоста и крикнул сердито:

— Всех бы вас отодрать, неслухи, псы смердячие! Только лишь, зная милосердие хозяина нашего Якова Борисыча, десятого велю. А вам всем то для острастки. Глядите и напредки памятуйте. Кто ослушен явится, — батогами!

Управитель повернулся и отыскал глазами Акима.

— А тебе, грамотей, ведомый, сомутитель, — плети, две сотни плетей!

Две сотни! Не сбавил, стало быть.

Аким дернулся, хотел руками взмахнуть, да руки у него были крепко стянуты за спиной. Он только шагнул вперед и, сдержав крик, заскрипел зубами. Две сотни! Плети — это те же кошки. В типографии, когда он мальчишкой был, раз ему тридцать кошек дали. Так и то он едва жив остался. А тут двести. Разве выдержать? Так он и знал, что помирать нынче придется.

В ушах у него загудело, точно он под воду ушел, и он сразу и слышать и видеть перестал.

Не слышал он, что еще говорил управитель. Не видел, как Власов подошел к толпе связанных угольщиков и заводских и развел их на две стороны, чтоб не загораживали скамьи. Не заметил, как сторожа вывели из толпы двоих мужиков, развязали им руки, велели снять рубахи и спустить порты, как повалили их на скамьи и прикрутили веревками руки и ноги. Не видел, как они лежали среди площади, голые. Один, старенький, дряблый, с тонкими как щепки ногами, трясся весь и стучался головой об скамью. Другой, крупный, здоровый, стиснул зубы и вертел головой, озираясь во все стороны, точно

волк соструненный. А над обоими стояли сторожа с пучками длинных розог в руках.

На площади все затихло, и тысячи глаз не отрываясь смотрели на скамьи.

— Начинай! — крикнул вдруг Власов. Розги взлетели вверх и свистнули, рассекая воздух.

И разом Аким, точно вынырнул из воды, стал снова все слышать и видеть.

Опять ненавистный голос Власова громко высчитывал: «Раз, два, три, четыре...» И с каждым его словом со свистом взмахивали розги и хлестали по голым спинам.

Старик на скамье весь извивался, выл, визжал, а молодой молчал, только плечи у него вздрагивали и ноги судорожно дергались.

Аким при каждом ударе втягивал голову в плечи, точно и по его спине хлестали розги.

«Вот сейчас, сейчас этих кончат, и меня», — думал он. И в голове у него мелькало что-то быстро и беспорядочно... Станок типографский вдруг представился. Как он не в ту сторону ручку дернул, мастер-то, Андрей, как перепугался... «Не миновать тебе кошек», — шепчет... Потом Захар вдруг вспомнился... Так и не выучил его Аким грамоте... Теперь уж не выучит.

Холодно! Аким передернул плечами. Тимофею вон жарко. Аким посмотрел на сторожа, поровшего молодого мужика. Старается, пёс! Ишь рукав под мышкой лопнул, — что дальше, то больше рвется.

— ...Сорок восемь, сорок девять, пятьдесят... — считал Власов. — Хватит. Отвязывай. Вон тех двух бери.

Аким перевел дух. Не его, стало быть. Его последним, верно. А ведь долго, должно быть, пороть будут. Сто двадцать человек — мало ли? До самого вечера, пожалуй. Он переступил с ноги на ногу. Устанешь стоять.

Еще двое лежали на скамьях. Толпа на площади опять стихла, ожидая команды Власова.

Только откуда-то издали Акиму послышался точный гул какой-то.

Гром, что ли? Аким поднял голову. Небо все такое же светлое. Солнца не видно, но и туч грозowych тоже нет. Не должно быть грома. А хорошо, кабы грянула гроза, сильная, с ливнем. Отложить бы пришлось порку. До него бы, может быть, и не дошел черед.

Но тут Власов опять скомандовал:

— Начинай!

Розги засвистели, а мужики оказались на этот раз такие голосистые, что за их воплями и криками ничего больше не слышно было...

И вдруг... что такое? Топот где-то близко, выстрелы... один, другой, пальба целая... Что же это? За их поселком будто стреляют, у передних ворот.

Сторожа так и застыли с розгами в руках.

Управитель на помосте замахал руками.

— Стой! Ни с места! То, видно, злодеи напали! Защищайте завод!.. Оружие раздать заводским!.. Капрал! к воротам веди солдат... Не пускайте ту сволочь!

Управитель еще что-то кричал, но его никто не слушал. Теперь уж ясно слышно было, что стреляют у передних ворот. Вот в ворота заколотили, кричат чего-то. А выстрелов больше не слышно.

Зато площадь вся сразу взбаламутилась. Сторожа побросали розги. Власов куда-то пропал. Ряды все смешались. Рабочие разбежались в разные стороны. Бабы подняли визг, бросились к толпе у скамей, развязывали мужьям руки, поднимали со скамей привязанных.

На помосте тоже все металось, соскакивали на землю, убегали. Вдруг что-то затрещало, и весь помост рухнул. Опрокинулись и раскатились бочки, трещали, ломаясь, доски. Батюшка не успел во-время соскочить с помоста, и теперь, охая и со страхом озираясь, выбирался из-под обломков, обрывая о гвозди рясу. Креста у него в руках уже не было, — верно, обронил, хватаясь за доски.

Глава девятая

В одну минуту площадь будто вымело. Точно ураган по ней пронесся, оставив перевернутые скамьи развороченный помост, оброненные шапки, платки.

Все разбежались, точно за ними волки гнались. Аким тоже побежал туда, к передним воротам, где гремели гулкие удары, куда помчались солдаты, рабочие.

Скорей туда! Вот она, воля, пришла! Надо скорее растолковать рабочим, что это от самого царя посланный, волю им несет.

Но его сразу же затолкали. Чуть в землю носом не ткнулся. Руки-то у него связаны были, а ноги с ночи не огошли. Но тут как раз подскочил к нему Захар.

— Стой, стой, дяденька Аким! Сейчас развяжу.

Захар торопливо возился за спиной Акима и руками и зубами дергал опояску. Так затянулась проклятая, что никак было не сладить.

Наконец распутал; Аким вытянул затекшие руки и, держась за плечо Захара, опять побежал к мостику через канал.

Да что ж это такое? Снова топот, только сзади. От плотины как будто.

Аким остано́вился, не добежав до мостика, оглянулся.

Из-за мастерских, от плотины, где вторые заводские ворота, мчитс́я целая туча всадников.

Башкирцы!

Лошаденки маленькие, мохнатые, шапки тоже мохнатые, острые. Сами черные, косоглазые. За плечами луки. Пригнулись к седлам, визжат. И как это они ворвались на завод? Ворота же все на запоре.

— Дяденька Аким! Гляди, гляди! И наш с ними! С деревяшкой!

В переднем ряду, выставив вперед деревяшку, держась за гриву, неловко скакал бродяга.

Заметив Акима, он придержал лошадь, отстал от башкирцев и крикнул:

— Чего ж не пускают на завод дурни ваши? Сам царский полковник к вам.

— А ты-то как же с башкирцами проскочил? — спросил Аким.

— Прямой напорется, кривой пройдет, — засмеялся тот. — Сторож у меня тут знакомый. Беги скорей, Аким, полковник-то разозлится, коли охотой не пустят. В иных местах с хлебом-солью встречают... А мы покуда, до него, попользуемся! — крикнул он со смехом и поскакал следом за башкирцами через мостик к рабочему поселку.

Аким с Захаром побежали за ним. На мосту было пусто, как и на площади. Но в поселке по опустевшему порядку скакали башкирцы.

— Чего они сюда прискакали? — спросил Захар. Но Аким, не слушая, бежал дальше к воротам.

Там была такая сутолока, что он в первую минуту ничего не мог разобрать.

Впереди, у самых ворот, с ружьями наперевес теснились солдаты. Капрал что-то кричал им. Но за шумом и грохотом ничего не слышно было. В окованные железом ворота сыпались снаружи гулкие удары. Сзади на солдат напирала рабочая с ломами, со сверлами, с кирками. Все наперебой кричали, толкались, перебранивались. Никто толком не понимал, кто ломится в ворота и что надо делать.

Аким крикнул что было силы:

— Ребята, то царь полковника своего прислал! Волю он нам даст!

Но его никто не слушал. Голос потерялся среди шума и грохота.

— Дяденька, — кричал ему на ухо Захар, — в башню пойдём, оттуда всё видать!

И он потащил Акима к сторожке, пробиваясь в толпе локтями и рогульками ошейника. Его ругали, отпихивали, но ему все-таки удалось протащить Акима к двери.

В сторожке было пусто и тихо, и они бегом поднялись по лестнице в башню.

Там под окошком лежал солдат с простреленной головой и около него ружье. Его, наверно, убили, когда он выглядывал в окошко башни. Выстрелить из пушки он так и не успел.

Захар полез на дуло пушки.

— Куда ты? Застрелят! — крикнул Аким, не пуская его.

— Чего ж меня-то? — удивился Захар. — Пусти. Погляжу только... Ой, дяденька! — крикнул он, взглянув. — Да их тут цельное войско! Шапки-то высоченные какие! И с ружьями все. Ох, а один-то — саблей машет, а рыла-то вовсе нет. Черно под шапкой.

— Упредить их надо! — крикнул Аким. — Солдаты ведь тут. Не пустят их. Попытай, Захарка, крикни им, чтоб кругом ехали. Там ворота отпёрты.

Захар высунулся в окошко, сколько позволяла рогатка.

— Дяденьки, к пруду ступайте! Там отпёрто! — крикнул он и, тут же пригнув голову, кубарем скатился с пушки.

— Ой, стрелять хотят! — закричал он.

В ту же минуту раздались несколько выстрелов, и пули, просвистев в окошко, ударились в потолок башни.

Но сразу же выстрелы оборвались, удары в ворота

тоже. Зычный голос прокричал команду, и вслед за тем раздался дружный топот.

Аким схватил Захара за плечо.

— Послушали, стало быть. Бежим и мы. — И он потащил Захара к лестнице.

А внизу все уже переменялось. У ворот пусто стало. Одни солдаты стояли кучкой всё там же. Капрал топтался на месте, поглядывая на ворота, за которыми все затихло. Что тут делать, он и подумать не мог.

Визг и крики неслись теперь со стороны рабочего поселка.

Аким с Захаром бросились туда.

Там хозяйничали башкирцы. Одни держали лошадей, а другие, должно быть, разбежались по избам. Слышен был бабий визг, возня. Из некоторых изб выскакивали башкирцы, скаля зубы и волоча за собой какие-то пожитки. Рабочие насккивали на них, дрались, бабы с визгом и руганью цеплялись за свое добро.

Захар бросился было туда.

— Дяденька Аким, нас тоже пограбят! — крикнул он.

Но Аким махнул рукой и побежал дальше, к площади.

Первый раз за весь день сплошной белый покров, затянувший все небо, разорвался, выглянуло солнце, и сразу светло стало на огромной опустевшей площади.

Не успели Аким с Захаром перебежать мостик, как с другого конца завода, от плотины, на площадь проскакал новый отряд. Вот это так войско! Захар даже рот разинул. Впереди один скачет высоченный и саблей машет. Сабля так и сверкает на солнце! А за ним рядами казаки с ружьями, в высоких шапках. Ружья сверкают, сами веселые, смеются. Лошади статные. Вот бы на этой поскать! А у того, что впереди, под шапкой блестит что-то, не разглядеть что.

— Дяденька! — крикнул Захар Акиму. — Гляди, гляди, впереди, вон тот! Чего это у него блестит-то под шапкой? Рыла-то вовсе нет!

Но Аким не успел ответить. В одну минуту площадь снова ожила. Со всех сторон сбегались рабочие, башкирцы. Бродяга на деревяшке тоже ковылял навстречу полковнику. Два казака и башкирец волокли за ним кого-то в изорванном камзоле, с голой головой. Тащат его, а он и ногами не передвигает, точно мешок по земле волочится.

— Ой, дяденька! — крикнул Захар. — Кого ж это башкирец с казаками тащат?

— Не видишь? — ответил Аким. — Управитель наш.

— А волосья где ж? Выдрали, что ли?

— То не волосья. То у него надето было. Парик называется. Молчи ты. Слушай.

Казак в сетке, закрывавшей все лицо до самого рта, махнул саблей и крикнул зычным голосом:

— Ребята! Петр Федорович, третий император, прислал меня на свой Воскресенский горный завод. Я полковник его, по прозвищу. . .

Вдруг грянуло несколько выстрелов. Один из казаков, скакавший в конец площади к мостику, упал с лошади.

— А! Так вы так! — заревел казак в сетке. — Весь ваш завод разорю! Стреляй, ребята!

Рабочие бросились врассыпную. Одни падали на землю; другие кричали:

— Не мы то! Мы радостью рады! Солдаты то стреляют!

Казак помчался на выстрелы. С разных концов завода неслись башкирцы, натягивая луки.

Раздалось еще несколько выстрелов, и сразу все стихло.

Казак, сгибаясь с седла, волокли за шиворот, за жидкие косички перепуганных, трясущихся солдат. Капрала, велевшего стрелять, пристрелили, остальные сами побросали ружья.

— Стрелять, сволочи! — закричал на них казак в сетке. — На меня, на государева полковника, руку подняли! Головы посрубаем!

Солдаты падали на колени.

— Помилосердствуй! — кричали они. — Приказано нам! Сглупу мы! Мы батюшке-царю! . .

— Ладно, — сказал полковник. — Заприте их покуда в амбар какой. . . А вы, работные люди, не бойтесь ничего.

Рабочие уже опять сбегались на площадь.

— Слушайте меня, я царский полковник, по прозванию Хлопуша. Батюшка-царь, третий император, волю вам прислал, коли вы ему верой и правдой служить будете.

— Будем служить! . . Только дай волю нам! До капли крови! . . Головами! . . — кричали рабочие.

Они со всех сторон обступили всадника.

Вороной конь под ним горячился, перебирал передними ногами, попрашивал повод. Но Хлопуша крепко держал его жилистой, волосатой рукой.

Аким выскочил вперед.

— Мы за волю головы сложим! — крикнул он во весь голос.

Он хотел еще что-то сказать, но тут управитель рванулся из рук державших его башкирцев и крикнул Хлопуше:

— Слушай, ты! За меня хозяин большой выкуп даст. Вели отпустить меня. Я главный управитель... За меня ответите!

Хлопуша повернулся к толпе.

— Эй, ребята! — крикнул он. — Каков до вас был управитель? Хорошо платил? Жалел вас?

— Как волк овцу, — рассмеялся бродяга.

— Всех бы перепорол, кабы ты не пришел, — подхватил кто-то.

Из толпы кричали:

— Кнутобойца! Пес! К чорту на рога его!

— Чего на него глядеть! Голову с плеч — и вся недолга!

— Тихо вы! Сам знаю, чего делать! — отозвался Хлопуша. Он на минуту задумался, оглядывая жалкую, ободранную фигуру управителя.

— Ну, а ты чего скажешь? — спросил он управителя с усмешкой. — Будешь служить верой-правдой батюшке-царю Петру Федоровичу, коли на заводе тебя оставлю?

— Петр Федорович помер, — пробормотал управитель негромко. Но на притихшей площади все его услышали. — Царица у нас...

— А! Ты вот как заговорил! — бешено гаркнул Хлопуша, не давая ему закончить. — Рубите ему голову, коли так, царицыному наймиту! То же и царице твоей будет!

Двое казаков быстро спешили, отволокли немного управителя и бросили его на землю. Один держал ему руки, другой вытаскивал саблю. Но в эту минуту из-за его спины выскочил башкирец, махавший кривой саблей, и в один миг отсек голову управителю.

— Ловко! — крикнул Хлопуша. — Другой раз не копайся, — сказал он со смехом опешившему казаку.

Кучка рабочих уже волокла к Хлопуше Ковригина. Окровавленные повязки мотались вокруг его головы. Рыжие волосы торчали дыбом. Он изо всех сил отбивался и хрипло орал.

Рабочие еле отыскивали его под обломками помоста. Он сидел там на корточках, весь дрожа, замотавшись с головой в сукно.

— Самый злодей! — кричали рабочие Хлопуше. — Весь завод перепороть сулился! Двоих живьем сжег вчерашний день! За него нынче и драли!

— Вздернуть его, коли так! — решил Хлопуша.

— Не уйдешь, пес! — кричали рабочие. — Бей его, ребята! Вали!

Его вмиг повалили на землю и с остервенением набросились на него, мешая друг другу. Всякому хотелось самому пнуть его ногой, рвануть за волосы, плюнуть в лицо.

Один рабочий подобрал валявшееся на земле ружье и тыкал в лежащего штыком. . .

Визг Ковригина заглушался яростными криками осви-репевшей толпы; наконец он совсем затих, и рабочие стали расступаться. На земле валялась куча окровавленных лохмотьев.

Из какого-то амбара двое рабочих тащили неистово кричавшего Власова.

— Смилуйтесь! Не своей я волей! — вопил он. Беле-ые глазки его налились кровью, торчащие уши горели. — Помилосердствуйте! Я батюшке-царю верой-правдой! Братцы! Разве я кого?

— И то, — слышалось в толпе. — Не самый злодей. Не всё в рыло.

— Не в рыло, так по уху! — кричали другие. — Одна масть!

— Приказчик, что ли? — спросил Хлопуша.

— Приказчик! Младший!

— Я царю-батюшке! . . — закричал опять Власов.

— Ладно, — сказал Хлопуша. — Под караулом пока держите. Разберем. Батюшка наш по правде велит судить. Зря головы рубить не приказывает.

Двое рабочих, приведших Власова, потащили его обратно. Но навстречу им попался башкирец, только что отсекший голову управителю. С кривой сабли еще капала кровь. Он прокричал что-то гортанным голосом. Рабо-

чие, не поняв его, кивнули головами. Он быстро выхватил у них из рук Власова, швырнул его на землю и, раньше чем они успели сообразить, что он делает, он, оскалив зубы, взмахнул саблей, отсек ему голову и побежал дальше, размахивая окровавленной саблей.

Рабочие со страхом взглянули друг на друга и покоились на Хлопушу.

Но он не смотрел в их сторону.

На площадь с визгом и ревом выскочили несколько баб и окружили Хлопушу.

— Батюшка! — захлебываясь вопила одна. — Век копила!.. Сундук цельный! Девке приданое! Стянули, черти!

— Не вели своим косоглазым грабить! — подхватила другая.

— Сладу с ими нет! — кричали бабы. — Откупиться хотели — так нет! Всё тащут!

Прибежавшие следом за бабами рабочие пытались унять их, испуганно взглядывая на Хлопушу.

Но тот махнул рукой.

— Тихо! — крикнул он. — Кто там озорует? Воскресенский завод не велено трогать. Работать будет. Илья! — крикнул он кудрявому казаку. — Возьми наших десяток. Очисти поселок. Сюда гони башкирцев. Скажи — вешать буду, кто грабить станет.

Илья махнул несколькими казакам и поскакал к рабочему поселку. Бабы бегом бросились за ними.

Народу на площади все прибывало. Из крепостной деревни, где жили земляки Захара, тоже прибежали мужики, бабы, ребята. Казаки пригнали из рабочего поселка башкир. Бабы и ребята, побросав опустошенные избы и раскиданные по улице пожитки, тоже выбежали на площадь. Всем не терпелось узнать, что теперь будут делать казаки.

— Тихо вы! — крикнул Хлопуша, перекрывая говор и крик тысячной толпы. — Говорить буду!

Он соскочил с лошади.

Громадный, плечистый, он откинул назад голову и пошел прямо к конторе. Все перед ним расступилось. Сетку он все-таки не снял. Ниже сетки видно было только, как разевается рот и сверкают белые зубы.

Только что он подошел к конторе и стал всходить на крыльцо, как навстречу ему отворилась дверь и вышел

Беспалов с караваем хлеба и солонкой сверху. Расправив на груди широкую бороду, он в пояс поклонился Хлопуше, протянул ему хлеб-соль и, поворачиваясь к нему гладкой стороной лица, заговорил тонким и ласковым голосом:

— Просим милости на наш завод.

— Ты кто такой? — спросил Хлопуша. — Хозяин, что ли?

— Приказчик! Старший приказчик! Разноглазый! — закричали из толпы.

— Так. Приказчиком я здесь, — перебил Беспалов, униженно кланяясь. Хлопуша махнул на толпу, чтоб дала говорить. — Только от меня, — продолжал Беспалов, — работным людям обиды не было. Пусть кто скажет, бил ли я кого, ругался ли. Хозяйскую волю сполнял, то правда. Дело блюл. За порядком, конечно. А чтобы в рыло или в зубы — того не было...

Хлопуша повернул голову к толпе.

— Лиса, ведомо! — раздались крики. — Хозяйский угодник! Одно слово — разноглазый! Туда ж его! Чего на него глядеть! Вели голову рубить!

Беспалов поворачивался во все стороны. Он злобно оглядывался на рабочих и сейчас же прижимал руки к груди и умильно взглядывал ясным глазом на Хлопушу.

— Дьявол он! Руби голову! Всех их туда же! — не унимались крики.

Вдруг Хлопуша махнул рукой и крикнул:

— Тихо! Вам бы всех порубить! Сказано — работать будет ваш завод. Кто ж делом править станет? Думаете, гулять будете? Как же! Работать надо. На царя-батюшку, на Петра Федоровича ноне работать будете. Императора Петра III завод ваш теперь.

Рабочие сразу замолчали, переглядываясь.

Беспалов сейчас же подхватил:

— Мы для батюшки-государя радостью рады. Давно прослышали... Ждали...

— То-то и солдат припасли, пушки тоже, — усмехнулся Хлопуша.

В толпе послышался смех и возгласы: «Врет он все! Поркой-то он же с управителем командовал!»

Но Хлопуша опять махнул.

— Хозяйская то воля, — быстро заговорил Беспалов, не глядя на рабочих и униженно кланяясь Хлопуше. —

Управитель, тот, правда, всё одно что хозяин, — прибавил он, взглянув на безголовый труп, валявшийся неподалеку. — А мы что ж — люди подневольные. Что прикажут, то и делаем.

— Ну, ладно. Будешь верой-правдой служить, оружие государю справлять, и тебя батюшка-царь пожалует. . . — сказал Хлопуша.

Беспалов облегченно перевел дух.

— А нет, — продолжал Хлопуша, — на себя пеняй. Видел, что с ослушниками царевыми. . . У нас расправа коротка. . . Покуда будешь ты за управителя.

В задних рядах заворчали, но никто не решился громко крикнуть.

Беспалов низко поклонился и хотел что-то сказать, но Хлопуша нетерпеливо мотнул головой, поднял руку и заговорил так зычно, что услышали в самых дальних концах площади.

— Слушайте, что я вам сказывать буду!

Толпа затихла.

— Про государя-батюшку слыхали?

— Слыхали! — раздались голоса.

— Где нам знать? — перебивали другие.

— Тихо! — крикнул он. — Милостивый господь возвращает ноне родительский престол Петру Федоровичу. Бояре его свели за то, что он крестьянам волю дать хотел. Катеринку посадили. Одиннадцать годов государь-батюшка странствовал, а ноне объявился. И вновь крестьянам и работным людям волю дает.

Толпа задвигалась.

— Слава Христе! Храни его господь! — раздались выкрики. — Дождались! Воля, стало быть!

Многие снимали шапки и крестились.

— Слушайте! — крикнул Хлопуша. — Многие к государю приклонились: казаки, башкирцы, заводы тоже — Авзянский, Каноникольский! Сказывайте: ваш как завод? Будете государю верой-правдой служить?

— Хотим под государя! Верой-правдой! Головами! Присягу примем! — раздались дружные крики. — К присяге веди!

— Попа разыщите, — сказал Хлопуша, — а я вам покуда указ батюшки нашего государя Петра Федоровича прочту. Да нет. Из ваших пущай кто прочтет. Грамотные-то есть у вас?

Все молчали и переглядывались. Грамотных не находилось.

— Дядя Аким! — крикнул вдруг Захар на весь затихший двор.

И сразу несколько голосов подхватило:

— Верно! Правильно! Аким! Грамотный он! Аким, выходи!

— Ну, ну, выходи, коли грамотный! — крикнул Хлопуша.

Захар изо всех сил прочищал Акиму дорогу к крыльцу и локтями и рогульками.

Рабочие расступались, с удивлением оглядываясь на Акима. Он был совсем не такой, как всегда. Глаза сразу больше стали, хотя он будто никого и не видел. И не сутулился вовсе, точно ростом выше стал.

Хлопуша подал ему лист и велел взойти на крыльцо.

Аким перекрестился, взял лист обеими руками и поднял вверх. Лист дрожал у него будто на сильном ветру.

Первые слова он произнес совсем тихо.

Его сейчас же прервали:

— Не слышать! Громче!

— Сами не горланьте, черти! — звонко крикнул Захар. — Разве вас перекричишь, дьяволы!

— Ишь, бойкий мальчонка! — сказал со смехом кудрявый Илья, стоявший рядом с Хлопушей. — А ты чего ж это в ожерёлке? Али кусаешься?

Захар сердито отвернулся.

— Тихо вы там! — крикнул Хлопуша. — А ты шибче читай, — обернулся он к Акиму.

На площади затихло.

Аким оглядел толпу и начал опять вдруг окрепшим голосом, так вразумительно, точно он сам писал этот указ:

— «Самодержавного императора Петра Федоровича всероссийского».

Он приостановился и еще раз обвел толпу взглядом.

— «Сей мой имянной указ в Воскресенский завод и всему миру мое имянное повеление».

— Нам, стало быть! — крикнул кто-то.

— «Как деды и отцы ваши служили предкам моим, так и вы послужите мне, вашему государю, верно и неизменно, до капли крови, и исполните мое повеление».

Исправьте вы мне, великому государю, два мартила и с бонбами и скорым поспешением мне представьте. . .»

— Стой! — прервал Хлопуша. — Это про два мартила на другой завод писано. Ваш завод большой, вы и больше представить можете. Готовые-то есть у вас? А? — обратился он к Беспалову.

— Как не быть, — торопливо ответил Беспалов. — Все предоставим государю-батюшке. Три мортиры есть. . .

— Две порченые, не годящие! — крикнул из толпы чей-то голос.

Беспалов повернул голову и сердито посмотрел в сторону говорившего. Но сейчас же повернулся гладкой стороной лица к Хлопуше и спокойно проговорил:

— Верно сказывает мастер. И сам я объяснить хотел. Две мортиры не исправны. А только для батюшки-царя мы их в исправность привести можем. Да гаубицы две из работы вышли.

— Ну ладно, — сказал Хлопуша. — Которые исправлены, с собой заберем, а иные тотчас исправить надобно. Батюшке-царю оружие требуется. Коли усердно работать станете, государь вас пожалует. Читай дальше указ.

— «И за то будете жалованы, — начал опять Аким, — крестом и бороною, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованьем, и хлебом, и провиантом, и свинцом, и порохом, и вечною вольностью».

При последних словах он сильно повысил голос.

В ответ со всех концов закричали:

— Вольные! Слава государю! Дожили! Спаси господи царя-батюшку!

Крики еще усилились, сливаясь в радостный гул.

— Да тише вы, оглашенные! — заорал, наконец, Хлопуша. — Указ батюшки-царя не дослушали. Читай!

Во дворе немного стихло. Аким, еще повысив голос, начал читать торопясь, как что-то лишнее, о чем не стоит и говорить:

— «А ежели вы моему указу противитца будете, то в скорости восчувствовати на себе праведный мой гнев. Власти всевышнего создателя и гнева моего избегнуть не можете. Никто вас от сильных нашей руки защищать не может.

Великий государь Петр Третий всероссийский!» — опять громко выкрикнул Аким.

— Слыхали? — крикнул Хлопуша. — Будете государю служить?

— Будем! Головами послужим! До капли крови! Присягу примем! — кричали из толпы.

— Присягу тотчас примайте, а там полсотни в казаки отберу...

— Всех бери! Все пойдем! — кричали из толпы заводских.

— Всех не надобно! — крикнул Хлопуша. — Слыхали, пушки государь требует. Пушки лить будете, бонбы. Полсотни отберу, кои подюжей и стрелять могут.

— А мы как? Хрестьяне? — раздались несмелые голоса из толпы угольщиков. — Вольные мы ноне? По домам али как?

— Молчать! — крикнул Хлопуша. — Сказано, оружие государю надобно. Работать станете. А тотчас присягу примайте. Не то, глядите, худо будет! Где поп-то? Отступите от крыльца!

Заводский священник, отец Варсонофий, путаясь в рясе, выступил из толпы. В растрепанной бороде все еще торчали щепки и соломинки. Аким посмотрел на него — совсем точно не тот стал батюшка. Утром-то какой важный был, как стоял на помосте с крестом. Неужто боится? Кто же его тронет, батюшку-то?

— Читай, поп, присягу, — сказал Хлопуша, протягивая священнику присяжный лист. — А я покуда с тобой пойду, — повернулся он к Беспалову. — Список мне покажешь, сколько мартил у вас и гаубиц, и бонбов, и казны тоже.

Беспалов униженно кланялся, проталкиваясь через расступавшуюся толпу к дому управителя. Хлопуша и еще двое казаков пошли за ним.

Глава десятая

Как только Хлопуша ушел, вся площадь пришла в движение. Одни протискивались вперед, другие бежали следом за казаками. Башкирцы садились на лошадей.

Из конторы кто-то уже успел вынести стол, дьячок положил на него евангелие. Священник, подняв

дрожащей рукой лист, начал нараспев читать слова присяги.

Толпа затихла. Некоторые усердно крестились, другие протяжно вздыхали, вслушиваясь в малопонятные слова присяги. Наконец священник, взяв из рук дьячка крест, высоко поднял его над толпой и произнес: «В ознаменование сего целую слова и крест спасителя моего. Аминь».

Все торопливо протискивались к священнику и благоговейно целовали крест.

Захар поцеловал крест и поскорее пробрался к своим землякам, собравшимся кучей в другом конце площади.

— Сказано — вольность нам! — кричал один парень. — Говорил я вам!

— Да ты постой, — останавливал его Нил. — Слышал — работать велено на заводе? Какая ж это воля?

— Мало что велено! А указ слышал?

— Ехать велено к батюшке-царю. В казаки, стало быть.

— То заводским. Слышал, кои стрелять могут. Не нам.

— А нам как же, хрестьянам? Крест целовали.

— Никак не понять — вольные мы ноне али нет, — со вздохом сказал староста Прокл. — Землицу бы, главное. Своя ведь, родная. Растволковал бы кто.

— Аким! — крикнул опять Захар. — Аким все знает! Он и указ читал!

Захар побежал к крыльцу. Там стало теперь немного попросторней.

Аким стоял в стороне среди кучки заводских и, видать, уговаривал их.

— Дяденька Аким! — бросился к нему Захар. — Тебя кличут. Вот не поймут, чего в указе читал. Ты знаешь. Скажи ты им.

— Аким! — кричали мужики-угольщики, окружая его. — Растволкуй ты нам, как нам-то, хрестьянам? Вольные мы али как? По домам, что ли? Земля ведь у нас там, с коих пор пахали отцы, деды. . .

Первый раз еще тихий, всегда молчаливый Аким стал вдруг всем на заводе нужен. Но он и сам точно другим стал. Ему хотелось всем растолковать, что случилось и что надо делать, как помочь новому царю, чтоб он поскорей мог дать волю всему народу.

— Да тихо вы! — надрывался Захар. — Он тотчас.

Говори, дяденька. Чего ж молчишь? — не унимался Захар, дергая Акима.

Аким посмотрел на мужиков, — как бы им так сказать, чтобы сразу всё поняли. Привычки у него не было перед народом говорить.

— Братцы! — крикнул он во весь голос. — Ваша ноне будет земля! Немного лишь погодите! Вот как Петр Федорович на престол сядет, так в тот же час и землю и волю вам даст!

— Он же ноне царь и есть! — закричал чей-то голос. — Царский указ нам прислал и волю дал! Вольные мы ноне, государевы, стало быть!

Аким покачал головой и сказал твердо:

— Батюшка-царь нам волю даст, как на Москву придет. Он ноне с супостатами воюет. Ему оружие надобно. Наш завод работать станет.

— Это как же? — послышался голос. — Опять, стало быть, угли жечь? Авзянские, сказывают, по домам пошли.

— Ты не путай! — послышался другой выкрик. — Про вольность там сказано, ай нет?

— Сказано, — подтвердил Аким.

— А про землю? Что наша ноне земля, не помещикова, сказано?

— Сказано, да ране...

Но его больше не слушали.

— Коли сказано, так и ладно. Стало быть, могём до дому. И гуторить нечего. Земля, чай, там у нас дома... Вольные мы.

— Айдá на деревню, ребята! Чего тут! — раздались отдельные голоса. Мужики стали отходить от Акима.

— Да стойте вы! — крикнул он рассердясь. — Волю всем дает царь Петр Федорович! Это правильно! Только работать надо! Пушки лить! Без оружия...

Но про заводскую работу мужики больше и слушать не хотели. Они всей толпой стали пробираться к задним воротам.

— Дурачье мужики, — сказал сверлильщик Цыган. — Им бы лишь до земли дорваться, а завод хоть пропадом пропадай. А нам-то как же, заводским, коли завод станет?

— Как же станет? — ответил Аким уверенно. — Пушки ж велено государю лить, бомбы.

— А какое ж нам-то, заводским, облегченье? — крикнул Федька, Акимов подручный. — Хоть бы в казаки забрали!

— Дурень ты, Федька, — оборвал его Аким. — А кто ж оружие государю лить станет? Ребята! — заговорил он вдруг новым, уверенным голосом. — Может, ноне свет увидим. Правды, может, дождемся. Петра Федоровича за то и с царства согнали, что он крестьянам облегченье сделать хотел. Не втолкуешь им, — прибавил он с огорчением, кивнув в сторону мужиков. — Им бы тотчас все. Поддержать надо батюшку-царя, покуда он супротивников повоюет.

— Для чего не поддержать, — заметил кто-то. — Платили бы лишь.

Рабочие постепенно расходились. Аким с удивлением смотрел на них. Никто как будто не понимал как следует, что случилось. Мужики, те, правда, сильно обрадовались, да не понимали они, что не сейчас еще воля. Поработать еще надо. А заводские будто и не рады.

Во дворе пустело.

Из дома управителя доносились пьяные крики, хохот. Беспалов угощал казаков и поил их управительским вином.

Глава одиннадцатая

Аким шел домой и земли под собой не чуял.

Какая его жизнь была? — с каторги на каторгу. На заводе-то двадцать лет спины не разгибал у горна. За печкой гляди, за поддувалом, медь кипящую дразни палкой, чтоб воздух вышел. Недоглядел — в ухо, а то розгами. Думал, так и жизнь кончать. . . И вдруг воля! Нашелся же такой праведный царь. Это его горе научило. Скитался, скитался, ну и навидался, какво народу на русской земле. Вот и поднял восстание. Только бы на царство ему скорее сесть. Повоевать всех царициных генералов. Оружье надо ему скорей наготовить. Уж я уговорю наших заводских, чтоб не выдали его, помогли. За них же за всех восстал он.

— Ну, Аким-простота, прймай гостя! — крикнул вдруг сзади веселый голос.

Аким повернулся. Бродягу ему сейчас меньше всех хотелось видеть. Балагурить примется. Все ему смех.

— С тебя магарыч! — продолжал тот. — Кабы не я, протянул бы ты ноги. Плетка-то не тетка.

Аким вздрогнул. Он совсем забыл про утро. Точно и не было его. И вспоминать неохота было.

— Не привел бы я их на ваш завод, — не унимался бродяга, — не видать бы тебе воли.

Правду ведь говорит он. Аким и сам думал это.

— Так это ты им на наш завод путь показал? — спросил он, входя в избу. — Спасибо, коли так, Иван. Садись, гостем будешь.

— На послугу я хват, — с важностью сказал бродяга, садясь на лавку. — Вашего-то разноглазого, думаешь, кто надоумил?

— Неужто ты? — спросил Аким, хмуро посмотрев на бродягу.

— А как же. Он меня было сейчас за стол сажал с казаками. Ну, я бутылочку взял да сюда. Надо и приятеля угостить.

Он вытащил из кармана бутылку водки и поставил на стол.

— Хлеб да луковица найдется? — спросил он.

В дверь вошел Захар. Весь день он проходил в рогатке и как-то под конец забыл о ней.

— Ты все еще бодаешься, — засмеялся Иван. — Ну, подь сюда, тряхнем стариной.

— Ключ принес? — обрадовался Захар.

— Ключ не ключ, а отверточка. У всякого рыбака уда за поясом. — Он пошарил в кошеле, достал отвертку, сунул в скважину, покрутил, замок щелкнул, открылся, и ожерёлок сразу сполз с шеи.

Захар схватил его, бросил со злостью в угол и радостно завертел шейей.

— Уф! — вскричал он, просияв. — Ну и ловкач же ты, дяденька! — Он повертывал во все стороны голову и разглаживал шею. — Шее-то как лёгко...

— На что ж ты разноглазому-то пособил? — перебил его Аким.

— Не поймешь? Наш-то, Хлопуша-то, живо бы его ухлопал. На то он мастер. А кто ж заводом-то правил бы? Ты, что ли? Пушки ж царю надобны.

— То так, да... — пробормотал Аким.

— Разноглазый ваш у нас теперь во где сидит! — Бродяга протянул жилистый кулак. — Дело-то как было. Да дай ты чашку. Горло-то промочить.

Аким достал с полки чашку с отбитой ручкой, краюху хлеба и пару луковиц. Иван вытащил затычку из бутылки, налил чашку, отломил кусок хлеба, выпил, крикнул и закусил корочкой.

Аким и Захар молча смотрели на него.

— Ну вот, — заговорил он. — Как я башкирцев впустил... Со сторожем тем я давно приятель... Кинулись они в поселок — пошарить покуда, до Хлопуши. Ну, а я — в контору. Думал, — может, деньги там заводские...

Аким посмотрел на него с ужасом.

— Спрятать чтобы... А то растащили бы... Ну, денег там — ни шиша. Заглянул в чулан, а там разноглазый-то ваш притаился — сидит. Ну, я его, — продолжал бродяга, — и научил. Наш-то почесть тоже любит.

— Дяденька, — спросил Захар, — а чего у его ры... лицо-то, того, занавешено? От пули, что ли?

— Ха! — усмехнулся бродяга. — Орден ему, вишь, поболе моего даден. У меня-то щеки лишь целованы. — Он пощупал шрамы по сторонам носа. — Ну, а у него-то весь нос на память забран. Вот он красу-то свою и прячет.

Захар с недоумением смотрел на бродягу. У себя в деревне да и здесь на заводе он еще не видал каторжников с вырванными ноздрями.

— Это ты, Иван, — заговорил Аким, — зря, может, Беспалова-то научил. Нет у меня веры ему, не узнать, что у него на уме.

— Это как есть, — засмеялся бродяга, оскалив белые зубы. — С одной стороны черемися, а с другой — берегися.

— Видишь. Как с таким дело ладить?

— А ты сам не будь прост. Худ пермяк, да два языка знат. Говорю, он из моей воли не выступит, — хвастливо прибавил бродяга, опрокидывая еще чашку. — Ты чего ж компанию не держишь? Аль по зароку? Ну, мы с мальцем, когда так, — сказал он, подвигая Захару чашку.

— Рано еще ему, — решительно сказал Аким. — Ложись, Захар. Лезь на печку. Нам еще поговорить надобно.

Глава двенадцатая

Когда на другое утро Захар открыл глаза, ни Акима, ни бродяги в избе не было. На столе стояла чашка тюри.

Захар кубарем скатился с печки, схватил ломоть хлеба и опрометью побежал на площадь.

В поселке было пусто.

Навстречу Захару шел заводский парень Павлуха, в новых сапогах, с ружьем за спиной. В поводу он вел лошадь.

— Павлуха! — окликнул его Захар. — Лошадь-то откуда у тебя?

— Беспалов велел выдать. Заводская. Гляди какая. А? И ружье выдал, и сапоги новые.

Павлуха остановился против Захара, расставив ноги и самодовольно оглядывая себя.

— Неужто всем, кто в казаки поверстался? — спросил Захар.

— Всем, — ответил Павлуха. — Вон их там в амбаре переписывают.

Захар взглянул на Павлуху и торопливо заговорил:

— Павлуха, может, там охотников не хватает. А? Может, меня возьмут, как я попрошусь...

Павлуха свысока посмотрел на Захара.

— Тебя? — повторил он, усмехнувшись. — Усы перво отрасли. Казак тоже! Которые стрелять умеют, тех берут. Ты-то и ружья, поди, в руках не держал, а туда же.

Захар обиженно замолчал и повернулся прочь.

Но парню, видимо, не хотелось так скоро отпускать его.

— Гляди-ка, — обратился он к проходившему мимо казаку. — Тоже к вам в казаки проситься хочет. А из самострела разве по воробьям стрелял.

Казак добродушно посмотрел на красное, обиженное лицо Захара.

— Чего ж? — сказал он. — С ружья-то стрелять не хитро выучиться. А есть у нас которые и вовсе без ружей. С пиками да с луками выезжают. С лошадью вот как? — прибавил он. — Лошадей у нас с собой лишних нет. А с управителем вашим сговор такой: самых что есть дюжих отобрать, тем от завода и ружье и лошадь дают. А ты, вишь... — Он с сомнением посмотрел на Захара.

Захар густо покраснел и хлюпнул носом.

— Ты, парень, не обижайся, — сказал казак, хлопнув Захара по плечу. — Кабы в Берде у нас, мы бы тебя взяли — отчего ж? — и стрелять научили, а ноне время нет. Главное — лошадей нет лишних. По всем заводам нас батюшка-царь посылает. За оружием.

Захар повернулся и пошел к конторе.

«Везет же людям. Мне бы да казацкую лошадь, — думал он. — Может, коли хорошенько попросить, и мне дадут».

Захар перешел мостик и вышел на площадь.

Площадь была сегодня другая, чем вчера. Посредине перед конторой стояли нагруженные возы, а за ними телеги, на которые рабочие укладывали разный товар. Они выносили из открытых сараев ящики, тюки и несли сперва к конторе. Там на ступеньках крыльца сидел Хлопуша, а перед ним на земле, за конторским столом, Аким с гусиным пером в руке.

Хлопуша глядел, что выносят, и говорил Акиму:

— Пиши: ягод изюменных ящик. Сахару десять голов. Написал? Сорочинского пшена мешок.

Из калитки управительской усадьбы вышел Илья и махнул казакам, тащившим за ним что-то тяжелое.

Илья, усмехаясь, тоже шел к конторе.

— Ты чего, Илья? — спросил его Хлопуша.

— А это, твое благородие, музыка. Пускай батюшка наш потешится. Станови на землю! — крикнул он казакам.

Захар посмотрел на большой черный блестящий ящик. Что ж это за музыка? Как только ящик поставили на ножки, Илья поднял спереди узорную крышку и с хохотом ударил обеими руками по желтенькой полосе с черным заборчиком. Ящик взревел странным звонким, многоголосым ревом.

Все кругом заулыбались.

— Слушайте! — крикнул Илья и стал тыкать одним пальцем слева направо. Ящик загудел сначала глухо, точно колокол, потом все звонче, ясней, веселей. Казаку надоело тыкать, и он, не отрываясь, прокатил пальцем до края и, склонив голову набок, прислушивался, как ящик зашелся высоким писком.

— Знато! — крикнул он.

— Ну, ну, забирай уж, коли так приглянулось, — сказал Хлопуша. — Не разбей только, гляди. Тонкая штучка.

Захар побежал за Ильей. Теперь, без рогатки, Захар был смелее, а Илья ему больше всех понравился. Тот отошел в сторону и распоряжался укладкой на пустую телегу диковинной музыки.

Погрузка приходила к концу. Откуда-то вынырнул Беспалов и тихонько докладывал Хлопуше, низко кланяясь.

— Илья, — окликнул Хлопуша кудрявого казака, — ты с обозом пойдешь прямо в Берду. Башкирцев отбери десятка с два и наших десятков. Для береженья. Вот реестр, получай. Все по нему сдать. Творогов примет. Я дальше поеду, на Канинский и на Белорецкий. За молодыми-то казаками смотри в оба.

— Охотой идут. Чего там! — сказал Илья, тряхнув головой.

— Не озорничали чтоб в пути. Чего надо — забирайте. А забижать народ батюшка наш не велит. Ивана ко мне пошли.

Илья что-то сказал одному казаку, и через минуту из амбара вышел, вытирая рукавом рот, бродяга и быстро заковылял к крыльцу.

— Ты, Иван, на Белорецкий завод теперь проберись. Поразунай, как там. Тут тебе делать нечего. Нас там дожدهшься.

Иван молча кивнул. Аким был рад, что Хлопуша отсылал отсюда бродягу. Не верил Аким ему, хоть тот и выручил его.

— Да здешним башкирцам, что с кочевья привел, настрого накажи, — продолжал Хлопуша, — чтоб не озоровали. Мы уйдем, завод работать станет, — чтоб не смели трогать. Знаю я их. К батюшке приклонятся, а там грабить почнут. Вешать буду...

Бродяга слушал и молча кивал головой. Хлопуши он, видимо, побаивался.

— А ты все памятуешь? — обратился Хлопуша к Беспалову. — Годящие пушки царю-батюшке отсылаю. А вы тут тотчас новые лить беритесь. Не всех еще отступников да завистников повоевал батюшка. На Москву пойдет. Войска у него нет числа. Пушек надо много. Ну, с богом!

Он сошел с крыльца и пошел к воротам.

Захар вертелся около Ильи и все примерялся, когда его попросить. Может, и возьмет — веселый он, простой.

— Ладно так будет, — сказал Илья, подоткнув еще один пук соломы под веревки. — Казаки-то молодые готовы, что ли? Ехать надо.

— За воротами они, — пробормотал Захар. — А, может, и мне можно? а? — сказал он вдруг, набравшись храбрости.

— Чего тебе? — спросил Илья, удивленно оглядываясь на Захара.

— В казаки бы мне... а? — умоляюще проговорил Захар, не спуская глаз с Ильи.

— В казаки? — усмехнулся Илья. — Воевать захотел? Да ты, может, и стрелять-то не умеешь?

— У-умею, — пробормотал Захар.

— Умеешь? — повторил Илья. — Ну, что ж. Лет шестнадцать-то тебе будет, что ли?

Захар кивнул, хотя ему только что минуло пятнадцать.

— Ладно, поглядим, — сказал Илья.

У Захара даже дух захватило от радости.

— Вот коли еще пяти десятков не набрали, — продолжал Илья, — велю тебя поверстать.

На пустыре перед теми воротами, куда вчера ломились казаки, беспорядочной кучкой толпились поверстаные в казаки заводские парни, неумело сидевшие на лошадях.

Илья велел им отъезжать по десятку в сторону.

Захар со страхом и надеждой старался пересчитать казаков. Но это ему никак не удавалось. Непривычные всадники дергали лошадей, переезжали с места на место, и Захар поминутно сбивался со счета.

Вот уж три десятка отъехало — не так много и осталось. Вот и четвертый. Осталась небольшая кучка... Три, четыре, пять, шесть... Ну, конечно, десяти не будет... Семь, восемь, а девятый последний.

Сердце у Захара совсем остановилось. Он не сводил глаз с Ильи.

Илья уже повернулся, ища глазами Захара.

— Ну, где тут парень, что у меня просился?

Захар, красный, тяжело дыша, выскочил вперед.

— Сведи-ка его, — начал Илья. — Пусть ему тоже... :

Но в эту минуту из ворот завода, подгоняя упрямящуюся лошадь, выехал, тоже весь красный, опоздавший парень.

— Ты чего ж задерживаешь? — недовольно обратился к нему Илья. — Другого было взяли.

— Седла не сыскать было, — пробормотал парень испуганно. — Приказчик не давал. Его-де...

— Ну ладно. Иным разом не зевай. Не люблю я разинь. Ну, а тебе, парень, видно, до другого раза подождать придется.

Захар стоял совсем убитый, изо всех сил стараясь глотать подступавшие к горлу слезы.

— Не горюй, навоюешься еще. На твой век хватит.

Илья махнул, чтоб подвели его лошадь, и вскочил в седло. Захар побрел прочь, еле передвигая ноги.

Так он и не посмотрел, как Илья с молодыми казаками весело поскакал по дороге на Оренбург. А за ним потянулся огромный обоз с пушками, со снарядами, с невиданной музыкой, с мебелью, с посудой из управительского дома и с разными продуктами из заводских складов. Позади всех ехало десятка два старых казаков, чтоб не напал кто на обоз и не пограбил чего.

Хлопуша со своим отрядом поскакал налегке дальше, по другим заводам.

Башкирцы еще раньше ускакали в свое кочевье.

Воскресенский завод сразу опустел. Своих ушло всего пятьдесят человек, а казалось — точно и половины не осталось.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

Глава первая

Под утро ударил первый заморозок, хотя до зимы еще было далеко. Лес стоял попрежнему зеленый, только на пустыре траву чуть запырило инеем.

На самом заводе заморозок, точно заботливый хозяин, прибрал следы вчерашнего беспорядка. Грязь на площади, растоптанную тысячами ног, подсушило и присыпало сверху белым песочком. Шаги сторожей гулко раздавались в прозрачной предутренней тишине. Сторожа сами, без приказа, убрали с площади поломанные ящики и охапки соломы.

Словно и не бывало беспокойных гостей. Завод опять был такой, как всегда, и ждал только, чтоб началась работа, чтобы рабочие, как всякий раз после праздничных дней, снова вдохнули в него жизнь и движение.

Но рабочим вовсе не хотелось приниматься за работу.

«Что ж теперь будет? — думалось каждому. — Новый царь волю посулил. Неужто же работать по-старому? Какая ж, когда так, воля? Главное — и приказчик тот же остался».

Попросыпались все на другое утро — слушают. Ну, так и есть — колокол. Опять, стало быть, на работу. Вот тебе и новый царь!

Вылезали из домов все сердитые. И день холодный, хоть небо и ясное... Да ничего не сделаешь, надо плестись на площадь.

На конторском крыльце стоял Беспалов, прикрывая рукой сизую щеку.

Этот запрягать мастер. Не опомнишься — хомут наденет. Хмурились все. Другие заводы, слышно, прикрыли, всех в казаки забрали, — житье! А им — опять спины гнуть.

Все медленно стягивались к крыльцу и хмуро глядели на Беспалова.

— Ребята! — крикнул он, как только собралось побольше народу. Голос у него тонкий, а слышный. Примолкли рабочие. — Государь-батюшка нашему заводу почесть оказал — на него работать велел. Уж мы для батюшки-царя сил не пожалеем. Правду я говорю?

— Истинная правда! — крикнул во весь голос Аким.

Но никто его не поддержал. Рабочие переминались с ноги на ногу и угрюмо смотрели в землю.

— Вот-вот, — продолжал Беспалов, глядя на толпу ясным глазом. — Так я и знал, что вы работать на царя рады, — продолжал он, точно крикнул не один Аким, а вся толпа. — Будем стараться, сил не жалеючи. . . — Он немного помолчал. — Ну, а наперед, — заговорил он, повысив голос, — как государь-батюшка волю всему народу пожаловал, праздник великий сделал, надо и нам волю почествовать. Вот я вам за это три дня праздника жалею. Погуляйте за здравие государя Петра Федоровича.

Сразу точно солнце взошло. Все лица расплылись. Словно живой водой всех sprysнуло.

— Здорово! Вот спасибо! — кричали со всех сторон. — То-то выпьем! Эх, ходи изба, ходи печь. . .

Чуть с места вприсядку не пошли. Зашумела площадь. Топот. Хохот.

Федька-подручный дернул Акима за рукав.

— Аким Федорыч! Ловко! Разноглазый-то наш. А?

— Обрадовался, дурень! — оборвал его Аким сердито. — А пушки кто будет лить государю?

— А неужто так и работать, как ране? — осклабился Федька. — Воля ж!

— У, дурень! — крикнул Аким. — Вот побьют Петра Федоровича бояре, как у него оружия неостанет, будет тебе воля.

— Царь же он, — не сдавался Федька. — У него, чай, всего много.

— Говори с дураком! — совсем рассердился Аким. — Коли работать не будут, откуда ж возьмутся пушки?

— Про то не нам знать, — пробормотал Федька, — постарше есть. . . Може, выпьешь с нами, Аким Федорыч, за батюшку-царя? — прибавил Федька и, не ожидая ответа, побежал за другими.

Все рабочие торопились на пустырь, точно за ними там дело стояло. Так уж повелось на Воскресенском заводе. Хоть площадь перед конторой была просторная, а, как праздник, весь народ высыпал на пустырь перед заводской стеной. Точно там вольней всем дышалось.

Некоторые забежали на поселок рассказать бабам про свою радость, захватить сколько-нибудь грошей, сменить рубаху, коли была поновее, накинуть на плечи армяк и опять скорей за ворота.

Бабы, те не очень радовались празднику. Пойдет гулянка, пропьют рабочие последние гроши. Да уж тут не поспоришь. Все равно не удержать.

Ребята, как прослышали, тоже увязались за взрослыми и шумной ватагой помчались из поселка.

На пустыре сразу сталолюдно и весело. Откуда-то взялся сбитенщик и лоточник с орехами и пряниками. Кое-кто успел уже раздобыть и бутылочку. Ни дать ни взять — армарка.

Аким тоже вышел за другими и сел на завалинку рядом со сторожем. Сторож у их ворот был древний старик. Борода у него уже желтеть начала, глаза из-за морщин еле видны были. Он и сегодня, как всегда, ковырял лапоть, точно ничего и не случилось нового на заводе.

— Тоже вот, — заговорил он, не глядя на Акима и точно продолжая давнишний разговор, — башкирцы летось бунтовались. . . годов тому десятка два будет, али поболе. . . И-и, чего было. Вроде царь у их тоже был. . . Батыршей звали. . . Побили их — сметы нет.

— Какой же то царь, — проговорил Аким, — башкирец?

— Наши тоже, — не слушая, говорил старик, — не впервой шумят. У Демидова я в те поры жил, на Авзяно-Петровском. Ну, и скажи ты, чего делали! — Старик усмехнулся. — Не идут на работу — и ну. Казаков нагнали, солдатов. . . А они: коли, мол, стрелять почнете, не быть капитану живу. Да мы, мол, сами себя перережем али огнем сождем, чем на завод идти. Тоже и в тот раз

сказывали, — прибавил он погодя. — Указ, мол, есть — на заводе не работать.

— А от кого указ-то? — спросил Аким.

— А бог его ведает, — протянул старик, — царский будто тоже — сказывали.

Аким пощупал за пазухой. Там все еще лежал лист, что ему дал бродяга. А он так никому и не прочитал — не поспел. И не отдал. Ивану на другом заводе тоже надо. «Почитать хоть теперь, — подумал он, — покуда не перепились».

Он встал и замешался в толпу. Там уже веселье шло вовсю. Про вчерашнее и позабыли все. Тот сопелку новую показывал. Тот песню затягивал. Тот подбивал на три дня в Богульшаны закатиться — там татары хоть сами не пьют, а напоят за милую душу. Где-где кто-нибудь крикнет: «Вот спасибо новому царю — хоть спину разогнем да глотку прополощем».

— Ребята! — закричал высокий парень, выскочив из ворот. — В конторе деньги дают, у кого не все забрато. Всех точно ветром подхватило.

— Ну и разноглазый! — кричали на бегу. — Чисто батяка родной! Разодолжил, пес! На сороковку хоть...

Вокруг Акима сразу опустело. Только небольшая кучка рабочих стояла в стороне и переговаривалась. Заметив Акима, один из них, Силантий из сварочной, быстро пошел к нему, кивнув и остальным.

— Вот ты мужикам разъяснял, — заговорил он сразу, — им-то новый царь и волю, и землю, стало быть, сулит. А как нам, заводским? Хоть мы и вольные, а куда подашься? Всюду та же каторга. Как ты располагаешь — об нас-то имеет царь-батюшка заботу?

— А как же, — ответил Аким с убеждением. — Сказано же в указе: «землей царь жалует и денежным жалованьем». Это про нас и есть. Чтобы, значит, по совести платили.

— То-то, — сказал другой. — Вот тоже магазинны заводские. Одна обида. Забирай все у них. А сами втридорога продают: До чего ни доведись, — бабе платок, сказать, и то — в Богульшанах двугривенный, а у нас, гляди, четвертак. Уж про соль да про крупу сам знаешь.

— Что и говорить, — подхватил третий. — Заводские-то хозяева почище помещиков. Еще наш, сказывают, не самый злодей. У Демидовых, слышно, того круче.

— Зато авзянские-то все, слышно, и разбежались, чуть им указ объявили. А нам, вишь, работать от царя велено. Одно вот — почто он разноглазого оставил?

— Дело будто знает, — проговорил Аким. — А государю оружие требуется. Хлопуша-то его припугнул, Беспалова-то, так я полагаю. Сказал ему, что государь-батюшка работных людей в обиду не даст. Вот Иван — тот, с деревяшкой, видали? — его к нам царский полковник прислал, так он Петра Федоровича сам видал. Говорит — вот как царь-батюшка работных людей жалует.

— Сам видал, говоришь? — протянул Силантий. — Вот бы порассказал нам чего. Послушать бы.

— Ушел он, — сказал Аким, — его полковник на другой завод послал, на Белорецкий, чтоб он наперед разведет, есть ли там у заводских согласие до Петра Федоровича приклониться. Вот у нас по своей охоте приклонились, — с досадой прибавил Аким, — а чего делают! Государю оружие требуется супротивников воевать, а у нас, вишь, гулянка пошла. И чего разноглазый наш праздник надумал?

— Ничего, — сказал Дрон из отделочной, — погуляют, а там круче примутся. А вот обида — бродягу-то мы упустили, не расспросили про царя-батюшку.

— Я-то тоже не видал, как он уходил, — сказал Аким, — не отдал ему указ царя Петра Федоровича, что он мне дал.

— Тот, что ты с крыльца читал? — спросил Силантий.

— Нет, иной, — сказал Аким. — Больно хорошо написано. Слеза прошибает.

— Может, считаешь нам? — сказал один из рабочих.

Акиму и самому давно хотелось этого, только он не знал, захотят ли рабочие слушать.

— Ладно, — сказал он. — Идемте коли в мою избу. Холодно тут чего-то. А там я к Беспалову схожу, попеваю ему на праздник.

Глава вторая

— Цып, цып, цып! — звал бродяга, стоя у забора управительской усадьбы. — Ишь, сколько их тут! Не перечешь, — бормотал он, бросая крошки в целое пернатое море, заливавшее весь двор усадьбы. — Да что, не

кормят их, что ли? — удивлялся он, глядя, с какой жадностью накидывались птицы на крошки.

— Эй, ты, малый! — окликнул он рабочего. Тот стоял на крыльце людской избы и что-то смачно жевал. — Подь-ка сюда!

Большеротый парень в розовой рубахе потянулся, поскреб сквозь рубаху грудь и стал пробираться через птичье море, расталкивая ногами крякавших уток и хлопотливо клохчущих кур.

— Чего у вас до сей поры птица не кормлена? — спросил бродяга парня. — Птичница где?

— А у нас птичницы и нет вовсе, — осклабился парень. — Работник был приставлен, убирал за ей, за птицей. А корм завсегда сама хозяйка, Марфа Петровна, задавала.

— Врешь? — не поверил бродяга. — Барыня ж она. А барыни разве чего понимают?

— Наша вот как понимала. До всего сама доходила. Ты нонче не гляди. Казаки-то всё как есть тут разорили. Чуть всю усадьбу не сожгли. Марфа-то Петровна наша в дому и погорела, в дыму задохлась. Пробовали мы отхаживать, да где там. Померла. Да и то сказать, чего бы ей одной-то у пустого места толочься. Раньше-то поглядел бы ты, чего у нас было. Хозяин тут приезжал, Твердышев, Яков Борисович. Диву давался. «Вам бы, — говорит, — Марфа Петровна, во дворце мадамой быть. Такого порядка и там не видно». Парники больно одобрял. «В этакое, — говорит, — время, — на пасху он приезжал, а пасха в тот год ранняя была, на снегу, — а вы, — говорит, — меня и огурчиком, и салатом, и земляничкой потчевали. Я, — говорит, — в Петербурге всем про то расскажу». А теперь, гляди, тех парников и звания не осталось. Сад тоже — яблони у нас были посажены, сливы, вишни. Всё обломали — погреться, вишь, захотелось, костер развели. Голые стволы стоят.

— Это что и говорить, — усмехнулся бродяга, — либо полон двор, либо корень вон.

— И то до корня все извели, Дадут ли, нет ли в том году яблони цвет, бог его знает.

— А ты что, в саду, что ли, работал?

— То-то что в саду. Садовник я. Лучше бы уж в казаки взяли. Чего ж я при пустом месте делать стану?

— Не горюй. Было бы семечко, проживет и Сенечка. Парень разинул широкий рот.

— А ты отколь знаешь, что меня Семеном звать?

— По роже видать. А за птицей кто у вас ходил?

— Потап. Да, говорю, его в казаки забрали. Теперь все одно резать будет птицу разноглазый. Бабы ж у его нет, где ж ему с этаким хозяйством.

— Эх, — с досадой сказал бродяга, — как это можно, чтобы птицу зря резать. Достается же этакое богатство, кто и обойтись с ним не знает как. Да мне бы курочку да петушка да утиных яичек хоть пяток. Как курочка нанесла бы яичек, я бы ей и утиных подложил. Глядишь, через полгода у меня и цыплята, и уточки. А там, может, и гусиных яичек парочку раздобыл бы. . . Эх! бывает же людям счастье. Вот уж правда говорится — не в коня корм.

— И то — тебе бы! — захохотал парень во весь свой большой рот. — Чай, живо бы в кабак спустил.

— У, дурень полоротый, — рассердился бродяга. — Пьет человек с горя. А кабы мне бы землицы да избенку да птицу. . . — Бродяга даже глаза прижмурил, и его обветренное, жесткое, как лубок, лицо, с хитрыми морщинами вокруг глаз, расплылось в блаженную улыбку.

Парень еще больше захохотал, ударил себя по ляжкам, крикнул:

— Помещик одноногий! — и убежал куда-то в глубь двора.

Бродяга сердито плюнул, потом оглядел все еще крякавших на разные голоса птиц и стал озабоченно рыться у себя в кошеле.

Он вытащил оттуда зачерствевший как камень ломоть хлеба и начал с усилием расщипывать его.

Когда Аким подходил к усадьбе, он издали заметил, что кто-то стоит у забора и бросает крошки птице.

— Тяга, тяга, тяга! — пел знакомый голос.

— Господи, да ведь это ж Иван, — удивился Аким.

Он так не ожидал увидеть его, что и не узнал сразу, не заметил деревяшки.

— Иван! — крикнул он подходя. — Ты чего ж здесь? Ведь тебя Хлопуша на Белорецкий посылал.

Бродяга обернулся к нему.

— На посылки всяк хват. Ну, а у меня, чай, нога-то одна. Поберечь надо.

— Да ведь как же? — пробормотал Аким. — Ну, как там...

— Не зуди. Поспею. Гляди, гляди, гусыня крыльями-то, крыльями... Не пускают утку к корму. Птица, а своих жалеет. Тяга, тяга, тяга! Сюда, сюда!..

Он заковылял вдоль забора, бросая крошки хлеба.

— Не дала, ведьма, зерна. Жаль ей, чортовой затычке, хозяйского добра. Последние корки нащипал, — сказал он с досадой.

— Ты про кого это? — спросил Аким.

— Да как же. На поварню заходил, стряпуха там, — сам, говорит, садись, похлебай щей, а овса не дам... Да когда она овес любит.

— Кто?

— Да гусыня. Кто! Овсом их первое дело. Жирные будут. Птицу понимать надо.

— Ты где ж это за птицей-то ходить научился?

— А у кума в Раненбауме. Баба евоная вот гусей развела — прудок там около. Во дворец поставляла... Житье! Ужо, как Петр Федорович на царство сядет, непременно мне хуторок велит дать.

— Эй, прохожий человек! — крикнул издали веселый голос. — Чего ж не идешь! Сказал — поднесу!

— Иду, иду! — заторопился бродяга. — Не бойсь, — подмигнул он Акиму. — Я живо — ино летом, ино скоком... а ино и под стол ползком...

Он засмеялся.

Аким махнул рукой. Необстоятельный человек.

Беспалова нигде не было видно. Управительский дом был кругом заперт, ставни и те закрыты. И работников никого не видать. Тоже, верно, на гулянку отпустил Беспалов.

Аким ушел домой и весь день просидел в избе — ни за работу не взялся, ни сговориться. Вино лишь у всех на уме. Что-то дальше будет?

Под вечер прибежал Захар и с порога еще закричал Акиму:

— Дяденька, а меня замляки-то с собой берут, а? В казаки не взяли, так я с ими на деревню... Гнедко там у бабки остался. Землю, сказывают, дают. На меня тоже отрежут. Я и пахать и боронить могу.

— Да кто ж их пустит? Работать велел царь! — крикнул Аким.

— Да они сами... Неужто разноглазого спрашивать-ся? .. а?

— Нет, то никак невозможно! Я с ними поговорю пойду.

Аким взялся за шапку, но тут как раз вошел управительский работник. Один глаз у него был подбит и язык заплетался. Он объяснил Акиму, что Беспалов зовет его к себе. Тотчас чтоб.

Вернулся, стало быть, к вечеру домой Беспалов.

Когда Аким пришел в управительскую усадьбу, ставни в доме были открыты, но дверь на крыльце заперта. Работник отпер дверь и впустил Акима.

Беспалов сидел в управительском кабинете за столом, спиной к окнам, так что лицо не очень хорошо было видно. Но все-таки Аким сразу понял, что Беспалов не пьян.

— Ступай поближе, Аким, — сказал он ласково, когда Аким остановился у дверей. — Разговор у нас с тобой будет.

Аким подошел. Беспалов облокотился на левую руку и прикрыл ладонью всю сизую половину. Правый глаз ясно смотрел на Акима.

— Давно ты у нас на заводе, Аким, и ни в чем худом не замечен. Не пьешь ты, работаешь усердно, грамоте знаешь. Давно тебя отличить надо бы. Говорил я управителю, да Семен Ананьич доверия к тебе не имел, как ты без роду, без племени, думал — может, каторжный?

Беспалов вопросительно посмотрел на Акима. Аким молчал.

— Ну, а ноне государь-батюшка Петр Федорович всем волю дал. Стало быть, и ты вольный стал.

Аким кивнул.

— Знаю я, — продолжал Беспалов, — как ты к государю-батюшке привержен. Мужичкам нашим — спасибо тебе — указ батюшки-царя толковал.

Аким подозрительно посмотрел на Беспалова, но правый глаз его глядел все так же ясно.

— Вот я и надумал, — говорил тот ровным голосом, — сделать тебя нонче приказчиком на место Ковригина.

Аким весь встрепенулся.

— Где ж мне? — пробормотал он. — Я...

— Ругатель был покойник, — говорил, точно не слыша, Беспалов, — кнутобойца. А государь-батюшка работ-

ных людей жалует. Вот и я им зато праздник дал, чтоб батюшке нашему благодарствовали.

— Перепились они больно. Как работать станут? — сказал Аким. — А время горячее — надо пушки скорей лить.

— А ты им растолкуй, — ты на то мастер, — что батюшке-царю оружие надобно. Они тебя послушают, как ты теперь приказчик.

Аким переступал с ноги на ногу.

— Управлюсь ли? — проговорил он. — Будут ли слушать-то меня?

— Как не управиться — ты же грамотей, — сказал Беспалов и поднялся с кресла.

В ту же минуту левый глаз хитро и воровато глянул на Акима.

Но Беспалов уже отвернулся.

— Вот я тебе сейчас списки покажу — кто в какой мастерской работает, чтоб ты знал, с кого требовать. И про работу потолкуем.

«И то, — подумал Аким. — Может, я и пособлю работу поживей наладить».

Вернулся домой Аким озабоченный.

— Неужто пороть тебя будут, дяденька Аким? — со страхом спросил Захар, поглядев на Акима.

Аким махнул рукой.

— Приказчиком делает разноглазый.

Захар привскочил. Лицо у него расплылось.

— Да ну! Здрово! Ты что ж, пороть станешь, дяденька Аким?

Аким с досадой отмахнулся.

— Дурень ты, Захар. Садись вечерять. Поздно.

— Я там повечерял, на деревне. Я побегу на час, покуда ты...

— Только, гляди, заводским-то не болтай зря. Может, отдумает еще Беспалов.

— Да я к заводским-то и не пойду! — крикнул Захар, выскакивая за дверь.

Про деревенских Аким не подумал сказать, а Захар-то к ним и торопился поделиться важной новостью про Акима. Вернулся он, когда Аким уже лег.

Глава третья

Наутро Аким пошел к Нилу — он его больше других мужиков знал, думал, что с ним легче сговориться будет. Неужто не поймет, что не время теперь с завода уходить?

Еще из сеней он услышал громкий плач.

Домна, хозяйка Нила, сидела под окном и голосила, прижимая к себе сынишку своего Сеньку.

Нил стоял перед ней и скреб в затылке.

На Акима Нил поглядел искоса и даже не ответил, когда Аким, перекрестившись на икону, поздоровался с ним.

— Что, аль неможется Сеньке? — спросил Аким.

— На завод берут, — угрюмо пробормотал Нил. — Беспалов чем свет присылал.

— Осьмой годочек всего с успенья пошел, — всхлипывая причитала Домна. — Один он у нас, болезный... младшенький. Ой, горе мое! Каки силенки-то у его?.. Помрет, как старшенькие. Ой, лучше б голову с меня сняли!..

Аким посмотрел на Нила.

— Раньше десяти не берут же? — спросил он.

— В казаки много взяли, — не глядя на него, сказал Нил. — На заводе нехватка.

— Я поговорю управителю, — сказал Аким. — Какая с него работа?

— Не моего лишь, — пробормотал Нил. — У всех у мужиков.

Но Домна перебила его:

— Поговори, батюшка, Аким Федорыч. Он тебя послушает... Силенки-то вовсе нет... Помрет он, — всхлипывала она.

Она хватала Акима за руки, в ноги ему повалилась.

Аким испуганно схватил ее за плечи.

— Да что ты, Домна? Поговорю я. Да ведь не от меня... .

— Как не от тебя, болезный? Да ведь приказчик же ты ноне, сказывают.

— Кто вам сказал? — хмуро спросил Аким.

— Слыхали, — пробормотал Нил, сердито посмотрев на Домну. — А что же, коли ты впрямь приказчиком стал,

и то поговори. Это с каких же правов этаких-то несмысленней на работу брать?

— Я поговорю, — сказал Аким уверенно. — А я е тобой про иное говорить хотел. Сказывал мне Захарка, на деревню, мол, вы, до дому уходить...

Но тут Нил быстро повернулся к нему и заговорил сердито:

— Дурень он, Захарка...-Где кто сболтнет, а он... И на ум не впадало.

Сенька высунул голову, открыл было рот, но Домна тесней прижала его к себе.

— Так вы домой не собираетесь? — спросил Аким.

— На ум не впадало, — повторил Нил решительно. — Ай о двух головах?.. Дурной он, Захарка... Выдрать бы его, — прибавил он угрюмо.

— Ты не того, Нил, — заговорил Аким. — Не кручинься больно. Недолго уж. Вот на Москву придет царь Петр Федорович, всем волю даст.

— Ведомо, — коротко проговорил Нил, не глядя на Акима.

Аким хотел было собрать мужиков, прочитать им царский указ, что лежал у него за пазухой, но теперь решил повременить. Очень уж Нил сердит был за Сеньку. Наверно, и другие мужики, у кого ребят забрали, — тоже. «Поговорю раньше Беспалову про ребят, — подумал он. — И с чего вздумал он? И разговору не было. Скажу, обижаются сильно мужики. Как бы не сбежали».

Он постоял еще немного, подождал, не спросит ли о чем Нил, но Нил молчал. Домна все всхлипывала, прижимая к себе Сеньку.

— Ну, я пойду, — сказал Аким.

Нил все молчал. И Аким ушел.

Глава четвертая

Прошел еще один пьяный день. Наступала последняя ночь праздника. Погода опять переменилась. Потеплело, зато нависли тучи, и весь день то разъяснивало, то принимался лить дождь, да такой, что всех разгонял с пустыря. К вечеру дождь перестал, и за воротами опять собралась кучка пьяниц.

Они горланили песни и звали девок водить хороводы. Но девки не шли, они и так умаялись за день хуже, чем на работе. С поселка прибежали бабы за своими мужьями.

Они с бранью накинулись на пьяниц и силой тащили их домой. Но те упирались, гнали баб прочь и неистово ругались.

Подошел старик-сторож и пригрозил запереть ворота — пускай, коли так, все ночуют на пустыре. Бабы с визгом побежали на завод. Шатаясь и чертыхаясь, ползлись за ними и последние пьяницы.

Но, войдя в ворота, все понемногу затихли. На заводе ночью шуметь никак нельзя было. Заметит сторож — от штрафа не отвертись. Живо хмель соскочит. Полчаса не прошло, как рабочий поселок крепко спал.

Праздник кончился, люди успокоились, тяжелый сон сковал весь завод. Даже старик-сторож заснул.

Настала глубокая тишина.

И среди этой тишины невдалеке от завода, у пруда, вдруг зашевелилась крепостная деревня. Из дальней избы вышел крадучись староста Прокл, поглядел в сторону завода, прислушался и, перекрестившись, бесшумно пошел по порядку, тихонько постукивая в оконце каждой избы.

И сейчас же вся деревня высыпала на улицу.

Мужики торопливо выкатывали из сараев телеги, смазывали дегтем оси, чтоб колеса не скрипели. Мальчишки постарше выводили лошадей и помогали запрягать. Грузили на телеги сундуки, мешки муки, кули огородины, узлы с домашним скарбом, кадушки, ведра, укладки. Бабы привязывали к задкам телег коров, тащили лукошки с курами. Торопились, стараясь, главное, не шуметь, поминутно унимали друг друга, но все-таки ночная тишина сразу наполнилась тревожным гомоном. Из дрожащих рук выскальзывали горшки и со звоном раскалывались вдребезги о порог. Испуганные куры клохтали, кое-где мычала разбуженная корова, пищали грудные ребятишки, которых матери сунули на руки старухам.

Один ребяенок, вынутый из люльки, зашелев истощенным ревом, и сейчас же мужик накинулся на бабу и яростно зашептал:

— Уйми паскудыша! Недолго, и остановят!

Баба, испуганно оглядываясь, совала мальчишке в рот соску.

Другая, у соседней избы, дергала мужика и бормотала:

— Люльку-то, люльку не сняли... Как я там без нее?..

Ребятишки постарше вертелись между ног, увертываясь от пинков и подзатыльников.

У избы Нила все уже было готово. На возу между узлами, кадушками и корзиной с курами сидел на сундуке обрванный Сенька в отцовском тулупе. Он просился бежать за возами со старшими ребятами. Но Домна сердито заворчала, кинула его, точно узел, на телегу и еще для острастки наградила тумачком.

Староста Прокл обошел все возы, спросил мужиков, хорошо ли смазаны колеса, не будут ли скрипеть телеги, у всех ли есть вилы и топоры, чтоб их далеко не засовывали: время не тихое, мало ли что в дороге приключиться может. Опросил баб, всё ли сняли с огородов: ехать долго, лишнего не будет, да и домой не с пустыми руками приезжать. Тоже и там для них не заготовлено. Наказал унимать ребят и идти пошибче. За ночь надо бы отойти верст двадцать. Как бы с завода погони не послали. Того и гляди — нагонят.

Лошади нетерпеливо фыркали и помахивали хвостами.

Прокл вернулся к своей избе — она была крайняя к лесу, самая дальняя от завода. Он перекрестился, сказал: «С богом» — и, взяв лошадь под уздцы, вывел ее на дорогу.

За ним закрестились мужики и бабы; мужики тронули лошадей, и длинный поезд медленно потянулся прочь от завода, через пустырь, к густому черному лесу.

Лошади чавкали копытами по вязкой грязи дороги, кое-где скрипели колеса, хоть их и жирно смазали дегтем.

Передняя телега уже въезжала в лес, а задние только что выезжали из чужой, постылой деревни. Позади оставались пустые дворы и избы, распахнутые ворота и мусор на улице и во дворах.

Ребятишки и собаки беззаботно бежали впереди. Бабы на ходу совали грудным детям соски из жеваного хлеба. Старики и старухи крестились и шептали молитвы.

Меньше двух лет прожили они на проклятом заводе,

а сколько похоронили с тех пор, как их оторвали от родной деревни, и сколько еще не досчитаются за обратный путь.

Другие-то мужики — не одни ведь они крепостные на здешнем заводе, — те уж лет по двадцать, а то и по тридцать здесь, с самого того времени, как завод ставили. Они свои места уж позабывали, обжились здесь, ребята повзросли, поженились. Которые и не помнят, откуда они родом. Их и не тянет отсюда. Привыкли к заводу и к заводской работе. Ну, а они — вот как младенца-сосунка к матке тянет, так их к родной земле. Скорей бы лишь. А то как бы к дележу не опоздать. Не обидели бы соседи.

Мужики шумно вздыхали и старались гнать от себя тревожные мысли.

Тучи разошлись. Месяц стоял высоко на небе, но дорога была тяжелая, в гору. Грязь не просохла, лошади скользили, колеса вязли, идти трудно было. Далеко и десяти верст не прошли, а ребята уж начали проситься на телеги.

Не хотелось Проклу останавливаться. Далеко ли ушли?

А вдруг Беспалов погоню пошлет. Но ничего не поделаешь, — устали все сильно.

— Ладно, — сказал он, — постоим малость. В гору всё шли. Дальше легче будет.

Он остановил лошадь. За ним остановились и другие. И как только обоз затих, откуда-то донесся звонкий лошадиный топот.

Неужто с завода скачут?

Перепугались все. Разахались, кричат. Бабы вой подняли. Мужики кинулись вперед, к Проклу. Окружили его, спрашивают:

— Что ж теперь делать-то? Неужели назад поворотят?

— Тихо! — крикнул Прокл. — Послушать надо.

Понемногу шум затих. Мужики грозили бабам. Бабы унимали ребят.

— Да то не с завода вовсе! — крикнул Прокл. — Навстречу скачут, с горы. И не много, кажись, — двое или трое. К нам на завод, стало быть. Вот беда-то. Доведут

еще, никак нельзя пропустить. Хоронитесь живо за деревья. Топоры-то есть?

Мужики рассыпались по сторонам дороги.

Топот приближался. Ехали как будто двое.

Вот из-за поворота показалась голова маленькой косматой лошаденки с таким же маленьким всадником. Сзади на высоком вороном коне скакал рослый чернобородый человек с ружьем за плечами.

Прокл с криком выскочил из леса и схватил за узду лошадь переднего. Толпа мужиков с топорами накинулась на двух всадников. Задний быстро осадил лошадь. Переднего стащили с седла. Он ловко вывертывался, вертелся выюном, чуть не вырвался, но один из мужиков взмахнул топором, и он упал, обливаясь кровью, а лошадь быстро умчалась назад.

— Того держите! — кричал Прокл. — Уйдет!

Мужики, толкая друг друга, теснились вокруг другой лошади. Крупная лошадь испуганно ржала, мотала головой, не давала схватить за узду.

Всадник, склонившись к луке и держа повод в зубах, торопливо доставал из-за спины ружье.

— Пустите, стрелять буду! — крикнул он.

— Не пускай, ребята, держи! — закричал Прокл, поймав, наконец, повод.

Но всадник изо всех сил рванул лошадь. Она поднялась на дыбы и передними ногами толкнула Прокла в грудь. Он охнул, выпустил повод и отлетел далеко в сторону.

Другие мужики испуганно отскочили. Всадник круто повернул лошадь и во весь опор поскакал назад.

Мужики опомнились и со всех ног бросились за ним, кто-то размахнулся топором и бросил его вдогонку всаднику.

Чернобородый придержал лошадь, повернулся в седле и наугад выстрелил.

Раздался крик, один из мужиков упал, другие шарахнулись в стороны, и всадник ускакал назад, в гору.

Догнать его нечего было и думать. Мужики угрюмо возвращались к обозу. На дороге лежали Нил, Прокл и первый из всадников, которого они порубили топорами.

Прокл с трудом поднимался, хватаясь за грудь. У Нила весь рукав был в крови, и он тихо стонал. Его молча подняли и понесли к телегам.

— Ребята, — хрипло заговорил Прокл, показывая на недвижно лежащего человека, — оттащите-ка этого в лес, за деревья. Убили мы, видно.

Он наклонился над лежащим.

— Башкиренок, видно, мальчишка, кажись, — сказал он. — Зря мы это. Ну, все одно теперь. Тащите. Трогаться надо.

Несколько мужиков подняли мальчика и отнесли за деревья.

Прокл подошел к своей телеге. Баба его с плачем раздвинула кадушки и ведра, подостлала соломы и кое-как уложила Прокла.

Домна причитала и всхлипывала, стараясь стащить с Нила окровавленный рукав. Другие бабы помогали ей. Кто-то достал тряпицу и заматывал Нилу простреленную руку.

Сенька в голос ревел.

Через несколько минут обоз угрюмо двинулся дальше. По бокам шли дозорные.

Глава пятая

Когда обоз скрылся из вида, в лесу слышался заглушенный шорох и треск ветвей, и из-за деревьев осторожно выбрался рослый чернобородый всадник.

Выехав на дорогу и поглаживая по шее вздрагивавшую лошадь, он оглянулся, — спутника его нигде не было видно. На дороге, среди подсохшей грязи, поблескивала только большая лужа крови.

Покачав головой, всадник взглянул вверх на посеревшее небо, повернул лошадь и поехал, как прежде, под гору. Но поминутно он натягивал повод, оглядывался назад и прислушивался. Все было тихо. Никто за ним не гнался. Всадник нетерпеливо сжимал бока лошади, хлестал ее, но только что она пускалась крупной рысью, он опять круто осаживал ее и прислушивался. Больше ему никто не повстречался.

Вот из-за последних деревьев блеснул громадный пруд, а за прудом в предутреннем сумраке высились почерневшие стены Воскресенского завода.

Всадник придержал коня. Ни один звук не нарушал

ночного безмолвия. Как будто там всё было как всегда. А кто там теперь на заводе, свои или чужие, — как узнать? Как бы еще на караул не наткнуться. Лучше объехать кругом пруда и подъехать сзади к управительским воротам.

Прислушиваясь и оглядываясь, он перебрался вброд через Тору за прудом. Вода холодная. Едва заставил лошадь войти. Дрожала вся, фыркала, а когда на другой берег выскочила, так поскакала, что всадник еле в седле усидел. Он пустил ее вокруг заводской стены за угол, к управительским воротам.

Не слезая с лошади, он ручкой хлыста постучал в оконце сторожки.

Нижняя половина окна приподнялась, оттуда высунулась голова с клочковатой седой бороденкой и с пустой ямой на месте правого глаза и сейчас же скрылась.

Всадник сердито застучал опять.

— Вот еще дурень! Отворяй живей, Терентьич, некогда мне.

В окне никто не показывался, но через минуту скрипнули ворота, и одна половинка чуть-чуть приотворилась.

В щель высунулась та же голова и зашептала:

— Храни тебя бог, Илья Дорофеич. Поезжай-ка взад, покуда вовсе не рассвело. Увидают — беда.

— Сволочь пугачевская? — спросил приезжий.

— Слава господу — унесло.

— Пожгли завод?

— Сохранил господь. Порубили многих: управителя, Ковригина, Власова. Марфа Петровна в дыму задохлась.

— А завод? — спросил, не дослушав, приезжий.

— На злодея работать велено.

— Беспалов жив?

— В управителях посажен.

— Где он? Пропусти!

— В управителевом доме. В ихней спальней.

Приезжий соскочил с лошади, быстро сунул повод в руку сторожа, крупными шагами прошел ворота и зашагал к дому.

Он прямо подошел к одному из окон, просунул ручку хлыста в створку ставней и застучал в раму.

Прошло несколько минут. Приезжий нетерпеливо переступал, дергал черный ус, хмурился, стегал себя хлыстом по высокому сапогу и сердито бормотал:

— Трусит криворожий... наверно, разглядел в щель... Переметнулся, сволоочь. Погоди, доберется до тебя Яков Борисович.

В птичнике перед крыльцом сонно пропел петух. Приезжий выругался и застучал в ставень кулаком. Но тут на крыльце неслышно приотворилась дверь, высунулась рука в белом рукаве и поманила его. Он, сердито стуча сапогами, взбежал на ступени. Кто-то, не показываясь из-за двери, схватил его за руку и торопливо втащил в щель. Потом дверь бесшумно затворилась.

Некоторое время все кругом оставалось безмолвным. Потом из глубины заводского двора послышались неровные постукивающие шаги. К управительскому птичнику подошел бродяга, облокотился на забор и сладко зевнул. Птица еще не просыпалась. Он оглянулся на восток — небо позеленело.

«Погожий день будет», — подумал он. Вдруг из-за ворот до него донеслось нетерпеливое лошадиное ржание. Бродяга насторожился. Что такое? Заводские конюшни совсем в другой стороне. Разноглазый, что ли, собрался куда поехать? Так во двор бы к нему лошадь привели. Да и куда ему ехать ни свет ни заря? Или сбежать надумал? Эге, это надо разузнать.

Он прошел вдоль забора и стал напротив крыльца. Между ним и управительским домом был один пустой птичий двор. Там начиналась утренняя возня. С насеста с кудахтаньем слетали куры, перекликались петухи, цыплята тихонько попискивали.

Вдруг дверь на крыльце медленно приотворилась. Бродяга быстро присел за плетень.

Вышел Беспалов — без шапки, кафтан внакидку, — не уезжает, стало быть. Беспалов тревожно оглянулся и махнул рукой. В дверях показался высокий чернородый человек с ружьем за спиной. Оттолкнул Беспалова и сразу зашагал к воротам. А Беспалов трусцой за ним. Бежит и кругом озирается.

У ворот тот остановился, поглядел сверху на Беспалова и сказал не громко, но так, что у бродяги и то мороз по коже побежал:

— Смотри ж ты! Так и дальше гни, как начал. Недолго теперь. А уж Яков Борисович тебя не забудет...

Коли что, — прибавил он, уже стоя в воротах, — можешь башкирцев кликнуть. Они хоть и передались Емельке, а заводы уже начинают грабить... Про пушки не забудь, что говорил я.

Беспалов только кланялся и прижимал руки к груди.

Приезжий отворил ворота, вышел, и через минуту послышался все ускоряющийся топот.

Только тогда Беспалов распрямил спину, облегченно передохнул и повернулся к дому...

— Цып, цып, цып, цыпеньки! — пропел протяжный смешливый голос.

Беспалов шатнулся, точно его стукнули по лбу, и втянул голову в плечи. Но сейчас же увидел бродягу, узнал и заговорил, хотя голос у него так и обрывался:

— А ты... с птицей всё... любишь, видно... прикармливаешь.

Бродяга молчал, посмеиваясь.

Беспалов перевел дух и заговорил уверенней, поглядывая на бродягу ясным глазом:

— Иди ко мне за птицей ходить, прохожий человек, — полтора целковых в месяц положу.

— На том спасибо, — пропел бродяга, — а только в батраках жить — хозяином не быть...

Левый глаз Беспалова зорко глянул на него из своей щели.

— Как звать тебя, прохожий человек? — спросил он.

— Иваном кличут, — коротко ответил тот.

— Рано ты встаешь, Иван. Ишь, в колокол еще не били. Видно, птицу жалеешь.

— Всякого своя забота свербит, — усмехнулся Иван: — иной птицу жалеет, иной пушки бережет... Тяга, тяга, тяга!.. — запел он, бросая зерна через забор.

Беспалов так побелел, что обе щеки его почти сравнялись.

— Вот что, Иван, прозяб я чего-то, — заговорил он сразу охрипшим голосом. — Согреться бы в пору. Заходи, угощу.

— Вот это дело, — оживился бродяга. — Опохмелиться охота, а поднести нынче некому.

Беспалов отвернул щеколду у калитки, и бродяга быстро заковылял за ним в дом.

Глава шестая

За три дня первый раз вышло солнце, зажгло церковный купол и засверкало в медных обрезках среди мусора на заводской площади. Загорелся и медный колокол, который, зевая, раскачивал конторский сторож.

Управительский работник с заплывшим глазом и распухшим носом открывал ставни в господском доме.

Завод зашевелился. Из поселка на площадь лениво потянулись рабочие.

Открылась дверь управительского дома, и на крыльцо вышел Беспалов с бродягой. Они, видимо, оба немного выпили и покраснелись.

— Так ты, Иван, уже приходи, — сказал управитель, — курятник почистишь и утку мне к обеду зарежешь.

Работник издали подмигнул Ивану и щелкнул себя по шее.

Бродяга кивнул и пошел к людской, а Беспалов не спеша зашагал к конторе.

Увидев Беспалова, рабочие приободрились. Может, опять праздник даст. Кому охота работать?

Беспалов вошел на крыльцо и сказал:

— Аким Наборщиков, выйди-ка сюда.

Рабочие с удивлением оглядывали Акима, пробиравшегося к конторе.

— Ну, рабочие люди, — заговорил Беспалов, когда Аким стал с ним рядом. — Попраздновали вы. Целых три дня гуляли. А нонче за работу надо приниматься. Как я теперь государем Петром Федоровичем за управителя поставлен, — он погладил бороду и с важностью оглядел всех, — так я старшим приказчиком ставлю вам Акима Наборщикова. Аким на заводе двадцать лет работает. Вы его знаете. Вам от него обиды не будет. Тихий он, не ругатель и дело знает. Ты, Наборщиков, — повернулся он к Акиму, — теперь сам все дело ведай. Кому что велишь, должен исполнять. А я пойду немцу скажу, чтоб и он тебя слушал.

Беспалов сошел с крыльца и пошел к дому, где жили немцы, недалеко от церкви.

В разных концах площади раздавались приглушенные смешки. Кто-то негромко, но отчетливо проговорил:

— Ишь, дьячок ноне верховодить станет.

— Опохмелиться бы... Гóловы-то со вчерашнего трещат, — подхватил другой, посмелее.

— Отпустишь, может, при-каз-чик?

Аким оглядел толпу, — со всех сторон на него смотрели насмешливые лица.

Досадно ему стало. Неужто не понимают работные люди, что для них же Петр Федорович восстание сделал.

— Слушайте, ребята! — крикнул он сразу. — Неужто понятия у вас нет? Или больно хорошо вам жилось? За нас же за всех восстание поднял Петр Федорович. Чтобы вольными мы стали. А вы ему пособить не хотите.

— Да мы что? Разве от нас? — слышались отдельные голоса.

— Понятно, от нас, — уверенно отозвался Аким. — С царицыными генералами, с вельможами, что весь народ в кабале держит, воюет новый царь. Знаете вы про то? Ему оружие надобно. Не то разобьют его. И вновь мы холопами станем. Пушки ему надобны. Откуда ж он возьмет, коли мы лить не станем?

— Чего ж не станем? — кричали дружной рабочей. — Мы работать завсегда...

— Ну вот! — радостно крикнул Аким. — Я так и знал, что не выдадим мы Петра Федоровича. А ну-ка, наляжем, ребята! Наделаем Петру Федоровичу пушек. Ну, месяц, ну, два поработаем во всю силу. А там ведь на весь век воля! Ладно, что ли?

Аким говорил так от души, что всех рабочих проняло. В ту минуту они забыли, что двадцать лет потешались над Акимом, звали его дьячком. Точно другим человеком он стал, и они готовы были сделать всё, что он скажет.

— Ну, а теперь, — сказал он, — затопляйте-ка печи. Я все мастерские обойду. С мастерами поговорю, за что братья. А только, ребята, на совесть работать надо. Лодырям я мирволить не стану. Так и знайте.

Аким сошел с крыльца. Он был теперь уверен, что рабочие примутся за работу. Только бы не помешало что. Заработает завод. Угля вот не больно много. Ну, да через неделю новый поспеет. Прогорят кучи. Обещали работать мужики. «Я-то вот оплошал, не посмотрел, кто в праздники за кучами доглядывал. Не загасли бы».

Аким подошел к своей мастерской, но тут к нему, задыхаясь, весь в поту, подбежал Захар.

— Дяденька Аким! — крикнул он. — На просеке-то нет никого. Не пришли мужики. Я на деревню побегу.

У Акима сразу холодный пот проступил.

— Беги! — сказал он. — Что есть духу беги! Скажи, чтоб тотчас на просеку шли.

Неужто сбежали? Он поверить не мог. Ведь вчера только говорил он с Нилом. Уверял ведь тот, что и не думают они уходить. Как же с углем-то? Станет ведь завод.

А Захар бежал стремглав мимо канала, мимо мельниц, через задние ворота, мимо плотины, вдоль пруда, к деревне.

Издали еще видно стало, что неладно там. Как вымерло всё кругом. Бабы белье не колотят, ребят нет, собаки не лают. А главное — дымки над трубами не вьются.

Уж видел Захар, что нет никого, а все не верил, бежал. Добежал до первой избы — ворота настежь, хлев открыт, в избу тоже дверь раскрыта. Ни коровы, ни собаки. Никого.

Он сразу стал, поглядел кругом и вдруг в голос заревел.

— Бросили, черти! Сулили ведь. Куда я теперь? . . Ни в казаки, ни . .

Захар ревел все сильнее.

«А может, догоню еще, — подумалось Захару. — Незадолго, видно, ушли, — вишь, кошка».

Из раскрытой избы Нила, мяукая, вышла черная кошка с белыми лапками, Сенькина. Кошка подошла к Захару и потерлась об его колени.

«Догоню», — решил Захар и, оттолкнув кошку, вытер рукавом пот и слезы и, всхлипывая, побежал к лесу на ту дорогу, по которой их когда-то пригнали на завод.

Про Акима Захар и не вспомнил.

На не успевшей просохнуть дороге ясно виднелись свежие колеи от телег и лошадиные следы. Тут, стало быть, недавно ехали. Догнать можно. Станут же где-нибудь отдохнуть, а он, Захар, без отдыха пойдет.

Устал он. Все утро бегом бежал. «Эх, хлебца не захватил, — пожалел он, — есть охота. Ну, ничего, только бы догнать — накормят».

Солнце уже поднялось высоко, а Захар все шел в гору. Ноги у него болели, во рту пересохло. Но искать в лесу ручья не хотелось: времени много уйдет. Несколько раз он останавливался послушать. Тихо было в лесу. Время позднее, октябрь подходил, и птиц-то вовсе не осталось.

Вдруг точно застонал кто-то... или завыл. Зверь какой? Захар подался назад. Нет, тихо. Он сделал опять несколько шагов. Что это? Вся земля изрыта. Красное что-то. Кровь! Убили кого? Разбойные люди...

Захар бросился назад. Опять воет... близко... Захар оглянулся.

— Ай! — крикнул он.

Между веток у дороги сидит кто-то, качается... в крови весь.

У Захара ноги подогнулись — ни бежать, ни подойти.

Маленький... черный... и всё качается.

— За-хар, — вдруг точнодохнул кто-то.

— Заманивает, — Захар перекрестился. — Нет, сидит, не рассыпался. Не боится креста.

— Заа-хар, — повторил опять маленький.

— Да ты кто ж будешь? — пробормотал стуча зубами Захар.

— Кызметь, — донеслось до него.

«Господи! Кызметь! Ведь вот, точно застило. Кызметь и есть. Почтарь башкирский».

Захар перевел дух и подошел ближе.

— Кто тебя? Ой! Ухо-то! Отсекли, почитай... Ай-яй! Как же теперь?

Кызметь смотрел снизу на Захара узкими глазами. Верхний кусочек левого уха был совсем отсечен. Кровь вокруг запеклась уже. Блестящие черные волосы были все в крови.

— Как же быть-то? — повторил Захар. — Встать-то ты можешь?

Он протянул Кызметю руку, тот ухватился за нее, попробовал приподняться и опять не то завыл, не то застонал.

— Ишь ты, — пробормотал Захар. — Не кинуть же тебя в лесу... хоть ты, сказать, нехристь... До кочевья далеко. Вовсе по другой дороге. И как только попал ты сюда? — рассуждал он сам с собой. — Видно, придется

взад воротиться... на завод, к Акиму. Оттуда довезут. А как же земляки-то? Не догнать тогда...

Он подумал, поскреб в затылке, поглядел на башкиренка, не сводившего с него испуганных глаз, и сказал:

— Ну, Кызметь, поташу я тебя к Акиму. Вниз-то не тяжело. Залазь ко мне на спину. Так-то полегче.

Кызметь сидел, скрестив под собой ноги. Захар присел перед ним на корточки.

— Руками-то за шею обойми, а там ногами вокруг, вот и ладно будет.

Кызметь послушно обхватил шею Захара тонкими черными руками и, когда тот привстал, поднял ноги, чтоб уцепиться за него, и громко застонал. Уцепился все-таки.

Когда Захар, нагнувшись немного вперед и слегка пошатываясь, зашагал вниз, Кызметь склонился и прижался лбом к его голове.

— Ай неможется? — спросил Захар.

— Хорошо, — тихо пробормотал Кызметь.

Приспособившись так, что Кызметь перестал мотаться из стороны в сторону, Захар зашагал быстрее, хотя колени его немного подгибались.

Долго Захар шел молча. Наконец, когда ему стало полегче дышать, он спросил Кызметя:

— Кто ж это тебя так?

— Твои, — пробормотал Кызметь, — с завода.

Захар сразу стал, даже назад качнулся и чуть не полетел на Кызметя.

— Как с завода? — проговорил он, выравнявшись. — Мужики, стало быть, наши, угольщики?

Башкиренок кивнул.

— Постой, Кызметь.

Захар опять остановился. Но стоять на месте с ношей на спине ему было трудно.

— Не разговориться нам с тобой, Кызметь. Не понять мне. Ну-ка я тебя спущу. Отдохнем маленько, а там вновь.

Захар присел так, что башкиренок мог, опустив руки, сесть на землю.

Потом Захар выпрямил спину, передохла и тоже сел рядом с башкирцем.

— Заводские мужики, стало быть? — спросил он опять.

Кызметь кивнул.

— С чего ж они это, а? — спросил Захар с удивлением.

— Мой не одна, — с усилием проговорил башкирец.

— Ордой, стало быть, на них напали?

Башкирец замотал головой и простонал. Потом он поднял два пальца.

— Вдвоих, — догадался Захар. — С чего ж это вы?

С большим трудом, наполовину знаками, путая русские слова с башкирскими, охая и хватаясь за голову, Кызметь пытался объяснить Захару, как было дело.

Захар понял одно: было это еще накануне вечером. Кызметь провожал на их завод какого-то с ружьем. Мужики на них напали. Кызметя ранили, а того, верно, убили.

Захар молчал. Стало быть, все одно не догнать ему было земляков. За ночь куда успели уйти-то!

Кызметь совсем из сил выбился, покуда объяснял Захару. Он прислонился к дереву и глаза закрыл.

«Худо ему, видно, — подумал Захар. — Напиться бы дать».

Захар прислушался. Невдалеке будто журчал ручей. Он тихонько встал и вошел в лес. Очень скоро, на его счастье, журчанье послышалось совсем ясно, и он, раздвигая ветви, увидел быстрый прозрачный горный ручеек. Он стал на колени и, припав к студеной воде, жадно напился сам. Потом только он сообразил, что ему не в чем снести воды Кызметю. Он оглянулся. Ничего, чем зачерпнуть. Он развязал пояс, сдернул рубаху, окунул в воду рукав, перекинул рубаху через плечо и, набрав воды в две пригоршни, побежал к дороге.

Кызметь сидел, как раньше, со стоном раскачиваясь.

Захар стал на колени и поднес ему ко рту обе пригоршни, хоть вода почти вся вытекла по дороге. Кызметь зарылся лицом в ладони Захара, стараясь втянуть оставшиеся капли, потом он поднял голову и поглядел на Захара широко раскрытыми раскосыми глазами.

Захар вытер ему лоб и голову мокрым рукавом своей рубахи.

— Твой не ушла? — пробормотал Кызметь.

— Ты что ж думал — кинул я тебя? Эх ты, — сказал Захар, натягивая на себя замощую рубаху. — Ну, коли оживел, полезай. Домой надо. Помрешь еще так.

Он опять присел на корточки, и башкиреенок молча уместился на его спину.

Захар быстро шагал под гору. Торопился. Трудно ему было. Из сил прямо выбился. Хорошо еще, что худой совсем башкиреенок и ростом куда меньше Захара.

Вот и опушка. Дорога выходила из лесу недалеко от пруда. Захар хотел было донести Кызметя до берега и напоить, но потом решил дотащить только до пустой деревни, оставить в первой брошенной избе и сбегать за Акимом.

Кызметь все молчал. Захар опустил его на лавку в Прокловой избе, принес в черепке напиток и сказал, что сбегает на завод к Акиму. Кызметь только молча прижал руки к груди.

На завод уже дошел слух, что мужики сбежали. Аким ходил к Беспалову, но тот не захотел нарядить погоню.

— Царь волю всем дал, — говорил он, качая головой и заводя левый глаз. — Насильно не удержишь, коли не хотят работать. Что будешь делать? Ты уголь-то поберегай, Аким.

Захара Аким встретил сурово:

— Куда запропал? Тоже от работы отлыниваешь? — спросил он, не глядя на него.

Захар не стал говорить, что он хотел было совсем сбежать. Он только путанно рассказал Акиму про Кызметя и просил пособить ему.

Акиму и самому захотелось узнать, какого такого человека провожал к ним на завод Кызметь. Не от царя ли Петра Федоровича?

— Ладно, — сказал Аким. — Возьми Федьку, пускай он Кызметя к нам в избу стащит. Ишь, ты-то на ногах не стоишь. В кровище весь измазался.

Федька был всегда рад бросить работу, и весело побежал за Захаром на деревню.

Когда Федька нес на спине Кызметя из крепостной деревни через задние ворота и по заводу, вдоль канала, ребятишки со всего рабочего поселка сбежались и принялись было дразнить башкиренка. Но Захар так яростно накинулся на них, что они сразу разбежались.

Захар позвал соседку Мавру, жену Цыгана, помочь им обмыть Кызметя.

Она как взглянула на башкиренка, так и руками замахала.

— Ишь, грабят нехристи, да еще возись с ними.

— Не был он тут вовсе, — сердито сказал Захар. — Не хочешь — не надо. Мало не убили его наши же, деревенские, а ты...

Мавра неохотно подошла, а как увидела, что голова у башкиренка в крови и кусок уха болтается, так сразу и стихла. Принесла воды, полотенце, обмыла Кызметю голову, подушку подложила. Оказалось, что у него еще правая ступня вся распухла, — отдавили в свалке. Оттого он и идти не мог.

Кызметь все время молчал, пока Мавра возилась с ним, даже стонать перестал, а когда она ушла, он закрыл глаза и как будто заснул.

Акиму ничего не удалось толком узнать у Кызметя. Целый вечер он с ним бился. Плохо Кызметь по-русски говорил, да еще голова у него болела. По одному слову выпрашивал Аким. Узнал только, что далеко где-то повстречал он того человека, когда домой ехал. Откуда ехал-то? — Из Берды. — А зачем Кызметь в Берду попал? — Дядя его, Мурзагулов, посылал Кызметя к Кинзе Арасланову. Кинзя у нового царя полковником служит.

Арасланова Аким знал, но не слышал, что тот перешел к новому царю. Он стал спрашивать Кызметя, что ж там в Берде. Видел ли он нового царя? Много ль там войска? Но Кызметь всё головой мотал и стонал. Сказал только, что Арасланов ответ ему дал и велел назад к дяде в их кочевье отвезти. А как он назад ехал, он того человека с ружьем и повстречал, тот сказал, что сбился с дороги, и просил Кызметя проводить его на Воскресенский завод.

Аким спросил: а сам-то тот человек с ружьем тоже от нового царя? Но Кызметь этого не знал.

Аким спросил еще Кызметя про письмо от Арасланова. Кызметь, верно, потерял его в драке? Но письмо оказалось у Кызметя в поясе, под рубашкой. Он всегда так письма возил.

Кызметь посмотрел на Акима, поднял длинную белую рубаху и достал из пояса сложенный вчетверо листок бумаги с привешенным к нему кожаным треугольником.

— Читай, — сказал он Акиму. — Писчик писал, Арасланов тамга¹ приложил.

Аким вставил новую лучину, разложил перед собой лист и начал читать вслух, хотя Кызметь плохо понимал, а Захар, уставший за день, давно спал на лавке, подложив под голову армяк.

— «Российского государства держателя и великого государя, как бог, також императора Петра Федоровича, по приказанию его от главного полковника Кинзи Арасланова вам, главным полковникам и протчей воинской команде содержателем нижайщи поклон! Клянусь под проклятием вам! Поспешно не имели никаких худых мысл. Право, усердием к милосердному государю, как услуг, тако и милость и изображено имянным указом. А мы у его величества допущены к ручке и получаем жалованье немалое. Из башкирских нацей двадцать три старшины и протчия яитские многое число полки вседневно являютца к нашему государю и видят прекрасное ево лицо и допущаются до ручки; и определено им жалованье.

Во уверение сего главный полковник Кинзя Арасланов руку приложил».

Когда Аким кончил читать, Кызметь тоже спал.

Аким сложил письмо, положил Кызметю под изголовье, встал и перекрестился.

«Ишь какое восстание, — подумал Аким радостно. — двадцать три старшины и много полков. Такое восстание не попустит бог разгромить. За волю ведь. Надо нам живей пушки лить».

Глава седьмая

Наутро чуть свет к Акиму в избу вбежал Федька подручный.

— Аким Федорыч, — зашептал он, косясь на башкиренка, — братан мой, что на Белорецком жил, прибежал. Чего рассказывает... И-и! Беды что было-де. Напали на них казаки с башкирцами. Народу что побили — страсти. Весь-де завод башкирцы выжгли. — Он кивнул на

¹ Тамга — кусочек кожи, на котором вырезан знак старшины; его привешивали к письмам, вместо подписи и печати.

башкиренка, лежавшего с закрытыми глазами. — И вы-де остерегайтесь, говорит. Башкирцы не приведи бог что делают. Кто им ни попади, и мастеровые, и женской пол. По-всём заводам грабят. А к ним-де, на Белорецкий, сам Амелька приходил. . .

— Какой Амелька? — оборвал его Аким.

— Да который. . . прозываемый. . . анператор сам. А только, — заторопился Федька, — его-де побили сильно. Еле-де ноги унес.

— Брешешь ты всё! — сердито крикнул Аким. — Нечего тебе лясы точить. На работу иди. А братана своего гони, пустобрёха. Чего ему тут околачиваться.

— Не он один, — обиженно пробормотал Федька. — Вон Иван прохожий тоже сказывал. . . Поберегайтесь-де. И вздернут, недолго.

— Какой Иван? С деревяшкой? — перебил его Аким. — Да разве он всё тут?

— А как же? — крикнул Федька, выскакивая из избы. — У меня тотчас с братаном говорил.

Аким пошел следом за Федькой. И чего тот бродяга все у них околачивается?

Только что из ворот вышел, как раз Иван от Федьки уходит.

Аким окликнул его.

— Ты чего, Иван, не идешь на Белорецкий? — проговорил он с укором.

— А он, слышно, долго жить приказал.

— Брежут все, — оборвал его Аким. — Сам же ты сказывал — у Петра Федоровича войск сила.

— Мало что! Времена ноне шатки, береги шапки.

— Ты тут рабочих людей не мути, Иван. Пушки скорей лить надо.

— Сóвок ты, Аким, да не ловок. И чего бьешься? Ну, стало малость полегче, и на том спасибо.

— Так ведь оружия не станет у Петра Федоровича, что мы тогда. . .

— А ты не накликай беды. Сама придет. А покуда — чем не житье?

Аким схватил бродягу за рукав.

— Да ты что, Иван? Как заговорил? — сказал он, глядя в глаза бродяге. — Уж ты не переметнулся ли?

— Где потеплей, там брюхо и грей, — пропел Иван. — Ишь тут у вас пригрело — ну и сажу покуда.

Он засмеялся и быстро заковылял к воротам.

Аким хотел было за ним — поговорить, пристращать, — недаром не лежало у него сердце к тому бродяге, — да сейчас времени не было. Надо было уговорить заводских рабочих идти ломать уголь на просеку. Работа трудная, непривычная им. Испокон веку угольщиками были крепостные крестьяне. Наемные работали на заводе. Работа тоже не легкая, но повыгоднее и привычней.

Как раз колокол звонил. Рабочие собирались на площадь и расходились по своим мастерским.

Аким велел сторожу еще позвонить, вошел на конторское крыльцо и замахал руками.

Рабочие стали подходить поближе.

— Ребята! — крикнул Аким. — Слыхали вы — мужики-то наши, угольщики, сбежали? Понятия у них нет. Бросили завод. А угля малость совсем осталось. Как кончится, станет наш завод. С соседних заводов — спрашивал я — тоже все мужики разбежались. Не найти угольщиков.

— Не одни мужики! — крикнул кто-то. — Вон с Авзянского все рабочие в казаки ушли!

— С Новоторского тоже! — крикнул кто-то.

— Так те и заводы прикрыли, — перебил Аким. — А нам царь Петр Федорович пушки лить приказал. Вот я вам сказать хотел. Без угля как работать? . . Вы, стало быть, которые с мельниц, с кузниц тоже, ступайте пока на просеку уголь ломать, как кучи прогорят.

Аким замолчал, и сразу на площади тихо стало. А потом вдруг в разных концах поднялись громкие крики:

— Это как же так? В угольщики, стало быть? С заводу-то? Не пойдем! Нет нашего согласу! Ишь подъехал! Приказчик! Думаешь, холопы мы?

Кое-где раздались голоса в защиту Акима, но недовольных было больше и кричали они громче. Они уже забыли, как накануне обещали Акиму работать, что он велит. Да и не думали они, что он пошлет их угли ломать.

Аким оглядывался во все стороны, не зная, кому отвечать.

Наконец, он замахал обеими руками и закричал что было сил:

— Ребята, да послушайте вы меня! Я вам все скажу...

— И то, дайте ему сказать! — крикнул Силантий из сварочной.

Понемногу крики стали стихать, и Аким мог заговорить.

— Ребята, — начал он опять. — Вы ж мне сулили работать, что я велю. А теперь что ж? Сам бы я рад, кабы угольщики были. Не пускал я мужиков. Не послушали. А без угля как?

— Нам что! — закричали из толпы. — Доставай уголь. На то ты и приказчик. Не угольщики мы!

— Где он достанет? Помочь надо, — пытался сказать Силантий, но его не слышно было.

— Дурни вы! — крикнул Аким рассердясь. — Где ж я достану? А не будет угля, и пушек лить нельзя.

— Ну их к бесу, пушки те! — крикнул кто-то и сам осекся.

Аким весь побелел.

— Кто такое слово сказать мог! — крикнул он. — Али у вас, как у мужиков, толку в голове вовсе нет? Али по плетям соскучились? Не будет пушек, не пробиться на Москву Петру Федоровичу. Не видать и нам воли. Побьют его царицны войска.

— И так, слышно, побили! — крикнул Федька.

— Поймали, слышно! — подхватил другой. — Еще и нас за него вздернут!

— Брехня то! — закричал во всю силу Аким. — Вот почтарь-башкиренок из Берды указ везет. Каждый день полки приклоняются к Петру Федоровичу. Это вас Федькин братан намутил, пустобрех. На Москву идет Петр Федорович. А как вы работать не станете, Петр Федорович вас не помилует. Слыхали, что в указе: «От сильных моя руки никто не укроется».

— Да мы что, — слышались отдельные голоса. — Мы работать всегда... Чего ж?.. Платили бы лишь.

— Ну вот, — обрадовался Аким. — Стало быть, первое дело — угли ломать...

Но тут опять как с цепи все сорвались. Вся площадь загалдела.

— Нет нашего согласу! — вопили кругом. — Не угольщики мы! На заводе хотим! Не пойдем на просеку!

На крыльце рядом с Акимом вдруг очутился Беспалов.

Он велел сторожу звонить и, когда крики немного стихли, заговорил ласковым голосом, повернувшись к рабочим чистой половиной лица.

— Что это вы шум подняли, работные люди?

— На просеку гонит! Не крепостные мы! Царь волю дал! — раздалось в толпе. — В угольщики оборотил Аким.

Беспалов обернулся к Акиму.

— Ты что ж это, Наборщиков? — сказал он, — Обиду делаешь заводским? Государь-батюшка не велел работных людей обижать.

— Мужики сбежали, Петр Ефимыч, — заговорил Аким. — Уголь ломать некому.

— Ты чего ж мужиков-то не уговорил, Аким? Ты ж им сам указ толковал. Заводские не на то нанимались, чтоб уголь ломать.

— Кому ж ломать-то? — спросил с досадой Аким.

— Поищем. Как не найти. А ты куда уголь поберегай. Сказывал я тебе. Не думал, не гадал я, что ты работных людей обижать станешь, Аким. Государь-батюшка тебе б не спустил того. Ну а я на первый раз милую. А вы, работные люди, ступайте по своим мастерским.

Беспалов следил левым глазом, как Аким, не глядя на него, сошел с крыльца и, не оборачиваясь, пошел к воротам.

Аким хотел сам сходить на просеку посмотреть, курятся ли кучи. Но по дороге вспомнил про башкиренка и зашел домой. Надо было послать Захара отвезти Кызметя на заводской лошади в кочевье. Там, небось, ждут ответа от Арасланова.

Кызметю сегодня было гораздо лучше, ухо совсем присохло, и голова почти не болела. Только на ногу он еще не мог ступить. Он молча прижал руки к груди, когда Захар привел из конюшни маленькую лошаденку — у них на заводе половина лошадей были башкирские.

Аким посадил башкиренка в седло и помог Захару влезть сзади.

Когда Кызметь тронул лошадь, Аким остановил ее за узду и сказал Захару:

— Попроси-ка ты там, Захар, башкирцев, — пускай тебе Кызметь поможет, — не пойдут ли они к нам на завод угли ломать. Зима подходит. Они скоро к нам сюда поблизости на зимовье придут.

Захар был очень рад. Первый раз еще Аким давал ему такое важное поручение.

Кызметь только кивнул головой, и они выехали за ворота.

Аким прошел на просеку. Там было пусто. Валялись обгорелые поленья, головни, растоптаный дерн. Вся трава была прибита и засыпана золой. Но уцелевшие кучи, по счастью, не загасли. Все восемнадцать штук курнулись понемногу.

«Скоро уж ломать можно, — подумал Аким. — Кабы две кучи не сгнули, на всю зиму угля бы хватило. Да и эти надолго. Неужто так и пропадут?»

Аким повернул назад на завод, радуясь, что кучи не загасли. Только очень он сердился на рабочих. Ведь эти дурни — хуже мужиков: те хоть за землей гонятся. А эти сами своей выгоды не понимают. И все этот Беспалов проклятый — прикинулся лисой, дьявол разноглазый, и всех сбил. Без него Аким бы наверно сговорился с рабочими. Есть же, которые понимают. Силантий хотя бы, Дрон, да и другие. Надо еще бродягу этого гнать с завода. Чего он тут околачивается? Только людей мутит.

Аким уже подходил к заводу, как сзади застучали лошадиные копыта.

Аким оглянулся — какой-то едет в высокой шапке, с ружьем за спиной. Казак, должно быть? Откуда? Неужто, правда, прогнали Петра Федоровича из-под Белорецкого завода и все войско разбежалось?

Казак подъехал и придержал лошадь.

— Это Воскресенский горный завод, что ли? — спросил он Акима густым, охрипшим с дороги голосом.

— А ты что, из-под Белорецкого? — ответил Аким вопросом.

— С Берды я. От государя Петра Федоровича на Воскресенский завод к приказчику Петру Беспалову.

У Акима от радости дух захватило. «К нам от самого государя!»

— Здесь, здесь, — заговорил он. — Въезжай в ворота, я провожу.

Аким шел по заводу рядом с казачьей лошадью и так посматривал кругом, точно он взял в плен казака и вел его к командиру получать за него награду.

Мальчишки из рабочего поселка сразу же высыпали и, не отставая, бежали за лошадиным хвостом. Из мастерских выглядывали рабочие. Даже писчик из конторы бог весть как услышал и выскочил на крыльцо.

Все окликали Акима, но он только отмахивался, а казак ни на кого не глядел и правой рукой крутил длинный ус.

Во дворе управительской усадьбы Аким кликнул работника и передал ему казачью лошадь, а сам с казаком взошел на крыльцо.

Когда подбитые гвоздями казачьи сапоги застучали по управительским сеням, Беспалов выскочил из своей спальни; левая щека его побелела, а глаз совсем ушел под нос. Сказать он ничего не мог, только уставил на казака широко раскрытый правый глаз.

Казак не спеша снял шапку, прижал ее к животу, перекрестился, потом вынул из шапки сложенный вчетверо лист и сказал густо, точно в бочку, подавая Беспалову лист и даже не кланяясь ему:

— От государя Петра Федоровича, третьего ампиатора, коли ты есть Петр Беспалов, приказчик Воскресенского заводу.

Беспалов закивал головой и забормотал чуть слышно:

— Я, я самый, Беспалов, верный слуга государя-батюшки, Петра Федоровича. Что царь-батюшка изволит приказать своему верному рабу?

— Почитай, тут написано, — коротко прогудел казак. Беспалов захлопотал.

— Тотчас, тотчас прочитаю, а только ты — не знаю, как по имени и по изотчеству? — он приостановился, но казак молчал. Беспалов боязливо посматривал на него. — Приустал с дороги, напоить, накормить тебя... поспать, может, с дороги? Баньку?.. Аким Федорыч, велика ты... да нет, сам я.

Он подбежал к поставцу, вынул большую чарку и бутылку водки, налил и подал казаку.

— С устатку-то.

Каказ выпил, крикнул и ладонью обтер усы. Он все время поглядывал сверху вниз на Беспалова, и левый ус его чуть подрагивал.

— Я пойду лошадь догляжу, а ты читай покудова, — прогудел он, наконец, более милостиво.

Когда казак вышел, Беспалов развернул дрожащими руками лист, потом поднял на Акима глаз и спросил:

— Много их там, Аким Федорыч?

— Вперед один приехал, — ответил Аким, — а там не знаю.

Беспалов вздохнул.

Он поглядел на лист, но лист дрожал у него в руках, и буквы незнакомого почерка прыгали.

— Ты, может, Аким Федорыч, прочитаешь, что государь-батюшка изволит приказать.

Аким взял у Беспалова лист, подошел к окну и стал читать:

— «Дан мой имянной указ в Воскресенской старой завод бывшему приказчику Петру Беспалову:

Исправить бы тебе великому государю 5 голубиц и тридцать бонбов, и которая из дела выдит голу-бица, и представить бы тебе в скором поспешении к великому государю и не жалеть бы тебе коний госуда-ревых. . .»

Пока Аким читал, лицо Беспалова точно полнело, на-ливалось кровью, здоровая щека становилась румяной, а левая — сизой, с багровым рубцом. Он кивал головой, видимо успокаивался.

— «И казны сколько потребно давай. . .»

Беспалов поморщился.

— «. . . А и я тебя за это, великий государь, буду жа-ловать. И как можно исправляй, маево государева ни жалея. И никто же бы Беспалова с командою не обидил ни встрешнай, ни папирешнай. А ежели кто онаго обидит, тот примет великого государя гнев.

Великий государь Петр третий всероссийского».

Когда Аким сложил лист и посмотрел на Беспалова, тот разглаживал бороду и глядел на Акима ясным, радо-стным глазом.

— Вот как великий государь своего верного слугу жалует, — сказал он ласковым голосом и глубоко пере-вел дух.

— Государь голубиц требует в скором поспешении, — сказал Аким, — а мы и не начинали лить.

— А мы тотчас и начнем, Аким. Как государев при-каз не сполнить?

— Меди, я глядел, чистой нет вовсе,— сказал Аким,— а руду плавить угля не хватает.

— Как меди не быть! Да ты где смотрел?

— В подвале, под домом.

— Недолго ты в приказчиках ходишь, Аким. Не знаешь еще, где что хранится. Медь Семен Ананьич в особом амбаре держал, где олово, чтоб не разворовали. . . Выдам медь, выдам, не сомневайся. . . Вели штыковой горн почистить, хорошенько за ним гляди — один он у нас справный. Да опоки приготовь. А ко мне вели шихтмейстера послать. Накажу ему, чтоб хорошенько за отливкой глядел. Казака еще покормить надо посытей. Завтра и начнем отливать.

На заводе уже все знали про царский указ. Мальчишки облепили забор управительской усадьбы и глядели, как казак чистит забрызганную грязью гнедую лошадь и задает ей корму. Тут же во дворе около казака крутился бродяга.

«И тут ему надо», — подумал Аким, но не сказал ничего.

Он торопился приготовить все для отливки пушек.

Аким велел работнику послать к Беспалову немца-шихтмейстера, зашел в свой штыковой сарай, забрал Федьку и пошел с ним в амбар, где хранились опоки, выбрать три формы получше для гаубиц. Велел Федьке поставить их в чаны перед горном на место узких опок для дворцовых шандалов, которые оставались там бог знает с какого времени, и хорошенько обложить землей.

На мостике он встретил Захара. Тот только что отвел в конюшню лошадь.

— Захарка! — крикнул Аким. — Ну как башкирцы? Придут кучи ломать?

— Не, не придут, — сказал Захар. — Время им нету. В Берду к Петру Федоровичу собираются.

Аким не очень огорчился. Ему казалось, что теперь всё само устроится. А сейчас понужней дело было.

— Ладно, — сказал он. — Бери-ка тачку, иди в сушильню да навози ко мне в штыковой сарай сухих дров тачек десять. Живо!

Захар почесал в затылке. Сколько времени он гулял, — с самого приезда Хлопуши. Приниматься за работу ему вовсе не хотелось. Но Аким такой вдруг крутой стал, что с ним не поспоришь.

Аким зашел в сверлильню спросить Цыгана, в порядке ли у него сверлильный станок. Скоро пушки сверлить придется. Зашел в точилюню и во все мастерские, где работают над пушкой.

Потом Аким заглянул в свой сарай, поглядел, как Федька зарывает в землю перед жерлом горна опоки, и наказал ему кликнуть его, Акима, чуть медь или олово привезут.

Заглянул он также и в плавильную мастерскую и наказал сейчас же затоплять. Угля не жалеть. Надо руду плавить, медь очищать. Меди надо много.

Рабочие сидели в холодном сарае и разговаривали про казака. Но с Акимом, как и Захар, спорить не стали. Совсем иначе он заговорил. Сразу видно, что дело понимает и от своих слов не отступится.

Аким шел к себе, когда навстречу ему попался бродяга. Веселый. Поглядел на Акима и усмехнулся, точно поджидал его.

— Ну, Аким-простота, не поминай лихом, — сказал он, подмигнув Акиму.

— Что, или уходишь? — спросил Аким, сразу повеселев.

— Ишь, я тебе, ровно чирей на губе. А еще приятели. Аким только головой мотнул.

— Вон казачок в компанию берет. Едем с нами, поделись пирогами.

— Язык у тебя, Иван, что балалайка бесструнная. У нас теперь самая работа, а ты...

— Работа не волк, в лес не убежит, а с леса другой раз волк набежит.

— Болтаешь, сам не знаешь чего. Куда едешь-то? Хлопуша, чай, с Белорецкого завода давно ушел.

— Не одна во поле дороженька... Была б догадка, а на Москве денег кадка, — пропел бродяга.

— Ты что ж, на Москву разве собрался?

— А что ж? Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

— Стало быть, вновь Петра Федоровича повидаешь, — сказал Аким помолчав. — Ну, путь добрый. Спасибо на помощи. Я твое добро помню.

Бродяга посмотрел на Акима, повернулся идти, потом остановился и проговорил с усмешкой:

— Эх ты, Аким-простота! Ну, чего прирос к заводу, что поп к приходу? Кабы мне да грамота... Ну, хочешь, я тебя к самому царю представлю? Айда живей!

— Да ну тебя, — отмахнулся Аким. — Мне-то? К самому царю! Вздумал тоже. Вот я пушек здесь Петру Федоровичу поболее наготовлю, чтоб ему злодеи на Москву дорогу не загородили.

— Ну, вольному воля, — сказал бродяга. — Потчуй, да не приневоливай.

Он быстро заковылял к управительской усадьбе, а Аким пошел домой.

Ведь этак все хорошо сошлось. Беспалов выдаст медь и олово, горн вычистили, Аким сам его осмотрел. Дрова Захар навозил самые сухие. С утра затоплять можно. А тут еще Иван уезжает. Болтает он, может, и не со зла, да иной раз глупое слово вымолвит, а дураки уши развесят. Теперь уже заработает завод на славу.

Когда Аким пришел опять к Беспалову спросить, скоро ль можно прислать за медью и оловом, во дворе у того стояли две оседланные лошади. Казак, красный, повеселевший, вытирал ладонью усы, похлопывал по шее своего коня, норовил даже обнять его. Тут же стоял бродяга, веселый тоже, хоть и не пьяный.

— Смотри ж, Митрий Терентьич, — говорил Беспалов с крыльца, — скажи батюшке великому государю, что мы для него жизни не жалеем. Работаем не покладая рук. А голубиц и бонбов предоставим ему, как я в письме отписал, в самой скорости.

Казак важно кивал, но лицо его невольно расплывалось в пьяную улыбку, и он пошатывался, хватаясь за седло.

— А ты, Иван, — заговорил Беспалов торопливо, не глядя на бродягу, — до Богульшан проводишь казака, а там мне батюшка от цесарки яичек обещал десятка два. Под куру я положу — не перебей, смотри. Войди, я тебе корзину с отрубями припас.

Аким с удивлением посмотрел на Беспалова. Нашел время об яичках думать. Птицы у самого девать некуда. Да и Иван тоже, говорил — на Москву к Петру Федоровичу собирается, а тут, вишь, за яйцами его Беспалов посылать вздумал. Чудно.

Беспалов между тем уже опять вышел на крыльцо с бродягой. Он суетливо топтался, руки у него дрожали, и он совал бродяге корзину, приговаривая:

— Ты смотри, не побей мои яички, Иван... цесарки больно хороши у батюшки... Ночью-то не ездил. Заночуй у отца Силантья... Ну, с богом, дóтемна, — повернулся он к казаку. — Спасибо, Митрий Терентьич. Кошель не потеряй. Я туда велел кое-что покласть. На дорогу тебе.

Казак с усилием взгромоздился на лошадь. Работник подвел другую лошадь к крыльцу, бродяга всунул одну ногу в стремя, деревяшку выставил вперед и ухватился обеими руками за повод. Кругом посмеивались.

Казак поклонился и тронул лошадь.

Пустая корзина подскакивала на локте у бродяги, и весь он подскакивал в седле, стараясь не отстать от казака.

Беспалов повернулся и быстро вошел в дом, Аким так и не успел спросить его про медь.

«Завтра пораньше пошлю», — подумал он.

Глава восьмая

Настала ночь. Завод спал. Осенний ветер хозяйничал на пустой площади, взметая опилки, гудел в трубах, хлопал плохо прикрытыми воротами и дверями. Черные рваные тучи громоздились друг на друга тяжелыми глыбами, наглухо заслоняя от земли мягкий свет луны.

В рабочем поселке все избы стояли черные, ни одно окно не светилось.

Вдруг дверь в Акимову избу неслышно отворилась, кто-то осторожно проскользнул в щель и пробрался к лавке, где спал Аким.

— А-ким, — пробормотал тихий голос, и невидимая рука затрясла его за плечо.

Аким испугался.

— Кто тут? — вскрикнул он.

— Тихо, — шептал кто-то над самым его ухом. — Мин¹ — Кызметь. Слушай. Скоро нада...

¹ Мин — по-башкирски — я, мой.

Аким сел на лавке, схватив за руку Кызметя. В темноте он никак не мог разглядеть башкиренка.

— Ну, говори, слушаю я, — прошептал он, с трудом переводя дух.

— Тот — нога-палка — наш аул ходиль.

— Бродяга? — переспросил Аким. — С деревяшкой?

— Он, — подтвердил Кызметь. — Той говорил, мин слышаль.

— Ну? — переспросил Аким. — Скорей ты. — Тревога охватила его. — Чего говорил-то он?

— Ночь завод ехать. Ворота, где мин Захар нёс, открыта. Сарай твой рушил, твой, Аким, убиваль.

Аким вскочил на ноги.

Проснулся Захар, протирая глаза, спросил, что случилось.

— Молчи, Захарка! — крикнул Аким. — Врешь ты, Кызметь. Быть того не может. Штыковой сарай порушить? Меня убить? Во сне тебе привиделось, Кызметь. Да с чего ж это? Врешь ты, Кызметь.

— Жок, жок, ¹ — твердил Кызметь. — Мин слышаль. Скоро нада, скоро. Я тихо из кош, лошадь взяль, ехаль скоро, ворот открыта... Скоро... скоро. Ворот запирай.

Он дергал Акима за рукав.

Аким вскочил, оттолкнул Кызметя и вдруг крикнул:

— Так вот они что задумали, стервецы! Не бывать же тому. Живо! Захар, беги, буди Федьку. Я — Цыгана.

Он быстро натянул рубаху и, не обуваясь, выскочил из своей избы и кинулся к Цыгану. Захар, встрепаный, с выпученными глазами, ухватил за руку Кызметя и вместе с ним побежал к Федьке.

Через минуту Аким уже притащил Цыгана, а Захар — Федьку. Обдергивая рубахи, которые рвал на них ветер, все слушали Акима. Он коротко рассказал, что ему передал Кызметь.

— Беги к ближним воротам, Захар, и Кызметя возьми. Поглядите, заперты ли. И сторожа нашего, коли спит, разбудите. Ты, Федька, буди тут всех на поселке заводских, пускай на площадь бегут. А мы с Ферапонтом к задним воротам побежим, что у плотины. Те ведь отперты, Кызметь?

Кызметь кивнул.

¹ Жок — по-башкирски — нет.

— Запрет их, — продолжал Аким. — А там к Беспалову. Пускай оружие дает.

Никто не спорил, и Аким с Цыганом бегом побежали к задним воротам.

Ворота в самом деле были открыты, и ветер со скрипом раскачивал половинки.

Цыган выругался, захлопнул тяжелые створки и задвинул чугунный засов, как деревянную щеколду. Замка в пробое не было.

— Не иначе, как со сторожем сговор у них! — крикнул Аким.

Они кинулись в сторожку.

Сторож лежал на лавке, будто спал.

Цыган набросился на него, но Аким схватил его за руку.

— Пусти! — крикнул Цыган, отталкивая Акима и замахиваясь над головой сторожа огромным кулачищем. — Размозжу пса!

Сторож вскрикнул и скатился на пол.

Аким ухватил Цыгана.

— Стой! — крикнул он. — Допросить его надо. Негогда теперь. Свяжем покуда.

Он стащил с себя пояс. Цыган поднял грузного сторожа, как перышко, швырнул его ничком на лавку, и Аким стянул ему сзади руки, а Цыган ноги.

— Лежи! — крикнул Аким. — Не моги вставать. Убьем. Ну, а мы к Беспалову теперь. У него-то заперто ли? — прибавил он.

— Чего ты, Аким, — буркнул Цыган на бегу. — Разве он пустит? Чай, он за завод отвечает.

Аким промолчал.

Они выбежали на площадь. Один фонарь со скрипом раскачивался перед конторой, почти не разгоняя мрака. У крыльца толпились перепуганные рабочие. Федька разбудил их, но ничего толком не объяснил. Завидев Акима, они кинулись к нему, хватили его за рукава, за полы, спрашивали, что случилось. Но он только отмахивался от них. Он изо всех сил торопился в усадьбу.

Вбежав в калитку, он прямо бросился к воротам.

— Заперты, — проговорил он с какой-то даже досадой.

— Говорил я тебе, — сказал прибежавший за ним Цыган. — Идем будить.

Он взбежал на крыльцо и так ударил в дверь кулаком, что соседние окна зазвенели.

Почти сейчас же за дверью послышались торопливые шаги, и слабый голос спросил:

— Кто там? Что надо?

— Отворяй, Петр Ефимыч, — загудел Цыган. — Спасибо скажи.

Дверь чуть-чуть приотворилась, но рванул ветер и широко распахнул ее.

Беспалов, совсем одетый, весь дрожа, стоял в сенях с фонарем в руке.

— Упредили нас, — прогудел Цыган, — башкирцы-собаки грабить нас ладят.

— Чего ты, что ты, Ферапонт, — проговорил Беспалов, отступая и запахивая кафтан. — Мы же с ними мирно жили. Кто напугал-то вас? Зря...

— Чего напугал? — перебил его Цыган. — Ворота-то отперты. Сами видали. Да чего тут время терять. Оружие давай скорей. Гляди, прискачут.

— Я тотчас, тотчас. Вот грех, — забормотал Беспалов. — Ключ я...

Он скрылся и через минуту вынес ключ и тут только заметил стоявшего в тени Акима.

— И ты тут, Аким, — сказал он и сердито взглянул на него, но сейчас же опомнился. — Бери ключ. В том амбаре, что у конторы. И ружья там, и порох, и пули. Увидашь. Раздай, кто стрелять умеет. Не пускайте их, чертей, коли так. Бейте насмерть. А коли кого живым захватите, ко мне тотчас. Я по-ихнему понимаю. Выспрошу его да и вздерну, чтоб не повадно...

Аким и Цыган побежали к конторе. Рабочих собралось еще больше. Они спорили, кричали и размахивали руками. Ветер развевал полы кафтанов, срывал шапки и хлопал ставнями.

— Тихо вы! — крикнул Цыган. — Тотчас Аким ружья вынесет. Выходи вперед, кто стрелять умеет.

Десятка три рабочих протискались ближе. Захар выскочил вперед всех.

Аким захватил двух рабочих, вошел в амбар и быстро стал выносить ружья, пули, порох и раздавать рабочим.

— Тихо! — крикнул Цыган. — Скачут будто. Кто ружье получил, бежим живей к воротам. Да не орите вы. Тихо! Пускай думают, что спят все.

Цыган, Захар, Федька и еще десяток рабочих с ружьями молча побежали в темноте к воротам у плотины.

У Захара сердце колотилось от радости. Наконец-то ему дали ружье, и он будет сражаться, как настоящий казак. Он и забыл, что ружье не заряжено и зарядить он не умеет.

— Стой! — крикнул Цыган, подбежав к воротам. — Ворота-то вновь отпёрты. Заперли ж мы. Федька, погляди, в сторожке ли сторож. Связали мы его.

Федька побежал и сразу вернулся с криком:

— Нету его!

— Распутался, дьявол. И куда девался?

Один за другим с площади подбегали еще рабочие с ружьями. Аким прибежал после всех, раздав ружья.

— Федька! — крикнул Аким. — Беги в башню. Из оконца гляди. Много ль их, башкирцев? Из пушки бы их надо. Умеет кто стрелять?

— Я умею! — крикнул Цыган и бросился следом за Федькой в башню, сунув ружье Акиму.

Захар топтался на месте, не зная, тут ли ему оставаться или бежать в башню.

— Заряжайте, — торопил Аким рабочих. — Как прыскают, мы ворота откроем — и стрелять.

Вдруг за плечо его уцепилась чья-то рука, и дрожащий голос зашептал в самое ухо:

— Стреляй нэ нада. Ворота запирай. Лючше кричай громко, они пугаться. Назад ехать.

— Ты, Кызметь? — пробормотал Аким. — Отступи, отступи, не суйся! Знаем мы, как с ими.

Кызметь пробовал еще говорить, но его быстро оттерли от Акима.

Топот сразу вдруг громче стал. Должно быть, башкиры выскочили из леса на пустырь.

Рабочие с ружьями наперевес теснились к воротам.

Аким приоткрыл ворота, высунул голову и всматривался в темноту, налегая плечом на одну створку, чтоб ветер не распахнул совсем ворот.

Сзади глухо ворочалась невидимая в темноте толпа. Рабочие, которым не достало ружей, перепуганные бабы из поселка сбежались тоже к задним воротам, не решаясь подходить близко. Бабы унимали ревавших от страха девочек. Но и взрослые дрожали и жались друг к другу.

Бог знает, что сейчас будет. Ветер выл и гудел в колесах мельниц у плотины.

Вдруг ветер зверем метнулся на толпу, так что люди едва устояли на ногах, тучи разорвались, и в отверстие выплыл, озаряя края убежавших туч, полный месяц.

Сразу все ожило. Люди зашевелились, выступили бледные лица, блеснули штыки на ружьях.

Аким крикнул:

— Скачут!

И одновременно наверху точно что-то лопнуло, загудело, и в ответ на пустыре раздался визг, крики, и ровный лошадиный топот вдруг сбился, точно скакавшие рядами лошади беспорядочно заметались.

Аким распахнул ворота. Рабочие, взяв ружья наперевес, толкаясь, выскочили наружу. На пустыре скакали в разные стороны косматые лошаденки с припавшими к гривам всадниками.

Один из них привстал на стременах и что-то кричал гортанным голосом, размахивая кривой саблей.

Башкирцы подскакивали к нему, натягивая луки.

Аким оглянулся на рабочих и крикнул:

— Стреляй!

Раздался нестройный залп, и в то же время со свистом звилась туча стрел.

— Назад! — крикнул Аким. Но было уже поздно, несколько стрел попало, кто-то со стоном побежал в ворота. Другие тоже кинулись за ними, не зная, попали ли они сами в башкирцев.

Сверху грянула пушка.

Ядро, должно быть, угодило в самую гущу. Сразу раздался оглушительный визг, стоны и потом беспорядочный топот скакавших прочь лошадей.

Цыган выскочил из сторожки.

— Ядер больше нет! — крикнул он. — Давай ружье.

Он вырвал у кого-то ружье и, оттолкнув Акима, выскочил за ворота. Аким и рабочие снова зарядили ружья и бросились за ним.

Башкирцы толпой неслись к лесу.

Вдогонку им раздалась выстрелы, но пули настигали их уже на опушке.

На пустыре бились, истекая кровью, три или четыре лошади и лежали два башкирца.

Рабочие бросились к ним. Один уже был мертв —

ядром оторвало ему полголовы. Другой метался в луже крови и глухо стонал.

Вся толпа, жавшаяся поодаль от ворот, бабы, ребята сразу хлынули на пустырь.

Всем хотелось теперь самим посмотреть, что тут было.

Башкирцы уже ускакали в лес. Толкаясь, переключаясь, рабочие окружили лошадей, раненых.

— Чего ж мало побили? — крикнул кто-то. — Пушка-то как саданула!

— Других с собой уволокли, черти, — пробормотал Аким, оглядываясь.

— Этого к Беспалову, — сказал Цыган, показывая на стонавшего башкирца. — Он допросить хочет.

— Дозорного надо здесь в башне поставить и у наших ворот тоже, — сказал Аким. — Не вернулись бы дьяволы.

— Не вернутся! Я их здорово из пушки шарахнул! — крикнул Цыган.

— Идем в завод, ребята, — сказал Аким. — Этого-то тащите.

Несколько человек подхватило башкирца. Он корчился и выл, когда они неловко тащили его, оставляя на земле кровавый след.

За ними гурьбой валили рабочие. Тех, в кого попали стрелы, бабы раньше увели по домам. Теперь, когда всё миновало, опасность уж не казалась такой страшной. Слышались шутки, смех, перебранки, и все весело расходились по домам.

— А сторож где? — спохватился Аким, останавливаясь в воротах. — Допросить надо, кто велел ворота отпереть.

— Сбежал, видно. Нету нигде, — отозвался Федька.

— Вот беда! — крикнул Аким. — А башкиренок где? Кызметь? Тут он толокся, бормотал мне что-то.

Все оглядывались, спрашивали друг друга, но башкиренка нигде не было.

— Куда ж девался? Допросить бы хорошенько. Чего бродяга-то говорил им? Послал его, может, кто, бродягу-то, к башкирцам. Захарка, не видал Кызметя?

— Да он с нами выскочил из ворот, как мы стрелять кинулись! — крикнул Захар.

— Убили, может, — сказал кто-то.

— Со своими, видно, убег, — подхватил другой. — Той же масти щенок.

— Упредил же он нас! — перебил Захар.

— Верно. Зря ты, Ермил, — поддержал Аким. — Кабы не он, так бы и не слышали мы, как эти черти ворвались. Наделали б беды. Федька, покарауль-ка ты тут до свету в башне. А у наших ворот, у передних, хоть ты, Захар.

Захар охотно побежал к другим воротам, все не выпуская из рук ружья. Он теперь тоже в сражении был. Жалко только, что скоро кончилось.

Федька нашел в сторожке замок от ворот. Аким навесил его и взял ключ себе. Он торопился, ему непременно хотелось послушать, как Беспалов будет допрашивать раненого.

Башкирца уже внесли в сени к Беспалову и положили на лавку, когда Аким прибежал.

Беспалов с фонарем в руке смотрел, как один из рабочих вспорол ножом пропитанный кровью рукав башкирца. Из руки его выше локтя ключом била кровь.

— Затянуть потуже — отдышится, — сказал Цыган.

Беспалов, передав Акиму фонарь, ушел к себе и через минуту вернулся с длинным полотенцем.

— Завяжи-ка, Ферапонт. Гляди, глаз не открывает, спит. Не поймет ничего. Отоспится, а поутру и допросим. Пускай тут и спит, — небось, не убежит. Запрусь наглухо. Вы, как рассветет, приходите, послушаете, как я его спрашивать стану.

Цыган и остальные рабочие вышли. Аким топтался на месте, поглядывая то на башкирца, то на Беспалова.

— Ты чего, Наборщиков? — спросил Беспалов, покосившись на Акима. — Сказать чего хочешь?

— Так я, — пробормотал Аким. — Остаться, может? Помочь тебе?

— Не надо, Аким. Спасибо тебе. Чего ж помогать? Спит он. И я посплю. А коли позовет — у меня сон легкий, — тотчас приду. А двери закрою, как ты выйдешь. Не убежит.

Аким ушел. Беспалов сейчас же запер за ним дверь. До рассвета было еще далеко.

Тучи уходили. Полный месяц стоял на небе. Стало очень холодно. Босые ноги Акима совсем замерзли, когда он дошел до дому. Он был рад, что удалось отстоять за-

вод, но тревога не унималась. С чего вдруг вздумал бродяга натравлять башкир? Какая ему корысть? И чего Беспалов одетый был, когда они прибежали? Нет, не верил ему Аким. «Надо будет завтра хорошенько допросить башкирца, — решил он. — Что-то тут затеяно недоброе».

Глава девятая

Под утро ударил хороший мороз. Когда Аким на рассвете торопливо выскочил из избы, вся трава во дворе была сплошь покрыта инеем, а лужи крепко затянуло льдом.

«Зима подходит», — подумал он. Он быстро пошел к Цыгану и наткнулся на Захара, который бежал босиком, подпрыгивая на замерзших лужах. В руках у него все еще было ружье.

— Тихо все! — крикнул он Акиму. — Промерз я.

Аким усмехнулся, поглядев на ружье.

— Ну, поди, сосни часок до колокола, — сказал он.

Аким с Цыганом подоспели к дому управителя, когда солнце еще не вставало. Уставшие за ночь рабочие и не начинали шевелиться.

Дверь Беспалова была заперта, и они долго стучали.

— Спит, — тоже ночь не спал, — прогудел Цыган.

В эту минуту дверь неслышно приоткрылась и показалась голова Беспалова. Здоровый глаз его был почти закрыт. Он посмотрел на них, качая головой.

— Ведь вот беда-то какая, — заговорил он, впуская Акима с Цыганом, — помер башкирец-то.

— Помер? — переспросил Аким. — Да ведь в руку его лишь ранило.

— То-то и я так думал. Больно сильно кровь из руки била. А под утро подошел, гляжу — что за притча — не дышит будто. Я его скорей раздевать. Гляжу, а на груди-то еще рана. Не поглядели мы с вечера, не раздели. Рана-то маленькая, и крови почти что нет. Ведь вот грех. Побудить бы, как принесли вы. Может, и сказал бы еще что. А мне и невдомек.

Аким нахмурился.

— И как это не поглядели мы, — пробормотал он. — Да и он-то как жил, коли в грудь его ранило?

— Отходил, надо быть, — подхватил Беспалов. — А мы гадали — спит. Ну что теперь делать станешь? Помер — не оживишь. У нас иная забота, Аким. Пушки надо государю лить со всем поспешением. Эти-то, — кивнул он на башкирца, — в другой раз не сунутся. Вы их, верно, хорошо огрели, — ласково усмехнулся он Цыгану. — А нам время терять никак невозможно. Тотчас колокол ударит. За работу надо. У тебя все готово, Аким?

Аким кивнул.

— Ну, гляди, чтоб все исправно было. Тотчас немец-шихтмейстер придет, без него не клади медь. Уж я ему наказывал, чтоб смотрел в оба. Для государя голубицы. Сам-то ты, Аким, не отлучайся. На тебя только и полагаюсь, — сколько лет мастером при штыковом горне был. Ну, а за другими работниками сам я присмотрю. У тебя, Ферапонт, сверлильный станок в порядке? — обернулся Беспалов к Цыгану. — Ну, да про тебя что говорить, — ведомо, первый мастер. С того месяца тебе рубль прибавки будет.

Цыган крикнул, усмехнулся и сверху вниз посмотрел на Акима.

Ударил колокол, и все трое вышли из дома управлятеля.

Аким торопился в свой сарай посмотреть, все ли готово и на месте ли Федька.

Федька встретил его у порога. Лицо его расплылось в радостную улыбку.

— Ловко ты вчерась, Аким Федорыч, — сказал он. — Ребята говорят, — вот это приказчик. Кабы не ты, всех бы нас черти косоглазые прирезали, как баранов. А чего тот сказал, у Беспалова-то?

— Помер он, — пробормотал Аким и тут только вспомнил, что даже не посмотрел, что у него за рана на груди. Заговорил его разноглазый, как малого ребенка. Стыдно даже. Но Федька равнодушно заметил:

— Туда ему и дорога, псу.

В это время подошли двое немцев — шихтмейстер с помощником. Уже два года, как хозяин их на завод прислал, а держались они всегда особняком. С рабочими, даже с мастерами, знакомства не вели, — будто не понимают по-русски. Но Аким не верил. Так это они, важность напускают. Старший-то, усатый краснорожий Мюллер,

тот уж, наверно, не то что понимает, а и говорить по-русски может. С управителем же он умел договориться, да и с Беспаловым тоже, а те ведь по-немецки не знали. Младший, Михель, тот простой был и, правда, ничего по-русски не знал. Сам Аким еще не совсем забыл немецкий язык. За шесть лет, что он проработал в типографии в Гамбурге, он хорошо научился по-немецки. С тех пор, правда, двадцать лет прошло, но он все читал свою немецкую книгу. На заводе никто об этом не знал.

Немцы вошли в сарай.

Мюллер осмотрел топку, поддувало, потом велел своему подручному класть в котел медь и олово. Михель махнул Федьке, и они вместе стали таскать тусклые белесоватые кубики олова и тяжелые болванки — штуки или «штыки» красной меди. От них и горн назывался «штыковым».

И меди и олова немец еще накануне отвесил сколько нужно, в амбаре, и их привезли в штыковой сарай.

Один немец-шихтмейстер знал точно, сколько надо того и другого для плавки, но русским мастерам он этого не говорил.

Аким весь день не выходил из своей мастерской. Он хорошо знал, что за печкой надо следить, глаз не спуская: чуть остынет немного — в меди пузыри пойдут. От этого болванка треснуть может.

Сам-то он и обедать не пошел, еле Федьку отпустил поесть.

Немец несколько раз заглядывал и только плечами пожимал и усы топорщил, видя, что Аким не отходит от печки. Сам он подходил, смотрел в окошечко печки, как медь плавится, и опять уходил.

И рабочие в этот день тоже заглядывали к Акиму. Все на заводе знали, что штыковой горн топится. Стало быть, вечером отливка болванок для гаубиц начнется.

После этой ночи рабочие и Акиму стали больше верить, да и пушки в деле увидали — ишь ведь, как им помогла пушка. Недаром Аким так хлопочет новому царю пушки послать. Теперь и всем рабочим загорелось поскорей пушки наготовить. С ними ведь работы немало. Не только болванки отлить, надо еще дуло просверливать, потом чистить дуло, потом пушка идет к точикам, к ков-

щикам, к отдельщикам. Но первое дело — отливка. Коли плохо отлить болванку, ничего с ней потом не сделаешь. В обед к штыковому сараю подошла сразу кучка рабочих.

— Отливать нонче, Аким Федорыч? — спросил один. — Дождался-таки.

— Разноглазый-то наш тоже вовсе раздобрился, — пробасил другой. — Слышал? По гривне прибавка всем, как на царя работать начал наш завод — с нынешнего дня, стало быть. А? Тоже старается перед новым царем.

— Да ведь как же, — подхватил другой. — Указ ему от государя казак привез. Сказывают, милостив до него сильно новый-то ампирактор. Ты читал, Аким?

— Читал, — ответил Аким, не отходя от печки. — Государь велит со всем поспешением голубиц ему посылать.

— А что ж? За нами дело не станет, — сказал кто-то. — Болванок только наготовь, Аким Федорыч. А уж мы...

— Ну, спасибо, ребята, — сказал Аким. — Так я и знал, что вы для государя Петра Федоровича с охотой работать станете. Понимаете, что для себя. Себе волю заработаете.

Дрова горели дружно, поддувало работало как надо. Жар такой шел от печки, что у Акима в три ручья пот лился, а Федька не раз выбегал отдышаться во двор. Зато уж присягу бы принял Аким, что плавка на совесть идет. Медь должна быть первый сорт.

Аким так рад был, что и про голод и про усталость забыл. «Слава богу, все хорошо», — думал он, вытирая пот.

Перед вечером в сарай Акима набилось много народа. Оба немца, Беспалов, еще несколько мастеров. Приблизилось самое важное дело — отливка.

Шихтмейстер заглянул последний раз в окошечко печки и махнул Акиму. Готов металл. Аким подошел с ломом к заслонке, замазанной глиной, и стал отбивать глину. Сколько раз уж он это делал — привык. А теперь руки у него дрожали, точно у новичка. Открыл заслонку, — так и пахнуло зноем, и по жолобу прямо в ковш потек огненный ручей.

Огромный ковш — каменная бочка с носиком и двумя ручками, подвешенная на блоке перед устьем печки, —

медленно наполнялся кипящей жидкостью. Жар от нее волнами расходился по сараю и заставлял всех жмурить глаза.

Один Аким, как замороженный, не сводил слезящихся глаз с огненной массы.

Ручей стал мелеть, суживаться. Последние капли стекали в полный ковш.

Шихтмейстер опять махнул Акиму. Аким отвел жолоб, оглянулся. Федька уже стоял рядом. Они взяли ковш за обе ручки, повернули на блоке и стали медленно наклонять его над вделанной в землю перед ним глиняной формой — опокой.

Из носика хлынула широкая струя, и сразу вверх взлетел сноп огненных искр. Столпившиеся перед печкой зрители быстро подались назад. Кому-то искра упала на плечо и прожгла рубаху. Он негромко охнул.

Аким ничего не слышал. Он не отрываясь смотрел на опоку, чтобы во-время приподнять ковш и не дать меди пролиться мимо.

Наполнили первую опоку, потом вторую, третью, и ковш до капельки опустел. Шихтмейстер был знающий и точно рассчитал, сколько надо меди и олова на три болванки.

Теперь болванки должны были три дня стыть, только тогда их можно вынимать из опок и передавать в сверильную мастерскую.

Все эти три дня Аким был сам не свой. Завод работал полным ходом. Рабочие старались, как никогда, но Аким ни на что не смотрел, ходил по заводу, заходил в разные мастерские, даже распоряжался чем надо. А думал все про одно: хороши ли выйдут болванки. Если б спросил кто, холодно или тепло, дождь идет или снег, Аким и не сказал бы, может. Захар несколько раз заговаривал с ним, но он отвечал невпопад.

Ведь болванки для пушек — первое дело. От них — всё. Хороши, — так и гаубицы удадутся. Мастера у них подобраны на совесть. Не подгадят. Через две недели можно будет государю послать готовые гаубицы. Ну, а если плохи... но об этом Аким старался не думать.

Наступил четвертый день.

Аким еще до колокола побежал в свою мастерскую, стал на колени, пощупал — совсем холодные болванки.

Как только колокол прозвонил, зашел в сарай шихт-

мейстер. Тоже пощупал болванки и кивнул головой, — Аким понял, что можно сдавать в сверлильню.

Когда вынули болванку из опоки, Аким всю ее оглядел и обгладил. Хорошая болванка, ничего не скажешь, — ни трещинки, ни пузыряка.

Аким поглядел искоса на трех подручных и усмехнулся. И Федька, глядя на Акима, тоже весело закивал головой.

Аким так и ходил за болванкой, глаз с нее не спускал и сам, вместе с тремя подручными, потащил болванку в сверлильню, хотя в болванке пудов двенадцать весу, а силы у Акима было не слишком много.

Огромный Цыган стоял в дверях своей мастерской и посмеивался, глядя, как Аким сгибался под непосильной ношей. Ему бы это нипочем. Он бы, пожалуй, один такую болванку поднял, а уж вдвоем — вовсе пустяки. А они вчетвером еле тащат. Втащили, установили на станок и пошли. Только Аким не сразу ушел. Потоптался немного на месте и проговорил нерешительно:

— Станок-то у тебя в порядке, Ферапонт? Осматривал? Не подвел бы.

— Не было еще того случая, чтоб из-за меня порча вышла, — хмуро прогудел Цыган. — Чего под руку бубнишь? Проваливай. Не люблю я.

Аким ушел. Государь требовал пять голубиц, — значит, надо вторую отливку начинать. А Беспалов молчит и медь не присылает.

С той ночи Аким еще меньше стал верить Беспалову. Знает ведь, что надо опять медь прислать, а тянет.

Он сам пошел к Беспалову и попросил прислать с вечера меди и олова, чтобы завтра же начать новую отливку.

Беспалов кивнул и сразу же спросил:

— Ну, а как те-то болванки — хороши?

— Кажись, ничего, исправны, — сказал Аким и усмехнулся. — Гладкие. Пузырей ни одного не видать. В сверлильню я сдал. Цыгану.

— Ну вот и слава богу, — ответил Беспалов, поглядев на Акима здоровым глазом.

Аким облегченно вздохнул. «Может, зря я на него», — подумал он.

Когда Аким возвращался от Беспалова, колокол как раз звонил к обеду. Рабочие выходили из сараев. Издали

Аким увидел кучку, столпившуюся у сверлильной мастерской. Надо всеми возвышалась черная голова Цыгана. Он гулко ругался, встряхивая вихрами.

У Акима сразу упало сердце. Он бегом бросился туда.

Завидев Акима, Цыган заорал:

— Ты чего мне под руку говорил, дьячок паршивый, приказчик колокольный! И сверлить больше не стану! Все одно никуда! Вы там, может, глину вместо меди плавили!

Аким смотрел на него, как оглушенный.

Ферапонт со злобой схватил его за руку и потащил в мастерскую.

Сначала Аким не увидел ничего страшного. Болванка лежала все там же, на станке. Только теперь внутри у нее было сверло. Но станок не работал.

— Не понимаешь? — гаркнул на него Цыган. — Крошится! Сверлить нельзя! Говорю, — не медь, а глина! Раз выстрелишь из нее — разорвет!

Аким смотрел с таким отчаяньем, что у Ферапонта сразу отошло от сердца. Он махнул рукой, плюнул и, помолчав, сказал:

— Ну, чего уж... Может, и впрямь сглазил кто. Тащи живей вторую. Всех из мастерской прогоню. Никто чтоб не мешал. А эту в переплавку — не гожа.

Аким молча, ни на кого не глядя, пошел в свой сарай. «Сглазили, — стучало у него в голове. — Другую надо скорей. С той все хорошо будет. Не может статься, чтоб опять. Не может».

Глухая злоба, он сам не понимал на кого, начинала подниматься в нем.

Аким кликнул Федьку и других двух подручных и заторопил вынимать вторую болванку.

Федька хотел было спросить что-то, но Аким так посмотрел на него, что он и язык прикусил.

Когда они внесли вторую болванку в сверлильную, Ферапонт угрюмо молчал. Они тоже молча положили болванку на станок и пошли все обратно. С Цыганом не поговоришь, когда он волком смотрит. Аким старался не глядеть на него.

Ферапонт сердито захлопнул за ним дверь.

Опять прозвонил колокол на работу после обеда, опять рабочие разбрелись по своим мастерским. Аким тоже зашел в свой сарай, забрал у Федьки смазочное масло,

тряпки, отстранил Федыку и стал молча сам чистить горн. Федыка с удивлением посмотрел на него. Аким был мастер, а чистка — дело подручного. Ну, а уж когда приказчиком Акима назначили, — совсем не к чему было ему соваться не в свое дело.

Но Аким залез по пояс в самое нутро горна и стал, точно назло кому-то, изо всех сил тереть котел. Федыка поглядел, поглядел и вышел на порог — не драться же с ним; вольному воля.

Грязища на площади, мусор, лом. Только вдоль сараев настлана дорожка из досок. Мальчишки по ней уголь возят в тачках. Вон Захар дрова опять везет. Заверотил к ним в сарай, вывалил перед печкой, оглянулся — из горна только Акимовы ноги торчат, головы и не видать.

Захар подивился — Федыка ворон считает, а Аким его работу работает.

— Что, али осердился? — спросил Захар Федыку, остановившись у порога.

— Не подступись, — ответил Федыка. — И что с ним поделалось? То тихий был, воды не замутит, а ныне ровно муха его укусила. Необразишь никак.

Подходил вечер. Морозило. Первый снег густыми хлопьями неслышно падал на грязную землю.

— Вот бы на деревню, — проговорил Захар. — Снег нападает, мягкий. Первое дело тут в снежки. А там на реку, с берега. Высокий у нас. Присядешь — и ну под гору... Знатно!

В эту минуту далеко, на другой стороне площади, в сверлильной мастерской распахнулась дверь, и оттуда выскочил весь красный Цыган.

— Где он тут, приказчик чортсв? — орал он на всю площадь, перекрывая грохот завода. — Издевки надо мной строить! Размозжу!

Захар боязливо покосился на открытую дверь сарая. Цыган, видимо, искал Акима.

— Убьет, — пробормотал Захар. — Сказать надо.

И он кинулся в сарай к Акиму и зашептал ему:

— Цыган там... Тебя ищет... Убить грозитя...

Как только Аким услышал имя Цыгана, он раком выполз назад из печки, весь вымазанный, черный, не хуже Цыгана. Тряпка, масло — всё полетело на пол. Он хотел что-то сказать и только разевал рот. Потом он глухо взвыл и бросился к двери.

— Ты, лисий хвост! Размозжу! — заорал Цыган, заметив издали Акима. — Подсидеть надумал? Завидки взяли, что Беспалов меня первым мастером по всему заводу назвал? Ну-кось, выходи!

Он бежал прямо к штыковому сараю.

Аким стоял в дверях, тоже сжав кулаки, выпучив глаза, плотно стиснув зубы, черный, ошетилившийся точно волк. В глазах у него было и отчаянье и злоба, но страха не было.

Захар, Федька, еще несколько подбежавших рабочих взглядывали то на Акима, то на подбегавшего Цыгана и в испуге ждали, что будет. Броситься наперерез Цыгану никто не решался.

Цыган уже занес свой кулак, тяжелый, как кузнечный молот, но в последнюю минуту он взглянул на Акима, приостановился, попятился и опустил кулак.

Минуту он молчал, не сводя глаз с неподвижного Акима, потом заговорил совсем другим голосом, как будто сам с собой:

— Уж так бережно сверлил. Никогда, кажись, так не остерегался. Сперва будто ничего. А там и стало заедать... Куда она теперь? Стрелять все одно нельзя.

Он помолчал, тряхнул буйными космами и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Не иначе, как наговор... Не ты — другой кто, — прибавил он, взглянув еще раз на Акима, и пошел назад.

Рабочие молча расходились. Захар подтолкнул Федьку и кивнул на Акима.

Глава десятая

Аким и не заметил, что следом за Цыганом разошлись все рабочие. Он стоял в дверях своего сарая, глядя прямо перед собой ничего не видящими глазами.

— Горн-то чистить, что ли, али как? — пробормотал Федька, дернув Захара за рукав. — Не осердился бы, как не готов будет. С утра затоплять велел.

— Не замай его, — тихо ответил Захар. — Пойдем-ка, пусть уж он как знает. — И Захар потащил Федьку прочь от сарая.

Аким долго стоял неподвижно, потом, и не вспомнив, что сарай открыт, а там в опоке все еще стынет послед-

няя болванка, он, не оглядываясь по сторонам, быстро пошел к задним заводским воротам.

Ничего он не понимал. Только злоба в нем поднималась — и на Цыгана, и на других рабочих. Не глядеть бы ни на кого, уйти ото всех.

Попадавшие ему навстречу рабочие уступали ему дорогу и, пропустив его, оглядывались, не понимая, куда это он идет. А он все шел, ускоряя шаги, точно куда-то торопился.

Вышел из ворот и, не останавливаясь, пошел по берегу пруда.

Начавшийся с обеда снег падал все сильнее, покрывая и пустырь и берега пруда пушистой пеленой. И от этих пушистых белых берегов вода в пруду казалась черной и тяжелой, как чугунная плита.

Аким шел все дальше, пока перед ним не выросла покинутая деревня сбежавших мужиков. Он совсем не думал о ней, но, когда он увидел черные, запорошенные снегом безмолвные избы, он вдруг понял, что именно сюда-то его и тянуло.

Здесь никто ему не мешает додумать то, что ему не давало покоя. Он оглянулся кругом. Ветер сорвал с петель незапертые ворота и плохо притворенные ставни, растрепал солому ветхих крыш, повалил плетни. Бесшумно падавшие крупные хлопья снега покрывали белым саваном ободранные избы.

И кругом-то все точно умерло. Лес стоял будто заколдованный, вода в пруду была как неживая.

Всякому бы жутко стало в этой мертвой деревне. Но Аким мертвецов не боялся. Он о живом думал. О своем заводском деле. Отчего это у них все из рук валится?

Аким поднял голову. Как раз перед ним была изба Нила. С Нила-то все и пошло. Не сумел Аким тот раз уговорить мужиков.

Аким вошел в незагороженный двор. Крылечко покоилось, и его начало заносить снегом. Из раскрытой двери Акима обдало нежилым духом.

Вон там у окна — оно тогда цело еще было — сидела Домна и Сеньку держала, а Нил напротив стоял. Ничего-то он, Аким, не сказал тогда Нилу, а мужики в ту же ночь и ушли — оставили завод без угля. С того все и пошло. Что ни день, то новая беда. А уж сегодня самое худое. Неужто нарочно это Цыган? А коли Цыган так,

может, и другие рабочие тоже? Вся вера у Акима сразу пропала. Можно бы, конечно, я еще болванку отлить. Да какой толк? Не Цыган, так другой кто испортит. Нет, надо сперва разобрать, с чего это, как они на Петра Федоровича работать стали, так и посыпалось — не одно, так другое. Или не хотят рабочие на него работать? Да с чего ж так? Ведь он волю дает. Восстание они делают, как в той книге написано.

Аким встал, ноги у него заоченели, а голова горела как в огне. В углу зашуршало. Мыши, что ли? Да что мышам в пустой избе делать? Морозно. Он передернул плечами. Уйти, что ли? Нет. Не уйдет, куда не доберется, в чем тут причина. Он опять сел на лавку и, опершись локтями на стол, сжал ладонями голову и снова стал перебирать, что у них приключилось за это время.

Вдруг до него донеслись голоса. Он весь вздрогнул. «Господи, кого это сюда понесло? Лихие люди? Так тут и брать-то нечего. Может, мужики назад обернулись? Вот бы хорошо. Уголь бы сразу наломали».

Аким притаился у окна и стал прислушиваться. Шли будто двое и переговаривались между собой. Громко, а непонятно.

И вдруг он стукнул себя по лбу. Да ведь они немецки говорят.

Голоса приближались. Вот точно остановились. Аким осторожно выглянул в разбитое окно. Ну да, конечно, их же немцы — шихтмейстер с помощником. Как это он сразу не узнал голоса? И чего это их сюда принесло? Он вспомнил, что немцы каждый вечер ходили гулять. Аким усмехнулся. Когда он еще в Гамбурге жил, немцы тоже по вечерам гуляли. Мастер говорил, что для здоровья нужно после работы *Spazierung machen* — делать прогулку. Всё у них по порядку. Аким придвинулся ближе к окну и еще раз выглянул. Немцы смели веточкой снег с завалинки и сели как раз под его окном, так что ему каждое слово было слышно.

Сначала про погоду заговорили. Наконец-то снег выпал. Хоть немножко грязь прикроет. Жаловались, что грязища тут всюду — ни пройти, ни проехать — и принялись ругать всё русское. По-ихнему выходило, что русские все дураки. На эту деревню тоже очень ругались. Всюду-то у русских добро пропадает. Вот и тут. Ведь

домá денег стóят. А их без толку бросили, они и сгниют. Хоть бы окна да двери заколотили, чтоб снег не падал.

Аким покачал головой — а ведь верно немцы говорят. У них на поселке в какой тесноте люди живут. Это ему лишь за то, что мастер он, отдельную избушку дали, а другие по две семьи в одной избе тискаются. Можно бы сюда которых перевести — и домишки бы сохранились. Надо будет с Беспаловым поговорить.

Старший немец, Мюллер, на все лады расхваливал свою немецкую землю. У них вот порядок, ничего не пропадет, все в дело идет. Зря ничего не портится. Тут младший, Михель, захохотал и что-то сказал, чего Аким не дослышал. А Мюллер ему на это ответил: «Ты дурак, Михель, это же нарочно, за это Петер Ефимов («Беспалов, стало быть», — подумал Аким) нам деньги заплатит. Много денег, fünf hundert Rubel». («Пятьсот рублей! — удивился Аким. — За что же это?») Он стал слушать еще внимательней.

И тут как раз Михель спрашивает: «А зачем это ему, чтоб болванки портились?»

Аким даже привскочил на месте, и сердце у него так заколотилось, что в ушах загудело, но он все-таки расслышал, как Мюллер сказал: «Не хочет Петер Ефимов, чтобы завод для этого казака Емельки пушки делал».

Аким весь трясся, как в лихорадке. На лбу у него выступил холодный пот, он вытирал его ладонью и все ближе прижимался ухом к стеклу, чтоб не пропустить чего.

Михель опять спросил, как же Мюллер это устроил. Мюллер захохотал своим противным жирным хохотом. Акиму сверху видно было, как заколыхалось его толстое брюхо.

— Я все могу, — сказал он. — Петер Ефимов спрашивает меня: «Можно так сделать, чтоб пушки негодные были, а никто бы не знал отчего?» Я ему говорю: «Я могу. . . Я все могу. Металл будет как всегда, и болванки будут как всегда, и пузырей не будет и трещин, а сверлить их нельзя».

Аким откинулся от окна и кулаком стукнул себя по лбу.

«Так вот что! Вот отчего болванки трескаются. Дьяволы проклятые!» Но надо было дальше слушать. Михель

как раз спрашивал, что же сделал-то Мюллер с болванками.

Аким весь насторожился.

Мюллер опять захохотал.

— Нет, это я тебе не скажу, — проговорил он. — Ты еще очень молод. Когда мастером будешь, тогда узнаешь. Это секрет. (Аким хорошо знал это слово: Geheimniss. В его книге это слово часто попадалось).

Мюллер говорил, что он и Беспалову этого не открыл. Сказал только — металл будет как всегда, а сверлить нельзя.

— Все русские — дураки, — говорил он. — Вот и мастер этот — Аким — тоже дурак. Сколько лет у горна работает, а как приготовить металл, не знает.

«Верно, — подумал Аким, — век дураком был».

— Знает только, что в медь надо олово прибавить, а сколько — не знает. А в этом все дело. Меньше положить, не затвердеют болванки. Больше — трескаться будут. А сколько надо олова на сто пудов меди, никто здесь не знает. А я знаю...

Аким так и приник к окну. Вот сейчас скажет немец.

— Ja, ich weiss es, — донеслось до него, — ich weiss, doch ich werde es niemandem sagen.¹

Аким еле удержался. Так бы, кажется, и выпрыгнул в окно и вырвал изо рта у этого проклятого немца его секрет. Но он только сильнее сжимал кулаки, так что у него пальцы затекли. Он хотел все до конца прослушать, что они говорить будут.

Мюллер опять расхвастался.

— Русские без немцев ничего не умеют делать, — говорил он. — Пива сварить и то не умеют. После прогулки надо выпить хорошую кружку пива, чтобы согреться. А у них и пива-то нет. От их кваса только желудок портится. А от водки голова болит. Вот и теперь с мороза в самую бы пору согреться, а нечем. Вставай, Михель, — сказал он, — надо пойти скорым шагом, а то можно простудиться.

Немцы встали и зашагали в ногу, как солдаты.

Аким тоже вскочил, но ноги у него подкосились, и он опять тяжело упал на лавку.

¹ Да, я знаю, но я этого никому не скажу.

Теперь все для него стало ясно, все. Всему как есть виной Беспалов проклятый.

Что ж теперь делать? Что? Цыгану сказать? Заводским? Не поверят, пожалуй. Очень уж их Беспалов ублажает. Да и немцы ото всего отпрутятся.

Аким встал, постоял немного на одном месте, потом быстро вышел из избы Нила и скорыми шагами пошел назад на завод, прямо к поселку. Он знал теперь, что надо сделать.

Как вошел в свою избу, так сразу же, не снимая тулупа, взял он с шестка лучину, высек огня и вставил лучину в светец. Потом подошел к переднему углу, достал из-за иконы лист бумаги, пузырек чернил и гусиное перо, — все это ему дал еще давно писчик, он хотел тогда писать жалобу на то, что его сделали крепостным. А потом узнал, что не его одного, всех похолопили, у кого бумаг не было, и рукой махнул, не стал подавать.

Он скинул тулуп и шапку, сел за стол, остругал перо, подумал и сразу же начал писать.

Вошел Захар, посмотрел на него, а заговорить не решился. Очень уж чудное лицо было у Акима. Но Аким сам поднял голову, посмотрел Захару прямо в глаза и заговорил так строго, как никогда раньше с ним не говорил:

— Слушай, Захар. Ты теперь большой вырос. Я с тобой так и говорить буду. Слушай. У нас на заводе задумано злое дело. Беспалов против царя обернулся. Не хочет, чтобы на царя завод работал. И бродягу он подкупил, чтоб тот башкирцев привел мой сарай рушить и меня извести. Знает, что я за царя жизни не пожалею. А нонче он же, Беспалов, немцев подкупил, чтоб пушки не выходили.

Захар слушал, стоя перед Акимом, и постепенно его красные щеки белели, и даже весело задранный нос как будто опустился. В голове у Захара мелькали быстрые мысли: «Может, Аким велит мне Беспалова пристрелить. Или немцев? А ведь я-то стрелять не умею. Вот беда». Что Беспалов переметнулся, это его не удивило вовсе.

Аким дальше говорил:

— ... А рабочие все за Беспалова: ублажает он их. Сказать — не поверят. Я пишу про все то царю Петру

Федоровичу, чтоб он к нам на завод прислал кого-нибудь, а Беспалова, гада, чтоб пристрелили.

«Не я, стало быть», — подумал Захар, и ему даже жалко стало.

— Письмо я пишу, — говорил Аким. — Надо его по-таенно в Берду отвезти. Вот я и надумал тебя послать.

Захар даже вздрогнул весь, глаза так и заблестели, и нос опять вверх стал глядеть.

— Ты куда ляг, поспи.

Захар замотал головой. Вот еще — спать!

— Поспи, говорю, — твердо повторил Аким. — Подождать надо, как заснут все. Не хочу я, чтобы знали, что я послал тебя. Завтра скажу, — сам ты сбежал, а куда — не знаю. Вот с лошадей как? Пешком не дойти. А лошадь тебе не дадут. А коли я велю — узнает Беспалов.

Аким замолчал.

— У Кызметя я попытаю, — сказал Захар. — Он даст. Как я его в тот раз приволок, так он говорил — чего хочешь проси, все сделаю.

— Да где он, Кызметь? Не убили ль мы его ненароком? Не приходил он больше.

— Жив, чего там, — уверенно проговорил Захар. Очень уж он боялся, что Аким передумает. В Берду ехать! К самому царю! Там его, верно, в казаки возьмут. Уж он уприсит Илью.

И сразу же Аким, точно подслушал, говорит:

— Ты там Илью разыщи, что с Хлопушей приезжал. Ему все расскажи. И письмо подай. Пускай самому царю передаст.

Захар кивнул.

— А коли тебя позовут, ты все расскажи, каких тут делов Беспалов наворотил. Не забоишься?

Захар решительно затряс вихрами. Он — да побоится!

— Ну, ложись, — приказал Аким.

Захар послушно примостился на лавке. Он с удивлением смотрел, как Аким уверенно водил пером по бумаге.

«Все-то он может! — подумал Захар. — К самому царю пишет, и не боязно ему. . . Скорей бы. Спать я все одно не буду. . .»

А когда Аким кончил письмо и подошел к Захару, тот крепко спал.

— Надевай мои валенки, Захар, — сказал Аким. — Ишь, снегу навалило с вечера. Зима хочет быть. И тулуп лучше мой надень, в поле-то холодно — замерзнешь. Вот ворота как? Заперты уж, верно. А до света ждать — увидят.

Захар усмехнулся.

— Ничего, — сказал он. — Выпустит меня дед — мы с ним приятели.

Аким не стал больше расспрашивать. Ему, как и Захару, казалось, что все должно уладиться, — дело очень уж важное.

— Письмо за пазуху засунь, — продолжал Аким. — Или нет, лучше в валенок. Я его в тряпицу замотал. Сразу, как приедешь, Илью Ульянова спроси. Не забудешь?

Захар опять кивнул.

Он натянул на себя высокие Акимовы валенки, длинный, не по росту, тулуп и стоял среди избы, ожидая, что еще скажет Аким.

— Ну, с богом, — сказал Аким и перекрестил его. — Коли в дороге кто спросит, скажи — беглый, до своего села пробираюсь. Теперь много таких бродит. Кому мальчишку нужно. Вот я тебе на дорогу хлеба да соли, да луку припас.

Аким передал Захару небольшой мешок. Захар перекинул его через плечо.

— А коли Қызметя не найдешь, — продолжал Аким, — назад приходи. Я уж лошадь как-никак добуду. Ну, Захар, — сказал он, помолчав, особенным голосом, — коли что, помни — для великого государя ты. . . С богом!

Захар посмотрел на Акима, и только тут ему вдруг припомнилось, что Аким ему говорил про Беспалова и про башкирцев.

Беспалов их звал, чтобы Акима убили.

Извести его хочет пес. «Я-то там в казаках останусь, а его тут убьет чорт разноглазый. . .»

— Дяденька Аким, — заговорил Захар и фыркнул носом, — а ну, как уйду я, а тебя разноглазый как ни на есть изведет!

Аким усмехнулся.

— Ты, что ль, не дашь? Ладно, иди. Коли убьет, стало быть, так на роду мне написано. А ты письмо пере-

дашь и про Беспалова скажешь; они его уберут, а завод сами наладят.

Захар во все глаза глядел на Акима.

Ишь, как говорит — «на роду написано». Про завод Захару все равно было.

В носу у Захара защипало, он опять фыркнул и жалостно поглядел на Акима.

— Да ты чего? Боишься, может? — спросил Аким.

Захар с досады тряхнул вихрами.

— Чего мне бояться! — буркнул он, отвернулся от Акима и зашагал к двери.

Даже на пороге не обернулся.

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

Глава первая

Захар вышел и с удивлением оглянулся — много ли времени прошло, а точно другой стал поселок. Снегу навалило столько, что все кругом побелело — и крыши и дорога. Снег мягкий, пухлый, в валенках хорошо идти.

У самых ворот на завалинке, точно куча снежная, — сторож-старик. Задремал, а его так и прикрыло сверху, голову с плечами сравняло, и на коленях целый сугроб.

Захар подошел и потряс старика за плечо.

— Дедушка! — крикнул он, — тебя этак вовсе занесет, и не проснешься. Дай-ка я тебя отряхну.

Захар сгреб рукавицей снег с плеч сторожа, снял с него шапку, стряхнул и опять надел.

— Ну-ка, встань, — Захар потянул его за рукав.

Старик заморгал маленькими глазками, с усилием поднялся, и снег кучей свалился с его колен.

— Спасибо, сынок, — прошамкал он. — И то бы занесло. Задремал малость. В тулупе-то тепло.

— Отопри-ка мне, дедушка, выйти надо. Мыши нас все одолели. А там, на деревне, у Нила кошку я видел, кинули они. Хочу к нам забрать.

— Чего ж рань-то экую выбрался?

— Днем-то она убежит куда, а ночью, чай, в избе ночует.

— Затейник ты, Захарка, угомону на тебя нет, — проворчал старик, но все-таки достал из-за пазухи тяжелый ключ, кряхтя отомкнул замок и выпустил Захара.

Захар быстро пошел через пустырь, прокладывая по гладкой снежной пелене глубокую тропку.

Ветерок чуть-чуть подувал, — должно быть, утро недалеко. Месяца не видно, а не очень темно, точно сам снег светится.

Лес тоже другой совсем, деревья шапки белые понадевали. Не шелохнутся — стоят, точно сронить бояться. А под деревьями совсем тихо, и снегу чуть-чуть напорошило.

Очень-то скоро в длинном тулупе Захар не мог идти, — жарко. «Тяжелей, чем Кызметя нести, — подумал он. — Ну да то под гору, а тут в гору». Шел, шел — устал. Наконец-то дошел до полянки, где летом бродягу встретил, — даже оглянулся, да зимой кому ж тут быть. Дальше пошел, — знал, что теперь уж зимовье близко.

Сразу же почти за полянкой перевал. По ту сторону горы лес редкий, а в полугоре башкирское зимовье. Захар не раз там раньше бывал летом с Кызметем.

Посмотрел вниз — что такое? — нет ничего — белое все, а домишек и нет. Правда, не совсем еще рассвело. Смотрел, смотрел, потом уж догадался. Избы у башкир маленькие, юрты по-ихнему, совсем к горе приткнуты, точно птичьи гнезда, и крыши ровные. Теперь, как снегом занесло, сверху и не отличить от горы, точно приступки. И плетни под снегом.

Под гору Захар быстро сбежал к зимовью. Там еще все спали. Захар знал, что Кызметь живет у своего дяди, старшины Мурзагулова, в самой большой юрте.

— Ишь ведь, как строятся нескладно, — ворчал про себя Захар, пробираясь извилистыми закоулками между спящих юрт, — нет, чтобы порядком, как у нас на деревне. Словно их чорт из пригоршни расшвырял.

Наконец он очутился перед домишком побольше, где жил старшина Мурзагулов, и тут только подумал: «А ну, как нет Кызметя? Как тогда?» Домой к Акиму он ни за что не вернется. «Выдумал тоже — боишься», — сердито вспоминал он.

Вдруг дверь юрты отворилась, и на пороге показалась высокая тоненькая девочка с ведром в руке. На груди у нее блестели серебряные монеты.

— Кызметя бы мне, — пробормотал, смутившись, Захар.

— Кызметь, — повторила девочка и неслышно исчезла. Через минуту дверь опять открылась, и из нее вышел заспанный Кызметь.

«Говорил я, что жив Кызметь», — подумал Захар, точно все еще спорил с Акимом.

Девочка выглядывала из-за плеча Кызметя, широко раскрыв черные глаза.

— Зах-хар? — удивленно проговорил Кызметь, увидев Захара, и, повернувшись к девочке, что-то быстро сказал ей.

Она в ответ кивнула головой и ласково взглянула на Захара черными, такими же, как у Кызметя, глазами.

Потом Кызметь поворотился к Захару, и Захар торопливо рассказал ему, что Аким посылает его в Берду с письмом к самому царю, а лошади у него нет.

— Дорога снаешь? — спросил Кызметь.

— Не знаю, — сказал Захар, замотав головой.

Кызметь что-то опять проговорил девочке. Она поставила на землю ведро и быстро скользнула за юрту.

— Ждай, — сказал Захару Кызметь и вошел в юрту.

Захар только рот открыл, чтобы спросить, даст ли ему Кызметь лошадь, а его уж и нет.

«Дурень, — подумал Захар, — хоть бы сказал что».

Захар оглянулся кругом и лишь тогда заметил, что на пеньке у самой юрты сидел старый-престарый башкирец.

«Что это, сколько стариков развелось, — подумал Захар. — Куда ни глянешь — один одного старей. Ну, этот-то, должно быть, ничего не понимает, да и по-русски не говорит».

Но тут старик посмотрел на Захара и спросил его почти что чисто по-русски:

— К новому царю едешь?

Захар кивнул.

— А меня вот не взяли. Все в Берду поехали, а меня не взяли. Стар, говорят. А я бы, может, царю рассказал, чего молодые не знают.

— А чего такого? — с любопытством спросил Захар.

— Я тебе расскажу, а ты в Берде скажи, — наши-то меня слушать не хотят. Только ты мне раньше скажи. Вот если я у тебя коня украл...

«Ну, — подумал Захар, — был бы у меня конь, не дал бы я тебе украсть. Держи карман!»

— ... ну, а потом, — продолжал старик, — стал бы я всех соседей обижать и грабить. И узнал про то справедливый судья, и схватил меня, и все добро у меня отобрал. Хорошо так?

Захар кивнул. «Хорошо-то хорошо, — подумал он, — да только мало таких судей бывает».

— Ну, а как ты скажешь, что судья с конем сделает?

— С каким конем? — спросил Захар, не очень внимательно слушавший рассказ.

— Ну, что я у тебя украл.

— Как мне знать, — равнодушно проговорил Захар.

— А ты разве не скажешь, чтоб судья тебе его вернул?

Захар усмехнулся:

— А что ж, ведомо, в самый бы раз коняку получить. Я б тогда в тот же час в казаки пошел.

— Ну вот, — подхватил старик, — и я так полагаю. Коли твой был конь, тебе его и отдать, коли судья праведный.

— А к чему это ты, дедушка, мне про того коня рассказываешь? — спросил Захар.

— Ты погоди. А вот скажи ты мне: как ты располагаешь, чей это завод, откуда ты пришел?

— Нового царя, Петра Федоровича, — отвечал Захар твердо.

— Нет, а ране-то чей он был?

— Твердышева, сказывали, Яков Борисыча.

— А вот и нет.

— Как так нет, когда он хозяин и управитель от него, вот что убили-то.

— Ну, по правде-то, — неожиданно заявил старик, — завод тот наш, башкирский; на нашей земле стоит, стало быть, и завод наш.

Захар рассмеялся. «Видно, вовсе из ума выжил старик, — подумал он. — Вотсе нищие башкирцы и вдруг ихний завод». И ему захотелось оставить старика в дураках.

— Коли ваш завод, — со смехом сказал он, — чего ж вы его наемднн грабить приезжали?

Старик вдруг рассердился.

— Грабить! Грабить! — заворчал он сердито. — А как нас пограбили, так это как?

— Кто вас ограбил?

— А сам Твердышев.

Захар громко расхохотался. Ему представилось, как толстый Твердышев, в нарядном кафтане с такими буклями, как у управителя, скачет на коне и тащит из башкирских юрт разный скарб.

— Глупый ты парень, как я погляжу, хоть и русский, — с досадой проговорил старик.

Тут из юрты вышел Кызметь в меховой шапке и меховом малахае и с удивлением посмотрел сначала на Захара, потом на старика.

— Вот не понимает, — проговорил старик, глядя на Кызметя, — не верит, что Твердышев нас ограбил.

Кызметь кивнул. Видно было, что все это он уж знал давно, знал, что старик непременно рассказывает это всякому новому человеку.

— В тот год это было, — начал старик, наверно, в сотый раз, — как мой первый внук родился — Кызметь. Я уж старик был, старшина был, Мисаевым звали. В гости нас позвал Твердышев. Богато жил, хорошо угощал, вином поил. А потом бумагу принес, велел подписать, сказал: за то 400 рублей даст и нашим башкирцам платить будет. А потом пришли к нам сюда русские, стали наш лес рубить и на нашей земле завод строить. Мы гнали, они не шли. Мы поехали к царице в большой город. Веселая была царица, руку дала, а говорить не стала, к сенаторам послала. Они нашу бумагу смотрели и сказали, что по закону все — и что наш лес — теперь не наш лес и наша земля — не наша земля. Твердышев купил ее по одной копейке за десятину.

— Копейка за десятину! — вскричал Захар. — Ну и ну!

— А как мы сюда вернулись, башкирцы нас слушать не хотели и чуть не убили, и старшинами не считали и прочь гнали. А завод хотели рушить и русских вон прогнать. А царица солдат прислала, и много наших побили, и завод сторожили, и стены кругом поставили, и пушки привезли. И никто нас слушать не хотёл. А старики тогда говорили — это с того, что русским царством всё бабы правят. А бабы все глупые. Вот как царь будет, так и правда будет.

— Ну вот, — сказал Захар, — теперь царь и есть, Петр Федорович. Аким сказывал, — праведный царь.

— А зачем он наш завод себе взял? — упрямо сказал

старик. — Я ему хотел все рассказать и еще сказать, что так не по правде и так ему счастья не будет. А меня не взяли. Говорят, сами все знаем, а ты стар — сиди дома.

Захар повернулся к Кызметю, но тот только нетерпеливо махнул рукой.

— Ехать нада, — сказал он и крикнул что-то девочке, которая вела в поводу маленькую оседланную лошаденку.

Кызметь подошел, попробовал подпругу и ловко вскочил в седло.

— Садись, — сказал он Захару и похлопал по крупу лошади.

Но Захару в длинном тулупе и высоких валенках очень трудно было влезть на лошадь. А тут еще девочка глядела на него во все глаза.

— Это куда ж ехать-то? — спросил он, чтоб оттянуть время.

— Сказал, — Берда нада, Берда ехаль. Садись.

Захар кивнул старику, но тот опустил голову и плотно сжал провалившиеся губы, точно никогда и не открывал рта; потом Захар неохотно подошел, схватился за пояс Кызметя, подскочил, задрав правую ногу, нет — не выходит.

Кызметь обернулся, подхватил его под левую руку и точно куль муки втащил на лошадь.

Захар рассердился. Не мог к пеньку какому подъехать, чтоб сесть удобно было, — смеется, наверно, девочка. Он не решился оглянуться на нее. Кызметь уже тронул лошадь, и она мягкой иноходью побежала по узким проулкам между низкими юртами, сплошь занесенными снегом.

Кое-где отворялись двери, выскакивали черномазые башкирята и что-то кричали по-своему вслед Кызметю.

Но Кызметь не отвечал и не оборачивался.

Скоро они выехали из зимовья и поехали узкой, поросшей мелким лесом долиной, ведущей к реке Белой.

— Кызметь, а Кызметь, — проговорил Захар, дернув башкиренку за плечо, — правду это старик сказывал, — дед он твой, что ль?

Кызметь кивнул.

— Чего ж его в Берду не взяли, когда так? Он бы все царю сказал.

— Старый, — равнодушно ответил Кызметь. — Баба нэ взяли, дэти нэ взяли, старик нэ взяли. Старшина сам скажет. Он знает.

— А тебя что ж? — опять спросил Захар. — Со стариками да с малыми ребятами оставили? Сердит, видно, на тебя дядька. Догадался, может, что ты нас упредил.

Кызметь кивнул.

— Думаешь, как сам приедешь, так, может, оставят там, в Берде? А?

Кызметь молчал. Захар знал, что его не заставишь говорить, коли сам не хочет. Он и так понял, что Кызметю обидно: как же — оставили с детьми. Он больше не поминал об этом и заговорил о другом:

— А бродяга-то где ж, что башкирцев ваших на завод послал?

— Нэ снай, — коротко ответил Кызметь.

— Пес тот бродяга, — заговорил Захар. — С Акимом издавна приятели, а он его извести, стервец, надумал. Чорт наш разноглазый, Беспалов, подкупил его. Ты про это ведаешь? Мне тотчас Аким все растолковал.

Кызметь замотал головой, но опять ничего не сказал.

Захару очень хотелось рассказать ему про все: какой бродяга стервец оказался и как Беспалов Акима убить ладит, и как он, Захар, защитить его хотел. Но Кызметь затаил какую-то песню. Нет, чтоб спросить Захара. Сидит точно каменный.

Погода изменилась. Поднялся резкий, холодный ветер и на открытых местах крутил выпавший за ночь снег.

Захар старался сжаться в комок за спиной Кызметя, но ветер пробирался в рукава, заворачивал полы тулупа и выдувал отовсюду остатки тепла. Захар ерзал на лошади, тер рукавицами нос и удивленно смотрел на Кызметя. Тот не шевелился, — хотя ветер дул ему прямо в лицо, — и тянул свою бесконечную песню. Ехали, ехали, уж скоро и река.

«Что, как лед идет по Белой? — подумал Захар. — Не перебраться будет».

Но, когда они выехали на берег, черные волны реки быстро катились в снежных берегах.

На другом берегу было большущее татарское село Богульшаны, и через реку ходил паром.

Небольшая плоскодонная барка как раз стояла с этой стороны у помоста, и мужик в тулупе, в надвинутом на глаза меховом треухе вводил на нее под узцы лошадь, запряженную в телегу. На телеге сидели две бабы; одна прижимала к груди большой мягкий сверток, из которого раздавался приглушенный писк.

Кызметь что-то буркнул перевозчику и въехал на барку следом за телегой.

Мальчишка на помосте снял с пенька петлю каната, бросил через борт и сам вскочил следом на корму барки.

Перевозчик оттолкнулся шестом, сел за весла и стал медленно грести наперерез течению.

— Куда это ты с косоглазым? — спросил Захара молодой кривой мужик с большим красным носом, подмигнув на Кызметя.

— В Берду, к царю Петру Федоровичу, — не утерпев, похвастал Захар.

— Многие к нему ездют; — равнодушно заметил мужик. — А я вот к отцу Силантию — мальчика крестить, — прибавил он. Губы его расплылись в смущенную улыбку, а нос повис, точно дуля. — Ишь, заливаается. Не желает к попу. Ты б ему груди дала, — сказал он молодой женщине.

— Да, как же, на ветру-то, — проворчала та и изо всех сил затрясла сверток.

«Ишь, сердитая», — подумал про себя Захар.

Барка уже причаливала к другому берегу, и Кызметь, объехав телегу, первым выехал на берег.

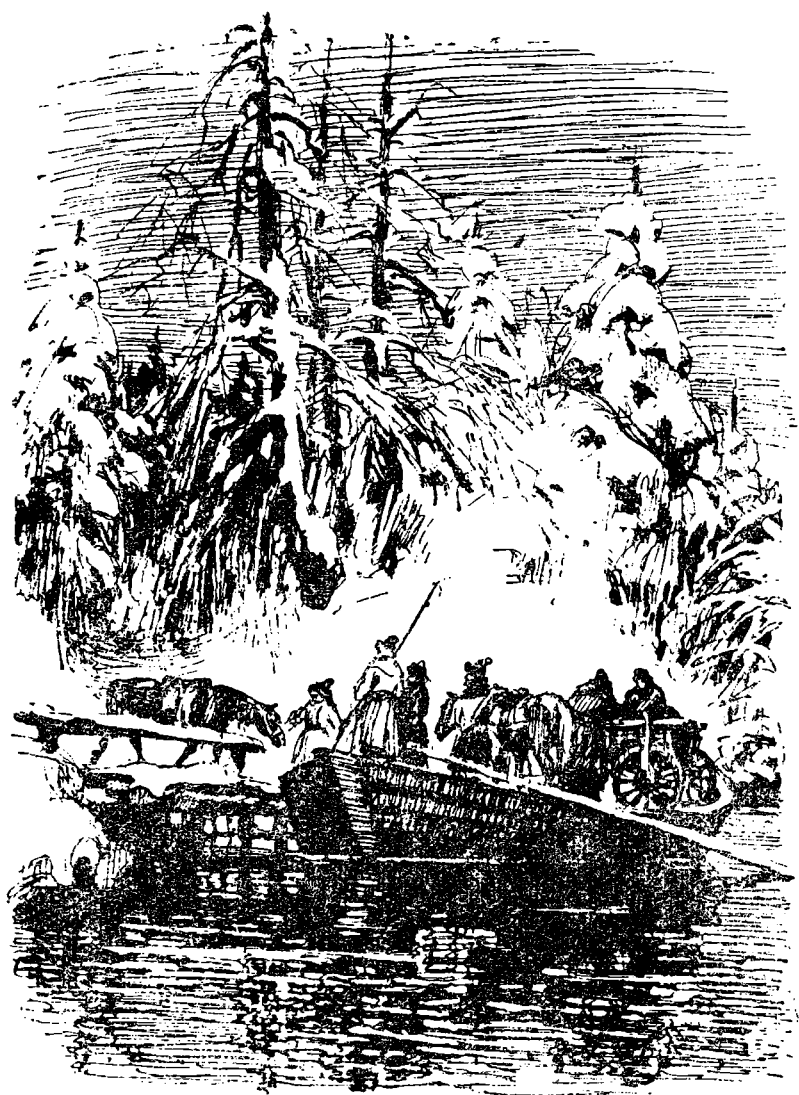
— В Богульшаны заедем? — спросил Захар.

Он сильно промерз и с радостью думал, что, наверно, кто-нибудь на селе пустит их отдохнуть и обогреться.

— Нэ заедэм, — ответил Кызметь решительно. — Татары. Нэ дружим мы с ним. К башкир заехать будэм.

Захар только вздохнул. Он знал, что спорить с Кызметем не стоит.

Теперь горы куда-то ушли. Сразу за Богульшанами начиналась степь. Захару нравилась эта широкая снежная равнина. Ветер дул сбоку, мел понизу снег. Захар старался повернуться к ветру спиной и поглубже забрать голову в плечи. А все-таки ему здесь больше нравилось, чем в горах. «Летом-то здесь благодать, — думалось ему. — Ишь, степь — краю нет. Вот бы царь здесь нам землю отвел. Господ здесь и слыхом не слы-

хать». Захар пожалел даже, что земляки его ушли к себе, в Казанскую губернию. «Ну да ладно, — подумал он, — буду казаком — всюду побываю. Может, мы их опять переселим». Ему уж казалось, что он с новым царем разъезжает по всей земле и всем распоряжается, как казачи на заводе распоряжались.

Холодно. Захар совсем застыл. Он поминутно засыпал и стучался носом в затылок Кызметя.

Кызметь раза два обернулся, задергал повод и, наконец, сказал:

— Спать нэ нада. Скоро заехать будэм. Вон, — и он протянул руку вперед.

Захар с трудом разорвал смерзшиеся на морозе ресницы, распялил сонные глаза и посмотрел вперед. Направо от дороги в небольшой лощинке беспорядочно раскиданы были снежные кучи. И над ними приветливо вились дымки.

«Башкирское зимовье, — сообразил Захар. — Отогреемся маленько».

Когда они подъехали, Захар так закоченел, что Кызметю пришлось самому стащить его с лошади, как он раньше втаскивал его, — точно куль муки.

Захар пришел в себя, сидя на кошме в теплой дымной юрте у очага; над очагом висел котел, где что-то шипело и булькало, и кругом шел вкусный жирный запах.

Тут только Захар вспомнил, что он не ел со вчерашнего обеда, и у него сильно подводило живот.

Вокруг сидели, поджав ноги, черные косоглазые башкирцы и лопотали на своем языке, обращаясь к Кызметю, и тот отвечал им, то показывая на Захара, то махая рукой в ту сторону, куда они ехали.

Потом все сдвинулись ближе, поставили посредине котел и стали есть, доставая куски мяса прямо руками. Башкир, сидевший рядом с Захаром, залопотал что-то, дружелюбно улыбаясь ему и скаля белые зубы. Захар тоже улыбался в ответ, хотя и не понимал ничего.

— Ашать хотель? — спросил Кызметь.

Захар кивнул, и сосед, вытянув из котелка горсть баранины, стал совать прямо в рот Захару. Захар жевал жирные сочные куски и, проглотив, уже сам потянулся к котлу.

С мороза Захара совсем разморило, и у него смыкались глаза, когда он дожевывал последние куски.

Но Кызметь не дал ему поспать и сейчас же после еды заторопился ехать.

Потом, когда Захар припоминал эту поездку, ему казалось, что она длилась без конца, хотя они ехали всего три дня с долгими остановками.

Хотелось Захару хорошенько все припомнить, но никак он не мог. Спуталось как-то все в голове. Одно он хорошо помнил — бесконечную белую равнину и бесконечную песню Кызметя. Иногда песня обрывалась. Кызметь стаскивал Захара с лошади и вел его в теплую дымную юрту. Захару казалось даже, что в ту же самую, где они уже были. Вокруг улыбались косоглазые дружелюбные лица, может быть, все те же, в рот Захару опять совали горячие жирные куски, он с удовольствием глотал их и засыпал раньше, чем успевал сообразить, как же это они опять очутились в той же юрте, где уже раз были. Но только что он хорошенько разоспится, опять его Кызметь трясет за плечо и торопит ехать.

Захару очень не хотелось на мороз, но Кызметь тормошил его и говорил решительно:

— Ехать нада.

Захар лениво потягивался и шел за Кызметем из юрты. Совсем еще ночь. Чуть-чуть небо сереет влево от дороги. Кругом толпятся весело лопочущие башкирята и помогают Захару влезть на лошадь.

И опять тянулась белая равнина, и в ушах Захара звучала заунывная песня Кызметя. И проклятый холод опять забирался под теплый тулуп и леденил разогретое за ночь тело.

Глава вторая

Последнюю ночь, четвертую, Кызметь нигде не останавливался. Сказал Захару, что тут больше башкирских зимовьев нет, все башкирцы ушли к царю в войско, и какой тут народ — он не знает. Лучше уж ехать прямо до самого царя.

За ночь Захар совсем смерз и замучился. Досадно ему было. Мимо большого села ехали, — слобода Карголинская, сказал Кызметь, — пустили бы, наверно, переспать, но с Кызметем ведь не сговоришь. Твердит одно: «Ехать нада», — и чмокает на свою лошаденку.

Когда рассвело, они свернули с проселка на широкую дорогу. Тут сразу и прохожих стало много, и все ехали в ту же сторону, куда и они. Башкирцы, татары, русские мужики, с возами сена, скотины битой, с мешками муки. Захар хотел было расспросить их, куда это столько товару везут, но Қызметь ехал себе и ехал, не дал ни с кем поговорить. Захар совсем рассердился. Он ведь, Захар, едет в казаки поступать, а не Қызметь. Чего ж Қызметь ему ходу не дает? Только бы доехать, уж там он на своем поставит.

Впереди у дороги выросла изба, а за ней как будто начинался поселок, дымки вились.

Перед избой разъезжали казаки и спрашивали о чем-то проезжих. Некоторых пропускали прямо дальше, а других останавливали. Когда Захар с Қызметем подъехали, у избы сгрудился целый обоз, и один казак спорил с мужиком. Другой подъехал к ним и спросил:

— Кто такие? Откуда? Куда путь держите?

— Нам сар нада, сам сар, — сказал Қызметь.

— Ишь какой прыткий, — засмеялся казак. — К самому батюшке-царю захотел. Мало у него косоглазых!

Захар выглянул из-за плеча Қызметя и далеко не так решительно, как собирался, заявил:

— То я в казаки хочу. Послужить...

Но он не договорил.

Казак захохотал и крикнул товарища:

— Гляди, Қобчик, какой к нам казак явился. На лошадином хвосте приехал и прямо к царю-батюшке норovit.

Захар обиделся.

— С Воскресенского завода мы. Посланный я. Мне Илью Ульянова повидать.

— Чего ж путаешь, когда так, курносый? — сказал казак. — Нет мне время с вами. Слазьте-ка, марш в караульню, там разберут.

Қызметь недовольно оглянулся на Захара, но молча соскочил с лошади и привязал ее к столбу у крыльца.

Захар тоже молча слез. И они, не глядя друг на друга, поднялись на ступеньки и вошли в избу.

Изба была светлая, просторная. По лавкам вдоль окон и у стены напротив сидело с десятков молодых казаков, а посредине толпилось несколько мужиков, баба и

два старых татарина в лохмотьях и облезлых тубетейках.

Когда дверь заскрипела, пропуская Захара и Қызметя, один из казаков махнул им и сказал:

— Да чего это нынче как из мешка горох? Отойдите к сторонке, дайте этих отпустить.

Захар и Қызметь послушно отошли в дальний угол.

Захар во все глаза смотрел на казаков. Из тех, кто к ним приезжал, будто никого не было. И из заводских парней тоже никого. Но и эти Захару очень понравились. Веселые тоже. Что они говорили с мужиками и с бабой, Захар не очень слушал. Нетерпение его разбирало — скорей бы в казаки попроситься. Баба все кланялась, причитала, жаловалась, что ее какой-то генерал обидел, сынов ее забрал.

— Больно сердитый генерал, — хныкала баба. — Все грозился: и самих-де вас вешать стану, коли вора Емельку слушать будете.

Казак рассердился.

— Ну-ну, баба, язык-то не распускай. Куда пришла-то, ведаешь?

— Как не знать, милостивец, — запела баба. — До царя-батюшки. Как прослышали мы... Неуж заступы не будет?

Казак прикрикнул на бабу и велел ей идти в Берду.

Мужики с бабой ушли, и Захар уже сунулся было поближе, но казак стал спрашивать двух старых татар в тубетейках. Они все тряслись и так шамкали беззубыми ртами, что Захар ничего не понимал. Он только переступал с ноги на ногу от нетерпенья. Когда же его черед придет?

Татары что-то бормотали, не понять было Захару, плакали, всхлипывали и размазывали по лицу грязь дрожащими пальцами.

— Жрать им там нечего, в Оренбурге, как мы к ним обозов не пропускаем, — сказал один казак другому. — Оголодал весь город. Вот они старье-то свое и гонят к нам. Вымести бы их всех назад в Оренбург.

Старики перепугались.

— Пусти бачка цар. Бачка цар ашать даст. Ашать нет чего, — хныкали они, тряся головами.

— Да дай ты им, Гришка, по ломтю хлеба, — сказал казак с длинными русыми усами. — Чего с них возьмешь?

Не все таской, ино и лаской, — прибавил он, усмехнувшись.

Один из казаков встал, прошел в задний угол, где на полке лежал каравай хлеба и нож.

Оба татарина медленно поворачивались за ним, как на винту, не сводя с него слезящихся глаз.

Казак снял каравай, прислонил его к груди, откромсал добрую половину и разрезал ее пополам.

Татары стояли все на том же месте. Один из них протянул вперед трясущиеся руки. Другой от нетерпения переступал с ноги на ногу. Оба дрожали мелкой голодной дрожью. Захар даже отвернулся. Ему и жалко было смотреть на них и противно как-то.

— Берите, что ль! — грубо крикнул казак, быстро сунул им по краюхе и круто отвернулся.

Оба татарина впились беззубыми сморщенными ртами в мягкие краюхи и ничего больше не слышали.

— Оголодали вконец, — сказал, поглядев на них, казак с русыми усами. — А все царицы генерал, что там в Оренбурге командует, озорует. Не хочет к батюшке-царю поклониться, да и на поди. С голоду там все люди дохнут, ишь, стариков вон из города гонят, кормить нечем. Там, сказывают, все рады сдать Петру Федоровичу. А тот генерал Иренсдор,¹ — ну, скажи, упрямый какой, — не желает. Ну, да ладно, не долго уж. Расколотим мы их. Государь-батюшка сказывал, — Илья мне давеча говорил, — скоро-де сдастся Оренбург. Уж он-де ноне на последней веточке трясется.

— Ну, а вы откуда? — обернулся вдруг тот же казак к Захару и Кызметю.

В комнате теперь никого не оставалось, кроме казаков. Оба татарина сидели в углу на корточках, и оттуда доносилось тихое чавканье и заглушенные стоны.

Захар выступил вперед. Страх у него вдруг прошел.

— В казаки я хочу, за Петра Федоровича воевать, — сказал он, глядя прямо в глаза спросившему его казаку.

— Ишь ты, вояка какой, — усмехнулся казак. — Усов не вырастил, а воевать собрался. Откуда ж ты такой курносый взялся?

— С Воскресенского горного завода государя Петра Федоровича, — пробормотал обиженно Захар.

¹ Генерал Рейнсдорп — губернатор Оренбурга.

— Кажу письмо, — подсказал ему сзади Кызметь.

Захар как-то забыл про письмо. Думал только, как бы в казаки попасть. Но тут ему вдруг припомнились наказы Акима. Где же оно, письмо-то?

За всю дорогу он ни разу и не подумал о нем.

«Валенок», — вдруг вспомнилось ему, и, не отвечая, не обращая ни на кого внимания, он как стоял, так сразу брякнулся на пол, стащил рукавицы и стал засовывать руку в правый валенок. Рукав тулупа мешал ему, он весь напряжился, но ничего не мог нашарить.

Кругом все с любопытством следили за ним.

— Да ты скинь тулуп, — посоветовал кто-то. — Ишь, не дает.

— Валенок стащи, чего там, — прибавил молодой казак с русыми усами.

Последний совет больше понравился Захару, и он с усилием стал тащить длинный Акимов валенок.

— Да ты на лавку сядь. Способнее, — сказал кто-то.

Захар беспомощно оглянулся.

Все смотрели на его ногу, точно оттуда должен был показаться клад. Валенок не подавался. Кто-то решительно подхватил Захара под руки, поднял его и посадил на лавку. Тут дело пошло легче; Захар понатужился, дернул посильнее, и длинный валенок взлетел над головой Захара, чуть не опрокинув его. Но под ним не было ничего, кроме грязной онучи.

Казак с русыми усами схватил валенок и стал вытряхивать, приговаривая:

— Ну-ка, Мирошка, тоненьки ножки, где у тебя тут клад-кладенец.

Но из валенка посыпался один мусор.

— Кубыть, ничего, — прибавил парень, взмахнув валенком, прищелкнул языком и так лукаво подмигнул, что все покатались со смеху.

— Уж ты, Степан, засрамил парня. Гляди, заревет, — сказал кто-то.

Но Захар ничего не слышал. Он тупо смотрел на свою большую, нескладную ногу и напряженно думал: «Где же письмо? Неужели потерял?» И вдруг он вспомнил, как Аким держал письмо, завернутое в тряпицу, а он обматывал его вместе с ногой онучей.

Захар поднял ногу и стал торопливо разматывать заскорузлую онучу.

Наконец показался прямой угол чистой тряпки.

Все насторожились.

— Заворочено чего-то.

— Ишь, куда запрятал, курносый!

— Хитрый! — раздались голоса.

— Удастся и червяку на веку, — засмеялся Степан и добродушно хлопнул Захара по плечу.

Захар весело оглянулся и стал быстро разворачивать белую тряпку, доставая из нее сложенный вчетверо лист.

— Это кому же будет? — спросил один.

— Великому государю Петру Федоровичу, — с важностью сказал Захар, шевеля замерзшими пальцами босой ноги. — С Воскресенского заводу я, — продолжал он, вспомнив наказ Акима. — В собственные руки. Дело важнейшее. . . Про Беспалова, — прибавил он.

— Горщкову сказать, — заметил кто-то.

— Данилину Якиму, — прибавил другой. — Он ба-тюшку спросит, — прикажет позвать али как.

— Ульянова Илью повидать бы мне, — вспомнил вдруг Захар. — Он к нам на завод приезжал.

— О, да ты Илью знаешь, — сказал Степан, — ну, так мы с тобой, Мирошка, загодя приятели. То мой крестовый брат, Илья. Иди, Мирошка, провожу.

Все кругом весело улыбались, слушая Степана, точно наперед уверенные, что он сейчас насмешит.

Захар с готовностью вскочил, забыв, что у него одна нога в валенке, а другая босая.

Раздался дружный хохот.

— Да ты обуйся сперва. Ишь, не терпится ему. Об одном валенке на мороз.

— У него тот валенок про запас, — как этот сносит! — крикнул Степан, подбросив кверху длинный валенок. — Не слушай их, Мирошка, скачи на одной ножке.

— Я не Мирошка, я Захар, — сказал Захар, потянувшись за валенком.

Ему вдруг стало весело. Он был теперь уверен, что попадет в казаки. Все эти парни так ему пришлось по душе, что никуда бы не ушел от них. А уж Степан лучше всех. Он ему, наверно, поможет. Захар быстро обмотал онучу, натянул валенок и встал, глядя на Степана радостными глазами.

«Вот и я этаким казаком стану», — думал он, выходя со Степаном из избы.

Про Кызметя он и забыл совсем.

По дороге опять тянулись возы, ехали казаки. По краям из нарытых в снегу землянок выглядывали скуластые головы татар и киргизов. Дальше начались русские избы. Захар взглянул на шагавшего с ним рядом Степана, гладкого, краснощекого, с веселыми глазами, и усмехнулся.

— Ты чего, Захар, зубы скалишь, аль суженую вспомянул? — И Степан опять хлопнул Захара по плечу. — Есть? Признавайся. У меня, гляди, такая краля, отдай все, да и мало. — Он лихо закрутил русский ус. — А твоя? Небось, в три обхвата, рот до ушей, хоть завязочки пришей, а глаза по плоске, не видят ни крошки.

Он засмеялся и ткнул Захара кулаком в бок.

Захар что-то промычал и затряс головой.

— Ну, а когда нет, мы тебе тут поищем. Вот на Оренбург как пойдем приступом, я тебе оттуда боярышню выкраду. Идет? Сразу и свадьбу сыграем. Графа Чернышева в посаженные отцы попросим.

— Графа? — спросил Захар. — А разве графья тоже к Петру Федоровичу приклонились?

— Какое! — засмеялся Степан. — Они бы нашего батюшку рады прикончить. Это мы сами: как который генерал хорошо с царицыными войсками бьется, батюшка наш тотчас его графом сделает. Граф-то Чернышев сам по себе казак, Илье моему сводный брат, от одной матери, а отцы-то разные. Илья — Ульянов будет, а тот Иван, — Зарубин, по прозванью Чика. Ну, а нонче его графом Чернышевым зовут. И другие есть тоже. . .

В эту минуту в тихом прозрачном воздухе гулко прокатилось — раз. . . два. . . три. . .

— Эге, — сказал Степан. — Кажись, тревога.

Он прислушался.

— Так и есть. Зашевелились. Ишь, везет тебе, Захар, — засмеялся он. — Только лишь посулил тебе выкрасть боярышню, а тут как есть вылазка — на Оренбург, стало быть, идем. Ну, бывай здоров, паси коров. Не я буду, — крикнул он, ускоряя шаги, — как в город не заскачу да тебе красавицу за косы не выволоку! Сейчас Илью увижу, скажу про тебя! — крикнул он обернувшись.

Он еще раз махнул рукой Захару и вбежал в какие-то ворота.

Глава третья

Захар остался один. Пустынная улица зашевелилась. То тут, то там скрипели ворота, и выезжал казак с ружьем за плечами.

Впереди широко распахнулись ворота большой избы, и оттуда стали выезжать один за другим нарядные казаки, в зеленых расшитых кафтанах, на высоких статных лошадях. Навстречу им с разных сторон подъезжали такие же зеленые казаки — они запрудили всю улицу. Захару казалось, что им числа нет, — может быть, тысяча.

Лошади под ними так и плясали, взрывая снег копытами.

У Захара тоже ноги не стояли — так бы и самому на такую лошадь. Теперь уже скоро он будет казаком, тогда и лошадь дадут.

Вот казаки выравнялись. Один какой-то сбоку махнул саблей, крикнул, и они лавой понеслись вперед по улице к открытому полю.

— И-эх! — невольно крикнул Захар и даже побежал за ними. Но тут же он от удивления остановился. Среди всех этих нарядных всадников затесался простой казак, может, даже мужик, в тулупе, на косматой лошаденке. Стало быть, и ему, Захару, можно бы с ними. Он невольно оглянулся, ища глазами Кызметя. Кызметь и в самом деле был тут же, позади, с каким-то башкирцем.

— Кызметь, — заторопился Захар, подбегая к нему. — Ну-ка и мы. Конь-то наш где?

— Сам сар воевать ехаль, — спокойно сказал в эту минуту незнакомый башкирец.

— Как царь? Где? — спросил Захар нетерпеливо, глядя на Кызметя.

— Сар, — ответил Кызметь уверенно.

— Который? С саблей? — спрашивал Захар. — Вон тот?

— На башкирска лошадь, — так же спокойно проговорил башкирец.

Это в тулупе-то? Врет он, Кызметь, не знает. Как это — царь, а хуже всех да на этакой лошаденке.

— Лошадь — цена нет. Все лошади обгонять, — так же хладнокровно сказал башкирец и отошел от них.

— Врет косоглазый, — сердито проворчал Захар. — Сам, небось, трусит, не идет. . .

— Стрелять нэ мошно. Рука нэт, — спокойно заметил Кызметь.

Тут только Захар увидел, что один рукав у башкирца болтался пустой. Ему стало как-то не по себе.

— Идем, смотрэть будем, — сказал Кызметь. — Он все знать.

Захар кивнул, торопливо зашагал по кривым проулкам и стал карабкаться вверх на снежный пригорок.

Когда они выбрались на самый верх, Захар даже рот разинул, а потом запрыгал на месте, дергая Кызметя за рукав.

— Кызметь, да ты гляди. Гляди! Господи Сусе! Да им числа нет, казакам нашим. Ой! Туча цельная. Они возьмут Оренбург. Правда? Возьмут?

Прямо перед ними по широкой белой равнине неслись рядами и кучками всадники — с ружьями, с луками, с пиками.

— Вон, вон, гляди — зеленые, — не унимался Захар. — И тот с ними. А то, видно, твои, башкирцы.

Откуда-то сбоку вынеслась беспорядочная куча косятых лошадемок с пригнувшимися к седлам всадниками. Некоторые на всем скаку доставали из-за спины стрелы и натягивали луки.

— В кого же стрелять-то будут? — спрашивал Захар.

— Ренбург видишь? — спросил башкирец.

Захар посмотрел вперед.

Прямо перед ними, далеко-далеко желтела на белом снегу какая-то длинная стена. Отсюда она казалась совсем низкой и ровной.

Но когда Захар стал приглядываться, он различил, что она шла не ровно, а уступами, и на ней копошилось что-то черненькое, точно букашки ползали. «Неужто это и есть Оренбург?» — удивился про себя Захар. Он думал, что увидит большие каменные дома, а из окон пушки торчат. А тут только и видно что стену какую-то. Издали она казалась Захару совсем невысокой.

Вдруг над стеной поплыло вверх белое облачко, что-то грохнуло, и Захар увидел, как на равнине в одном месте лошади шарахнулись в разные стороны, поднимая снежную пыль.

— Попаль, собака, — пробормотал башкирец.

Тут только Захар сообразил, что это выстрелила из города пушка.

Облачки поднимались то тут, то там; ухало все чаще, но попадали илинет, — никак было не разобрать.

— Драться хотель, собака, — бормотал башкирец. — Гляди ворота.

Захар из всех сил всматривался в стену и, наконец, разглядел, что она в одном месте точно разорвалась и из нее побежал черный ручеек, сейчас же расплывшийся по белому снегу.

Теперь оттуда доносился какой-то гул, вой, визг, взвивались белые облачки, вспыхивали искры, что-то трещало. Все смешалось в одну кучу, и уже ничего нельзя было разобрать.

Захар подпрыгивал точно на горячих угольях, вскрикивал, хватал за рукав то Кызметя, то башкирца.

— Дерутся! Дерутся! — кричал он. — Кызметь! Господи! И нам бы туда. Мы бы их! Я бы их!

И он махал руками, задыхаясь и топоча ногами.

— Ой! Что это? Ой! — закричал он вдруг.

Толпа, топтавшаяся клубком на одном месте, стала разрываться. Маленькие кучки откалывались от нее и катились, но не вперед, к городу, а назад, к Берде.

— Это как же? А? Куда ж это они? А?

Захар чуть не плакал.

— Неужто не возьмут Оренбурга наши-то? Как же так? А?

Башкирец усмехнулся.

— Один раз нельзя. Много нада. Много убивать нада. Пушки мала.

Тут только Захар вспомнил, что пушки стреляли всё больше из города, а отсюда, из Берды, совсем мало, и в город не попадали.

— Чего ж наши-то из пушек плохо стреляют? — спросил он. — Господи Сусе! Гляди, гляди. Ох! Скачут! Сюда скачут.

— Мала пушки. Нэт хорошая пушка. Нэт хорошая пушка — взять Рёнбург нэ можна, — уверенно повторил башкирец.

«Правду, стало быть, Аким говорил», — вспомнил Захар, но не мог ни о чем думать.

— А те-то, те-то, из города что выехали, — заволновался он, — стали. Стреляют, черти. Нет, назад удари-

лись. В город. Видно, и им досталось, — пробормотал он в утешение себе.

Больше искры не мелькали и не взвивались облачки. Всадники, выехавшие из Берды, беспорядочной толпой мчались к слободе. Только одна кучка ехала медленно, отстав от других.

— Ходим дома. Больше стрелять нэ будет, — сказал однорукий башкирец.

Захар оглянулся. Неужто кончилось уж? Он неохотно пошел следом за башкирцем.

Глава четвертая

«А ведь и хорошо, что не взяли Оренбург, — подумал вдруг Захар. — Вот как меня в казаки определяют, тогда уж возьмем. Только бы Степана поскорее повидать. Он сделает. Вот тогда мы с ним...»

И Захар уж видел, как он с веселым Степаном вихрем летит по снежной поляне и прямо врывается в ворота Оренбурга. «А Степан потом скажет царю, какой Захар храбрый, — думал он. — Небось, они назад от Оренбурга не повероят. Царь велит ему, Захару, зеленый кафтан дать. У Степана, наверно, зеленый».

Они уже вышли на главную улицу. Мимо них не спеша проезжали казаки, весело болтая и перекликаясь.

Захар с почтением поглядывал на них.

«Ишь, в сраженье сейчас были, стреляли, — думал он, — а едут точно с гулянки».

В эту минуту с ними поравнялось несколько казаков, ехавших шагом плотной кучкой. В середине две лошади шли рядом, бок о бок, мотая головами и вздрагивая. На седлах перед всадниками лежал рослый казак. Ноги в сапогах болтались с одной стороны, с другой — всадник придерживал голову. Но она то и дело выскользывала из замерзших рук и тяжело опрокидывалась вниз.

Прямо перед Захаром мелькнуло вдруг закинутое навзничь белое, как воск, лицо, свесившиеся светлые волосы без шапки. Густая струя крови медленно стекала из открытого рта по русому усу и тяжелыми длинными каплями падала на снег.

— Степана убиль, собака, — пробормотал рядом с Захаром голос башкирца.

— Одного и убило, на поди, — проговорил с лошади казак.

Захар остановился, не понимая.

Степана? Как же так? Он же только с ним говорил? Давно ли? Степан же его в казаки определить хотел... Нет, нет, не может статься... Верно, другого какого Степана.

— Илья-то убиваться будет, — услышал он вдруг, точно в ответ. — Братан его крестовый. Не видал он, как убили Степана.

Захара точно кто схватил за горло, и у него вырвался какой-то хриплый лай. Он махнул рукой и побежал вперед, чтоб только не видеть этой болтающейся запрокинутой головы.

— Захар! Твой куда, Захар? — Кызметь догнал его и остановил за плечо. — Мы туда, — говорил Кызметь, махнув рукой куда-то в переулок. — Там лошадь. Там обед давать.

Захар смотрел на него мутными глазами. Какая лошадь? Зачем обед? Он к Степану шел... Как смеялся-то. «Мирошка», — говорил... И опять у Захара что-то хрюкнуло в горле.

Но Кызметь ухватил его за рукав и настойчиво тащил куда-то.

Они подошли к небольшой избе, поднялись на крылечко и вошли в низкую дверь.

Сразу их обдало густым запахом жирных щей и горячего хлеба и оглушило веселым говором.

За длинным столом вдоль маленьких слепых окошек сидели человек десять молодых казаков и о чем-то наперебой оживленно переговаривались.

У шестка баба с широкой спиной, загордившей все устье печки, разливала дымящиеся щи из огромного котла в большие деревянные плошки.

Один из сидевших за столом заметил остановившихся на пороге парней и крикнул:

— Это с Воскресенского заводу, что ли? Чего ж долго не шли? Небось, в сражение не были, так не проголодались. Ну-ну, скидайте тулупы, разопрете. Митревна, дай им ложки.

Казаки потеснились и дали за столом место Захару и Кызметю.

— ... Пра, ей-богу, — продолжал весело молодой

большеротый казак. — Ну, чуток не саданула. Ка-ак засвистит, я так на лошадь и лег. Пра, ей-богу.

— Ты хитрый, Федотка, — засмеялся другой. — Вот Степан не уберегся.

Захар положил ложку на стол. Горло у него опять сжало.

— Ну и свистит же она, шельма, братцы, ну чисто шмель, — говорил опять парень. — Я так и обмер. Кабы не лег, быть бы мне без головы. — И большеротый парень весело захохотал. — Пра, ей-богу.

— Это как есть, — подтвердил другой. — А я вот гляжу, — яицкий так в меня и целит, пес.

— Признал, стало быть, товарища, — подхватил со смехом кто-то.

— И как это у них, у чертей, рука поднимается, — заговорил один. — Ведь сам батюшка с нами ноне выезжал. Ну как в его попал бы кто, а?

— Не попадут, — уверенно сказал другой. — Не на то его господь двенадцать годов хранил. Небось, спокаются, как на Москву придет отец наш.

Захар почти не слушал. В ушах у него гудело, и куски мягкого хлеба застревали в горле.

— Ты что лено ешь, паря? — подтолкнул его локтем сосед. — На нас погляди — на жратву мы скоры. Это тебе не с пищали палить на морозе.

Кругом загрохотал радостный хохот. Но Захар тупо посмотрел на соседа и ничего не ответил.

После щей на столе очутилась крутая каша с кусками баранины.

Каша уж совсем не лезла в горло Захару, и он с удивлением глядел, как верхом наполненные ложки исчезали в широко разевающихся ртах. Точно в первый раз видел он, как люди едят.

Но скоро он и смотреть перестал. Что-то стучало у него в голове: «Степан... Степан... Чего веселяются-то?» — думал он.

Заскрипела дверь. Облако пара ворвалось в жаркую избу. В дверь просунулся казак в тулупе с большой заиндеветшей бородой и застуженным голосом сказал:

— Хлеб да соль. У вас, что ли, с Воскресенского заводу с репортром? Грах Чернышев требует. На военную калекую.

Сосед Захара опять толкнул его в бок.

— Тебя, паря, стало быть. Иттить надо. А ты, гляди, и не поел, почитай, вовсе.

И он соболезнающе покачал головой.

— Иди, иди, не проклажайся, — проговорил сипло казак с заиндеветшей бородой, — не за тобой одним посылано. Покеда их всех на калекию скличешь! Сам-то не жрамши, — ворчал он, завистливо поглядывая на плоски с кашей.

Захар торопливо напяливал тулуп и ощупывал за пазухой Акимово письмо. Кызметь тоже поднялся следом за ним.

Глава пятая

Должно быть, они долго обедали. Темнело уж, когда они вышли, и слобода показалась Захару совсем другой. Навстречу поминутно попадались пьяные. В домах горланили песни, и, когда открывались двери, оттуда вырывался пьяный гомон и крик.

— Ишь, черти, загуляли. Рады, что живы вернулись, — ворчал казак, провожавший Захара. — На всю ночь теперя. И какая нонче калекия? Рази их соберешь? Ну, грах Чернышев — Чика по-нашему, — тот дело знает. Он хошь и выпьет, а ума не пропьет. Ни-ни. Опять же Витошков, Андрей Семеныч, — ну, он старой, он этим не займывается. Шигаев, скажем, Максим Григорич, тот батюшку нашего не обидит. Хошь бы как пил, — велит отец наш дела править, он голову ледяной водой окатит — и ни в одном глазу. Зато хошь и молод, а батюшка наш веру к ему имеет, пуще всех приближает. Ну Горшков тоже, грех сказать. Тот грамотей. Ну и грамотей! Такого, почитай, по всей русской земле не сыщешь.

Казак даже остановился и с торжеством посмотрел на Захара и Кызметя.

— Ты такого и не видывал, парень. Какую ему бумагу в руку ни дай, он на нее поглядит и ну чесать. Ну, словно ему кто в уши дует. И написать все могёт. Прямо секлетарь.

«Ну, наш Аким, наверно, не хуже может», — подумал Захар.

— По-басурмански, если по совести сказать, не могёт, — помолчав, проговорил с сожалением казак. — То

батюшка наш один разумеет, — с почтением прибавил он. — Он ренбургскому губернатору Ирендору такое загнул... — Сторож даже присел от восторга и весело хмыкнул. — На трех языках зараз. А? На-кось, выкуси. — И он поднял вверх рукавицу, скрывавшую его пальцы. — Небось, почесывается. Одно слово — ампиратор! — заключил он с благоговением.

— А наши-то казаки, не понимают они, — с горечью заговорил он опять. — Хоть там и полковники и есаулы. Скобочкин, скажем, али Почиталин, али еще Лысов тот. Прямо сказать, без просыпу пьют. Поди их теперь волоки на калекию, когда они лыка не вяжут.

— Ну вот и пришли, — сказал он Захару. — Ступай теперя сам. А тебя и не звали вовсе, косоглазый, — прибавил он, сердито поглядев на Кызметя. — Ну, чего стал? — обернулся он опять к Захару. — Не за ручку тебя вести. Мне еще за Почиталиным да за Овчинниковым, да за Лысовым... Тьфу! — с яростью плюнул он и, круто повернувшись спиной к оробевшему Захару, зашагал дальше по улице.

Глава шестая

Захар смотрел на освещенные окна большой избы, но взойти на крыльцо не мог решиться. Кызметь молча отошел и стоял поодаль.

— Гляди-ка, приятель! Как прикатил? — пропел за спиной у Захара знакомый голос. — Две ляжки в пристяжке, сам в корню. Так, что ли?

Захар быстро повернулся и уставился, широко раскрыв глаза, на весело усмехавшегося бродягу.

— Ты! — крикнул Захар, бросаясь на бродягу и хватая его за плечо. — Не уйдешь теперь. Кызметь!

— Да вы что! Белены объелись! — крикнул бродяга, стряхнув с себя, как соломинку, руку Захара и пнув деревяшкой подскочившего башкиренка.

— Не лезь, щенок, не то я тебя за волоса да под небеса. Пусти, дай пройти!

Но Захар яростно кидался на него, визжа во весь голос:

— Не уйдешь! Не уйдешь! Не пушу! Держи, Кызметь!

Башкиренок нагнулся, стараясь ухватить бродягу за деревяшку. А тот вертелся, прыгал на одной ноге, ругая и отпихивая от себя мальчишек то руками, то деревяшкой.

— Эй, что за драка? — крикнул чей-то голос, и сильная рука схватила за шиворот Захара. — Вы чего тут буяните, щенки? Напали на калеку.

Захар поднял голову. Перед ним стоял Илья Ульянов, тот самый, который приезжал к ним на завод и кого ему Аким велел разыскать.

— Ой, да это ты! — обрадовался Захар. — Я тебя-то как раз искал.

— Меня искал, а на безногого напал, — сердито проговорил казак.

— Ты не гляди, что он безногий, — заторопился Захар. — Он такой... Он вон Акима...

— Ну, спасибо на помощи, — перебил его бродяга, обращаясь к казаку. — Ключнули, видно, мальцы. А мне недосуг. Грах Чернышев меня звал.

И бродяга повернулся идти.

— Ой, уйдет! — закричал Захар. — Не пускай его! Я тебе тотчас все скажу. Башкирцев он подговорил на наш завод...

Захар настойчиво дергал за руку Илью.

— Погоди-ка ты малость, прохожий, — сказал, наконец, Илья. — Чего тут малец говорит? На какой завод?

— А я почему знаю, я отсюда ни ногой! — крикнул бродяга. — Говорю, упились мальцы!..

— Да на наш, на Воскресенский! — старался перекричать его Захар. — Не помнишь разве? — дергал он за плечо Илью.

— А и впрямь, — сказал Илья, — ты ведь с нами на Воскресенском был, — обернулся он к бродяге. — Хлопуша тебя посылал. Ты постой, не уходи, — прибавил он, удерживая за плечо порывавшегося уйти бродягу.

— Не пушай, не пушай, — уйдет! — кричал Захар, то дергая Илью, то кидаясь к бродяге.

— Да и тебя, парень, я будто признаю, — сказал Илья, посмотрев на Захара.

— Как же, — обрадовался Захар. — Я ж у тебя в казаки просился. Запомятовал? Я и есть Захарка. У Акима я...

— Какой еще Аким? — спросил Илья, сжимая сильной рукой плечо бродяги.

— Акима запомнил? — удивился Захар. — Грамотный. Указ он читал. А ноне письмо прислал.

— Писчик он, что ли, там? — спросил Илья.

— Подьячий — породы собачьей, — пробормотал бродяга.

— Какой подьячий, — рассердился Захар. — Он ноне приказчик. . .

— Я и говорю — приказный — народ пролазный, — пропел бродяга.

— Да врет он, — чуть не ревел Захар. — На заводе он на нашем мастер. А Беспалов приказчиком его сделал.

— Да стойте вы, ничего я не пойму, — рассердился Илья. — Ты мне скажи толком, малый, — Захаром, что ли, звать? — чего ты на калеку накинулся? А ты про Акима какого-то. . .

— Так он же, — ткнул Захар в бродягу, — Акима извести ладил, башкирцев подговорил, чтоб завод рушили. Вон и Кызметь скажет, — он кивнул на башкиренка.

— Какой еще завод? — перебил опять Илья.

— Да Воскресенский же! — крикнул Захар с досадой.

— Собака лает, а чего — не знает, — протянул бродяга. — Я ж на том заводе с тобой вместе был, — сказал он Илье.

Илья кивнул.

— А посла-то, посла-то! — не унимался Захар. — Разноглазый его подкупил, Аким сказывал. . .

— Стой! Ничего не понять, — перебил Илья. — Какой еще разноглазый?

Бродяга захохотал.

— Мели, Емеля, твоя неделя.

— Ну! Запомнил? — кричал, не слушая, Захар. — Что хлеб-соль вам вынес. . . одним глазом глядит, а другой под нос.

Илье вдруг ясно вспомнился криворожий приказчик Воскресенского завода.

— Его ж, кажись, управителем у вас Хлопуша оставил? — сказал он.

— Ну-ну, — подхватил Захар. — А он, стерва, переметнулся, да и подкупил. . .

— Чего? — Илья внимательно посмотрел на Захара. —

Переметнулся, говоришь? Письмо, ты сказывал, привез? От кого письмо-то?

— Да от Акима же, — торопился Захар, доставая из-за пазухи письмо. — Аким все там отписал про разноглазого. Тебе велел дать, чтоб самому ампиратору...

Бродяга потрянул головой, обернулся к Илье и заговорил совсем другим голосом:

— То парень верно говорит. Переметнулся ихний управитель. И я про то довести хотел.

Захар разинул рот и вылупил глаза. Илья тоже недоверчиво посмотрел на бродягу.

— А чего ж до сей поры молчал, коли знал? Ну-ка, приятель, да и ты, Захарка, идем-ка на коллегию. И башкиренка прихвати.

Захар махнул Кызметю, и оба они пошли на крыльцо следом за Ильей. Тот крепко держал за плечо бродягу, который ковылял рядом с ним, постукивая деревяшкой.

Глава седьмая

С Захара сразу вся прыть соскочила, как только он переступил порог избы.

Горница просторная, светлая, в двух светцах лучины зажжены, и еще на столе лампадка. Стол вдоль окошек, длинный, сукном покрыт. И у стола всё казаки. Да не такие, как давеча, — строгие всё. Сидят, молчат, бороды в стол устави́ли. Посредине один, старый, борода с сединной, а рядом молодой, востроносый, и перед ним лампадка и листы бумаги.

— То, в середине, с седой бородой, Витошков, главный он тут, — сказал тихонько Илья Захару, когда они вошли.

— Ты чего, Илья? — спросил громадный кудлатый казак с черной бородой, сидевший на краю стола. — Мы тут с Воскресенского завода ждем посланного, с репортом прислан. Великий государь прочитать велел. А ты кого это?

— Тут он вот, парень с репортом, — ответил Илья. — Подай, Захарка.

Захар несмело подошел к столу и протянул кудлатому письмо Акима. Надо бы сказать, про что письмо,

как наказывал Аким, но у него никак язык не ворочался.

— Да ты не бойся, — шеннул Илья Захару, — то брат мой, Чика — граф Чернышев, царь-батюшка его графом сделал.

Чика не взглянул на Захара, взял письмо, передал старику Витошкову и спросил Илью, кивнув на бродягу:

— А это кого привел?

— Да вот сцепился с ним малец с Воскресенского завода, кричит, будто переметнулся ихний управитель Беспалов. Не то того бродягу будто подкупил, не то башкирцев — не понять хорошо, — чтоб завод рушить. Ну, Захарка, говори. Чего ж молчишь?

Он тряхнул Захара за плечо.

Захар оглянулся, посмотрел на Илью, потом на сидевших за столом казаков, раскрыл было рот — и опять закрыл. В голове у него все спуталось, он не знал, что говорить, и только с мороза все фыркал носом.

Бродяга передернул плечами, шагнул вперед, степенно поклонился сидящим за столом и сказал:

— Дозвольте мне, господа казаки, вам все то дело изъяснить. Малец-то, видно, боле носом привык говорить, а вам-то и не понять.

Захар стоял красный, как бурак, а казаки у стола заулыбались.

— Ну, ты, дело говори, — оборвал Илья бродягу. — А ты, Захарка, слушай. Коли врать будет, скажи.

Бродяга покосился через плечо на Захара и заговорил нараспев:

— Как я великому государю Петру Федоровичу верой-правдой служу, и как меня генерал евоный, Хлопушей прозываемый, завсегда по заводам посылал, так я и на Воскресенский завод прислан был и там заводским про великого государя поведал... Верно я говорю? — обернулся он к Захару.

Захар невольно кивнул головой.

— А как туда сам Хлопуша пришел, — продолжал бродяга, — велел он тому заводу работать и управителем приказчика Беспалова поставил, а сам ушел...

— Тебя Хлопуша, припомнил я тотчас, — перебил его Илья, — оттуда на Белорецкий завод посылал. Ты чего ж не пошел?

— То так, Илья Григорьевич, — спокойно подтвердил бродяга. — А только не мог я тотчас завод покинуть. Не было у меня к тому Беспалову веры.

Захар с удивлением взглянул на бродягу.

— А тут как раз случай такой вышел, — продолжал Иван. — Приехал к нему в ночь, как с завода мужики ушли, посланный от хозяина, чей завод был, от Твердышева.

Казачи переглянулись. Захар дернул за руку Кызметя — тот самый, видно, кого Кызметь к ним на завод проводил. Чего ж он в ту пору не сказал Акиму? Аким же как добивался — кто такой? Захар уже открыл было рот, но бродяга говорил дальше:

— Как я про то прознал, надумал я того Беспалова извести.

— Чего ж ты заводским не сказал? — перебил его опять Илья. — Они б своим судом того стервеца порешили.

— А видишь ты, Илья Григорьевич, — сказал бродяга, покосившись на Захара. — Управитель тот рабочих людей ублажал сильно — праздник им дал, прибавки посулил. А того вон Акима, что письмо прислал, вовсе приказчиком заделал.

Захар так и вскинулся. «Ишь какой, Акима порочит». Он опять открыл рот, но бродяга предупредил его:

— Ты чего, Захар? Может, вру я? Не сделал, что ли, Акима приказчиком?

Захар опять невольно кивнул. Он хотел что-то прибавить, но бродяга уже говорил свое:

— Ну вот. И я то говорю. — И он усмехнулся в сторону казаков. — А тут, как от батюшки-царя указ прислан был, чтоб со всем поспешением пушки лить, так тот лиходей Беспалов надумал башкирцев позвать, чтоб они Воскресенский завод пограбили и ту печь, где пушки льют, порушили.

И Захар, и даже Кызметь, не все понимавший по-русски, оба, не сводя глаз с бродяги, слушали. «Все ведь верно говорит», — удивлялся про себя Захар.

— В зимовье он меня послать надумал, — говорил бродяга.

Илья подвинулся ближе и с удивлением поглядел на бродягу. Тот спокойно продолжал:

— Я так рассудил: откажусь — иного пошлет управи-

тель. А как сам поеду, так я ему, подлецу, тут и конец сделаю. Поехал я с тем казаком, что вы на завод прислали, с Митрий Терентьичем, — хоть его спросите, — а у зимовья отстал от него и к старшине башкирскому, к Мурзагулову, подался. Всё ему и сказал, что им Беспалов наказывал.

Бродяга усмехнулся.

— Ну, а там договорились мы с ним, с Мурзагуловым, — как он тоже верный слуга великого государя и в тот час как есть в Бердү сбирался, — договорились мы тому подлецу Беспалову конец сделать.

Захар удивленно посмотрел на Кызметя.

— Как тот Беспалов велел сторожу задних ворот заводских не запирать, я башкирцам и наказал: проехать в ночь на завод, да наместо того, чтоб печи рушить, того лиходея Беспалова и прикончить, чтоб завод мог без него на государя работать.

Бродяга замолчал.

— Ну что же? Убили они того стервеца? — спросил Чика. — Чего ж нам не повестил, как сюда приехал?

— Нет, грах, ваше сиятельство, — проговорил бродяга и покачал головой. — То и не повестил, что не вышло то дело. Кто ни есть упредил заводских, что башкирцы на завод собираются. Гадаю я, что тот вон башкиренок.

Бродяга указал пальцем на Кызметя.

Захар кивнул головой.

— Ну вот. Угадал, стало быть, — подтвердил бродяга.

Старик со середины стола, Витошков, махнул бродяге, чтоб замолчал, и сказал, обращаясь к Кызметю:

— Ну-ка, поди сюда. Как тебя звать?

— Кызметь, — проговорил башкиренок.

— Ты, что ли, Кызметь, повестил на заводе, что башкирцы управителя пристрелить хотят?

Кызметь затряс головой и быстро заговорил, сверкая глазами на бродягу:

— Нэ правитель — Аким убить хотель и сарай рушить. Аким мин¹ жалель, и Захар мин жалель — мин скоро ехаль, им сказаль. Они ворота запирай. . .

Бродяга залился мелким смехом.

¹ М и н — по-башкирски — я, меня.

— Вот, вот, так и есть. Оплёшал малость косоглазый. Слышал звон, да не знал, где он. Что с его взять, — прибавил он, махнув рукой на Кызметя, — я-то по-русски говорил, Мурзагулов — тот знает, а этот, вишь: «Мин жалель, мин скоро ехаль», — передразнил он башкирца. — Скоро, да ин не споро, — заключил он. — Поднял весь завод, Беспалов и запрятался.

— Врет он! — крикнул, вдруг расхрабрившись, Захар.

— Чего — врет, — злобно огрызнулся на него бродяга. — Скажешь — не приезжали башкирцы? А вы сдуру ворот не заперли да шуму не подняли?..

— А ты постой, — перебил его Илья. — Сказывай, Захарка, чего врет-то он.

— Говори, говори, чего молчишь! — повторил старик за столом. — Поди-ка поближе.

Захар шагнул вперед. Но, когда он очутился один перед столом и все бородатые казаки уставились на него, язык опять перестал его слушаться. Он хотел сказать, что башкирцы вовсе не крались тихонько к воротам, а скакали целой ордой, с луками, со стрелами. А вместо того он пробормотал только чуть слышно:

— Стреляли ж они... .

Бродяга опять захихикал.

— А чего ж, кланяться им, что ли, как вы из пушки трахнули, да из ворот повыскакивали, да, ничего не спрося, — с ружей их. Ну, они, конечное дело, — народ дикой, — с луков! А там повернули — видят, дело не вышло, — да и взад.

— Так, что ли? Али, может, врет? — спросил Илья Захара.

Захар беспомощно озибался — врет бродяга, а как тут скажешь? Он поглядел на Кызметя.

Илья тоже обернулся к башкиренку. Глаза у него сердито сверкали. Он даже присел как-то — вот-вот бросится кошкой на бродягу.

— Ну-ну, — сказал Илья, — чего ощерился? Говори, врет он, что ли? — Он показал на бродягу.

Кызметь часто закивал головой и быстро заговорил:

— Нэ правитель — Аким убивать хотель. Правитель башкирска от¹ даваль, много от, чтоб убиль.

¹ О т — по-башкирски — лошадь.

— Не понять, — перебил его Витошков. — Ты потише говори, не так часто.

— Да чего ж, — вступился бродяга. — То он и говорит, что я. Правителя, мол, я башкирцам убивать велел. Сказал, — убили чтоб они его.

Кызметь изо всех сил затряс головой.

— Жок! — взвизгнул он. — Жок! Нэ правитель — Аким! Правитель башкирска за Акима от давать хотель. От — лёшать, много лёшать... — пытался объяснить Кызметь.

— А уж это завсегда на лошадях башкирцы, — перебил его бродяга. — И я с ими навик. То боле парой — одна своя, другая казенная. — Он весело притопнул деревяшкой. — А с ими — что твой башкирец. Так и сюда с ими прикатил, к батюшке-царю.

Он говорил быстро и весело, насмешливо поглядывая на башкиренка, сверкавшего на него сердитыми щелками.

— Чего ж, как приехал, не пришел сказать, какие там дела затеяны? — хмуро спросил Чика.

— Вишь ты, грах, твое сиятельство, — протянул бродяга и поскрёб в затылке, будто смутившись. — Так что хвалиться-то, вишь, нечем стало. Сорвалось. Прозевал — так облизня и взял.

Он насмешливо развел руками и наклонил голову, искоса поглядывая на казаков.

Кое-кто усмехнулся.

Захар чуть не плакал. Ничего-то он не сказал. Да и Кызметь спутался. Не поняли его вовсе. Во всем тот бродяга проклятый прав остался да еще смеется. Вот кабы Аким тут был, уж он бы не спустил стервецу. И вдруг он вспомнил про письмо. Письмо ж Аким прислал. В том письме верно всё про бродягу написано.

— Письмо! — крикнул он. — Аким письмо про то про всё отписал.

— И то, — поддержал его Илья. — Аким-то приказчик с того же заводу. Репорт он вот с мальчонкой прислал.

— Не мог кого потолковей послать, — проворчал Витошков. — Ну да ладно. Все одно прочитаем. Читай, Максим. — И он передал лист востроносому казаку рядом. «Секретарь, видно, — подумал Захар, — вот что сторож говорил, — грамотей». Секретарь взял, покосился на Витошкова, усмехнулся и перевернул лист. Витошков

его вверх ногами держал. Потом поправил лампадку, оглядел всех за столом и начал читать скорым тонким голосом, похоже на попа:

— «Великому государю, Петру Федоровичу, всемило-стивейшему, третьему императору...»

Тут вдруг в сенях хлопнула дверь, и поднялся такой топот, крики, ругань, что ничего не слышно стало. Захар поглядел на дверь. Она с силой распахнулась, и в избу с шумом и грохотом ввалилось еще несколько казаков. Они изо всех сил унимали краснорожего пьяного казачину. Но тот вырвался от них и, ругаясь, выскочил на середину избы.

Захар оглянулся на стол. Казаки сидят, точно и не слышат, оставили бороды в стол. А секретарь читает себе, только громче старается:

— «... императору всероссийскому и прочая, и прочая, и прочая...»

Тут пьяный казак загорланил во всю глотку:

— Прочая! Прочая! А знаешь, чего прочего?

Товарищи, что с ним вошли, дергают его, унимают, а он растолкал их и еще громче орет:

— Прочая! А прочая — вор! Беглый казак. Во! Слышали? Ха-ха-ха! С-собака! Думаешь, — пьян я? Ан ни в одном... Митрей Лысов себя понимает. Я — Митрей. А он — Емелька. Емелька Пугачев — во! Плевал я...

— Молчи, пьяница, вор! — гаркнул, перекрывая все голоса, Чика.

Из-за стола все повскакивали, стол загремел. Все гурьбой кинулись на пьяного. Кто ему глотку затыкает, кто в ухо норовит. Сорвали кушак, руки ему за спиной стянули.

— Думаешь, помилует тебя царь за такие слова! — крикнул Чика. — Погоди — вздернут!

В одну минуту Лысова связали и потащили вон из избы. Казаки толпой выбежали за ним.

Захар и не опомнился, как пусто стало в избе. Только товарищи пьяного казачины, что с ним пришли, жмутся в углу, да они с Кызметем да с бродягой посредине избы стоят.

Прошло время. В избе тихо было. Наконец, бродяга оглянулся, подмигнул Захару и тоже заковылял к двери.

Только что он схватился за скобку, в сенях опять застучали. Бродяга скорей кинулся на прежнее место.

А в избу вошли те же все, что раньше за столом сидели. Кудлатый — граф Чернышев — велел тем казакам, что с Лысовым пришли, к государю идти, а сам прошел к столу.

— А Витошков где ж? — спросил он молодого казака в нарядном красном кафтане, пришедшего с ним. Раньше Захар его не видел.

— Андрей Семеныча государь у себя оставил, — ответил нарядный казак. — Лысова они судят. А меня сюда прислал, велел вместо Витошкова на коллегии дела вершить.

— Читай репорт, Максим, — сказал он, садясь посредине стола.

«Это, видно, тот, кого сторож хвалил, — подумал Захар, — говорил, что государь его пуще всех до себя приближает. Шигаев, что ли».

Секретарь взял лист и стал читать с начала, еще скорей, чем раньше, и всё на дверь взглядывал, точно боялся, что ему опять помешают. А когда дошел до того места, на котором остановился, начал читать пореже.

— «...приказчика Воскресенского заводу, Акима Камбарова, доношение...»

«Чего ж Камбаров?» — удивился Захар. Он не знал настоящей фамилии Акима.

Секретарь читал дальше:

— «Я, Аким Камбаров, чиню извет на управителя нашего, Петра Беспалова, как он вор и лиходей, и великому государю непослушание чинит и измену...»

Тут Чика изо всей силы стукнул по столу кулачищем и крикнул:

— И тамо измена! — Но сразу же замолчал и пробормотал тише:

— Читай.

— «Голубицы из дела не выдут. Как они трескают, которую свирельщик сверлить начинает. А тот свирельщик тому делу не причинен. Как тот лиходей и супротивник, Беспалов, немцев подкупил, и те медь портют...»

— Ах он злодей окаянный! — крикнул опять Чика. — Вздернуть его!.. Читай, Максим.

Но тут с улицы донесся визг, — секретаря плохо слышно было. Казаки оглядывались на окна и совсем не слушали.

— «... А еще тот лиходей Беспалов, — бормотал за-

икаясь секретарь, — замыслил весь наш завод порушить и подкупил одного бродягу. . .»

На улице кто-то так завыл, что все опять повскакали с мест и, не слушая секретаря, толкаясь, побежали к дверям. Секретарь поглядел на нарядного казака рядом, тот махнул рукой, и оба они побежали следом за другими.

Захар оглянулся — никого. Ни бродяги, ни Кызметя. Один он в пустой избе. А на улице — вой, визг. Такой страх напал на Захара, что он тоже со всех ног кинулся бежать.

Выскочил на крыльцо — и тут никого. Пусто на улице. И тихо.

— Господи Сусе! — пробормотал Захар, — чисто наваждение. Куды ж они все подевались? Почудилось мне, что ли?

Кто-то будто бежал впереди и вдруг пропал. Свернул куда или сквозь землю провалился?

Захар тоже побежал. Рядом большая изба, а за ней широкий проулок. Захар добежал до угла, хотел заворотить. Посмотрел — и точно кто под коленки его ударил, чуть с ног не свалился.

Прямо перед ним, посреди проулка, два столба с перекладиной наверху, а между столбами висит что-то черное, длинное и качается.

Захар ахнул. «Неужли тот, что ругался? Страсть-то какая». Он оглядывался кругом, весь дрожа, и думал, куда бы ему бежать. Но тут из-за угла вышли кучей казаки. Один ухватил Захара за плечо и поворотил назад. Захар поднял голову — Илья. Смотрит сердито и молчит.

У Захара зубы стучали и ноги заплетались, но спросить он ничего не мог. Шел, куда веди.

Глава восьмая

Привел его Илья в ту же избу.

Казаки, хмурые все, молча усаживались за стол, и Илья с ними.

Захар опять стоял посредине избы. Только один теперь. Ни бродяги, ни Кызметя с ним рядом не было. Но никто и не посмотрел на Захара.

Старик, Андрей Семенович Витоншков, который раньше

посредине сидел, опять там был, а молодой, в красном кафтане, Шигаев, подальше отсел. И кудлатый Чика тоже сел. И Илья рядом с ним. Сел и подпер рукой голову.

— Ну, Максим, читай с начала. Не слышал я, — сказал Витошков.

Секретарь взял лист со стола, поглядел — тёмно стало; он махнул сторожу у дверей, чтоб лучину переменял, сам поправил лампадку и стал быстро читать в третий раз с самого начала. Голос у него теперь хрипел чего-то. Да и не слушал его никто, — один разве старик.

Только когда секретарь стал читать про Беспалова, Чика поднял голову и толкнул локтем Илью.

— «... Беспалов замыслил весь наш завод порушить, — читал секретарь, — и подкупил одного бродягу, чтоб он...»

Илья точно проснулся, встряхнул головой и сказал:

— То, верно, тот и есть, что ты, Захарка, колотить кидался. Где ж он? Я его сюда привел.

— Он! Самый он! — закричал Захар.

— Ну, так где ж он? — спросил Витошков.

— Сюда я его привел, дожидаться велел, — проговорил Илья и опять опустил голову на руку, точно и не его дело.

— Ну, где ж он? — сердито спросил Захара Витошков.

— Н-не знать мне, — пробормотал Захар. — Как все кинулись, так, видно, и он...

— Чего же не держал его? — рассердился старик. — Еще башкиренок тут был. Тоже сбежал. Так-то вы без меня дела правите! — Он хмуро оглядел казаков. — Читай, Максим, что тут про бродягу писано.

— «... подкупил бродягу, — продолжал секретарь, — чтоб он в соседнее зимовье ехал, к старшине Мурзагулову, и подкупил его, а его башкирцев привел штыковой сарай, где пушки льют, рушить. А меня, как я всё ладил пушки лить, убили чтоб они, башкирцы. А нас упредил башкиренок...»

— Кызметь! — крикнул Захар.

— «... и мы тех башкирцев побили, а бродяга ушел...»

— Стой! — перебил Витошков. — Коли тот это бродяга, что ты, Илья, привел, так он сказывал, что напугал всё башкиренок тот, — не завод он рушить башкирцев

послал, а того лиходея Беспалова извести. Допросить их надо обоих — и бродягу и башкиренка. А вы вот упустили их.

В эту минуту дверь из сеней тихонько приоткрылась, и в избу неслышно скользнул башкиренка.

— Кызметь! — радостно крикнул Захар. — Вот скажи ты им, Кызметь! Веры они не дают Акиму.

Голос Захара так и звенел от досады. Он даже страх забыл.

— Ты чего ж это с коллегии сбежал, Кызметь? — строго спросил старик Витошков. — Тебе тут велено было стоять. Иди-ка сюда!

Кызметь неслышными шагами подошел ближе к столу. Чувяки его были все в снегу, бледные щеки порозовели. Он тяжело дышал.

— Чего убежал? Говори, — повторил Витошков.

— Той, нога-палка, — начал Кызметь, и голос его обрывался, точно ему трудно было дышать, — той бежал. . . мин кричал: стой! . . той бежал скоро. . . мин тоже бежал. . . Там казак от держал. Той кричал, от хватал скоро, скоро скакал. Мин не догонял. . .

Кызметь остановился и глубоко перевел дух.

— Набормотал косоглазый, ничего не понять, — проговорил Витошков.

Дверь опять хлопнула, и в горницу быстро вошел длинный сивоусый казак и остановился у притолоки.

— Тебе чего, Ерема? — окликнул его Чика.

— Так что, твое благородие, — обратился сивоусый к Чике, — лошадь у меня свел тотчас одноногий. Накричал. Сказывает: «Грах Чернышев велел. Он-де завтра на Воскресенский завод едет. А меня-де наперед шлет. Неуж не знаешь? Я, мол, завсегда гонцом. Не дашь — вздернут тебя, как Лысова, тотчас. . .»

Казак проговорил все это враз и вдруг осекся.

Чика поднял голову и так на него посмотрел, что даже Захару морозно стало в спине.

— Пентюх! — крикнул Чика. — Этак с тебя порты сымут, а ты зевать станешь? Казак тоже! Куда ж поскакал бродяга?

— А туда, — махнул казак в сторону Оренбурга.

— На завод, что ли? — сказал Илья.

— Нэ завод. Жок! — перебил Кызметь. — Скакаль, де ошень стреляль, — обернулся он к Захару.

— Где давеча сраженье было, — подхватил Захар.

— Так, — сказал Чика. — Ищи ветра в поле. Вновь, стало быть, переметнуться ладит, стервец одноногий. В Оренбург удрал.

— Сам себя и выдал, бродяга, — сказал старик, — стало быть, приказчик тот верно отписал, — переметнулся ихний управитель и башкирцев закупил. Не даст он пушек государю лить, стервец. Не миновать тебе, Иван Григорьич, на Воскресенский собираться, — обернулся он к Чике. — Так и великий государь велел. Без пушек нам Оренбургу не взять. А Воскресенский горный завод — почитай что первый по всей округе. Поторапливаться надо, чтоб не упредили того стервеца, управителя. Ладно, что тот плут бродяга не на завод удрал. А что в Оренбург проберется, так нам и лучше: поведает там, как у нас воров да переметчиков жалуют.

— Спьяну он, Лысов-то, — пробормотал кто-то из молодых казаков.

— Спьяну! — крикнул Чика и опять так стукнул кулаком по столу, что Захар чуть на пол не сел.

— Вы за вино отца родного продадите, дьяволы, — заговорил Чика, сердито взглядывая на оробевших казаков. — Вам бы гулянки одни. А за что мы поднялись, про то и думки нет. Может, Митрея с Оренбургу закупили, чтоб он тут смуту завел. Великому государю помеху чинил. А?

Он минуту помолчал и продолжал потише:

— Вот на Москву придем, сядет на царство Петр Федорович, — тогда гуляйте.

Казаки пошевелились. Всем точно легче стало дышать.

— И-их загуляем! — крикнул чей-то веселый голос.

— Завтра и в путь собирайся, Иван Григорьич, — проговорил старик. — Полсотни казаков возьмешь с собой. Хватит?

— Хватит, — ответил Чика. — Ты, Илья, со мной поедешь, — обернулся он к Илье. — Ты чего голову повесил? Что тот бродяга утек? Пес с ним. Ладно, что не на завод. Якову Антипову скажи. Его еще возьму. Он в пушечном деле хорошо понимает. . . Ко мне пойдешь, — обернулся Чика к Захару. — У меня переночуешь. Завтра чем свет собираться будем.

Казаки вставали из-за стола, переговаривались, наде-

вали шапки и уходили. Один Илья сидел у стола, точно не слышал ничего.

Тут только Захар вспомнил, что так он и не попросился в казаки. А теперь Чика велит назад на завод ехать. Вот тебе и раз! Опять, стало быть, угли возить.

Он хотел было подойти к Илье, его попросить. Да тот и головы не поднимал. «Заснул, что ли?» — подумал Захар. Будить его он не решился. Осерчает еще. Он покачал головой и пошел за Чикой.

В эту минуту старик Витошков нагнал Чикку и остановил его.

— Что я тебе сказать хотел, Иван Григорьевич. Ну, этого, управителя, ты, само собой, вздернешь и на заводе том дела наладишь. Это так. А вот с башкирцами как? Знаю я этого Мурзагулова. Недели нет, как он сюда своих башкирцев привел, тоже к батюшке-царю приклонились, как и другие старшины. А про него, про Мурзагулова того, тот приказчик пишет, что его управитель Беспалов подкупил, чтоб наш Воскресенский завод рушить. Как же теперь быть? Прогнать его, что ли?

Захар отошел в сторону и внимательно слушал. Ему очень хотелось, чтоб этого поганца Мурзагулова прогнали. Он и Кызметя всегда обижал, — стало быть, стервец.

Но Чика выслушал все, внимательно посмотрел на Витошкова и сказал твердо:

— Зачем прогонять? Дикой они народ, башкирцы. Пограбить — это им первое дело. Особенно русских. Большие им обиды от русского начальства были. Земли-то эти, думаешь, чьи, на которых заводы стоят? Их же, башкирские.

«Вишь ты, — подумал Захар, — тот-то старик, выходит, правду говорил».

— Отобрали их русские цари, да и раздали кому хотели, — продолжал Чика. — Вот и этому, Твердышеву, чей Воскресенский завод, еще прежняя царица, Лизавета, башкирскую землю взять разрешила. Ну, они и злобствуют. А это им где ж разобрать, что нонче Воскресенский завод на Петра Федоровича работает. Вот погоди, поживут здесь, прослышат, что новый царь никому обиды не делает — ни русским, ни башкирцам, — вот они и будут за него держаться. Добром их надо, а не то чтобы гнать. Это не то что Беспалов — чорт. Тот,

гнида, понимает, у какого костра ему лучше руки греть. Так я говорю, Андрей Семеныч?

— Да уж на что лучше рассудил, Иван Григорьич, — сказал Витошков, погладив седую бороду. — Большим тебя разумом господь одарил. Недаром батюшка наш без тебя шагу не ступит и в графы тебя произвел. Ну, поезжай с богом на завод, а я с тем Мурзагуловым сам поговорю.

Чика повернулся и пошел из сеней. Захар подождал немного и побрел опять за ним.

Глава девятая

Всю избу наполнял густой залиvistый храп. Иногда он резко обрывался, и сразу наступала мертвая тишина. Только тараканы чуть слышно шелестели на столе. Но вдруг за пологом громко, со стоном всхрапывало, слышалась возня, точно кто душил спавшего, а он с усилием освобождался, — и снова мерный густой храп разливался по избе до следующей остановки.

Захару нравился этот храп. Все веселей лежать, когда сон не идет. Верно, он весь его проспал по дороге сюда. А уж как бы хорошо заснуть, не вспоминать ни про что — ни про Степана, ни про этого в проулке, ни про то, что в казаки он до сих пор так и не попросился.

Что-то тихонько задвигалось в головах у Захара. На одной с ним лавке, голова к голове, спал Илья Ульянов. Когда Илья пришел вечером в избу Чики, он был такой хмурый и угрюмый, что Захар так и не решился заговорить с ним.

На Захара Илья и не взглянул, лег на ту же лавку, головой к Захаровой голове, а ногами в другой угол. Сперва он все вздыхал и ворочался, а потом, когда пришел Чика и лег за полог, Илья совсем затих.

«Заснул», — решил Захар.

Вдруг Илья задвигался, Захар на всякий случай крепко зажмурил глаза.

— Ваня, а Ваня, — раздался через минуту тихий голос.

Захар приоткрыл один глаз. Перед кроватью Чики стоял Илья и, отстранив полог, тербил Чикую за плечо.

— А? Чего? — просопел Чика. — Ты, Илья? Ай ехать время?

— Не, ночь еще, — прошептал Илья.

— А-а, — с облегчением протянул Чика. — Ну, спи тогда. — Сам он вкусно храпнул.

— Ваня, — не отставал Илья, — да ты послушай, чего я скажу.

— М-м, — промычал Чика.

— Да пробудись ты, — громко проговорил Илья. — Сказать надо. Не поеду я с тобой.

— Чего? — переспросил Чика и грузно зашевелился. — Велено. Спи, дурень. — Он опять тяжело опустился на изголовье и громко захрапел.

— Ваня! — чуть не плача повторял Илья и изо всех сил тряс Чика за плечо.

Захар даже усмехнулся про себя. «Ну и здоров спать», — подумал он.

— Брось, дурень, — сонно бормотал Чика, пытаясь оттолкнуть Илью. — Прилип, чорт.

— Ваня, — повторял Илья. — Не поеду я с тобой. Слышь, домой уйду, на умет, к Ереминой Курице. . .

Храп оборвался, и на минуту стало тихо.

— Да ты чего, парень, очумел? — раздался с постели сиплый со сна голос, и косматая голова поднялась с изголовья. — Царь-батюшка на завод посылает, а ты. . .

— Ца-арь, — протянул Илья. — А чего Митрей-то говорил. . .

Чика быстро сел на кровати и совсем откинул полог. В полутьме он серел огромной копной с косматой верхушкой.

Захар сквозь прищуренные веки со страхом смотрел на него.

— Да ты, впрямь, ума решил, Ильюшка, — заговорил Чика, видимо, сдерживая голос и оглянувшись на Захара.

— Спит, — пробормотал Илья.

— Твое счастье, а то бы. . .

— Донес бы на меня, что ль? — хмуро спросил Илья.

— А что ж? Самому из-за твоей дурости болтаться?

— А по мне пусть. Все едино, — пробормотал Илья и махнул рукой.

— Да ты чего, Ильюшка? — с удивлением спросил Чика. — Пьяный дурень набрехал, а ты. . .

— Главное, Степан, — заговорил Илья, проводя рукой по лбу.

— Чего Степан? — не понял Чика. — Он же в честном бою, а не то что Лысов.

— Послушай ты меня, Ваня, — умоляюще заговорил Илья, хватая того за волосатую руку. — Грызет меня вот тут, — он хлопнул себя по груди. — Глаз не сомкнуть. Вот ровно собака рвет.

Чика не прерывал его. Захар лежал, затаив дыхание, стараясь не пропустить ни слова. Давешний страх снова забирался ему под рубашку и стискивал горло.

— Ведь коли правду Митрей-то, — говорил глухо Илья, — за кого Степан-то кровь пролил? А? За вора? За Емельку? ..

— Тихо ты! — с испугом прервал его Чика.

— Да спит, сказываю я, — с досадой оттолкнул его Илья. — Ну, немоготу мне, — прибавил он. — Уйду.

Он безнадежно свесил голову и замолчал. Чика тоже молчал. Только тараканы попрежнему шуршали на столе. У Захара тоскливо заныло где-то внутри. «Что ж это? — думал он. — Стало быть, брехня все. А как же Аким?»

— Слушай ты, Илья, — заговорил негромко, но твердо Чика. — Жалко мне тебя. Одна мать нас вскормила. Бережь тебя наказывала. Кабы не то... Страшной клятвой я обвязался. Всего-то нас восемь казаков. Ты девятый станешь. Подь, погляди, спит айн нет парень.

Илья послушно подошел к Захару. Кажется, начини он его душить, Захар и то не подал бы голосу. Он весь как закаменел.

— Спит, — сказал, отходя, Илья.

— Ну, целуй образок Ильи-пророка, что на тебя мать надела, что ни одной живой душе слова не проронишь.

Захар приоткрыл один глаз и видел, как Илья вытянул из-за ворота привешенный на гайтане образок и поднес его к губам.

— Глуп ты, Илья, — заговорил Чика. — Чего спужался? Ну чего тебе то, царь ли он али не царь?

Илья поднял голову и с удивлением посмотрел на брата. Удивился и Захар. «Чего говорит? Коли не царь, стало быть — вор. Кто ж за ним пойдет?»

— Чего глаза вылупил? Вот и все вы так, — продолжал Чика. — С того и таимся. С того и Лысова вздернули. Кабы разговор пошел, разбежались бы, сволота...

Эх! — Он с досадой махнул рукой. — Понятия у вас нет ни на эстолько. — Он поднял свою волосатую руку и ухватил другой рукой за кончик малого пальца.

Захар затаил дыхание и изо всех сил старался разобратъ, что такое Чика говорит.

— За что мы бьемся, кровь проливаем? — спросил Чика Илью.

— За царя-батюшку, — неуверенно ответил Илья. — Как его несправедно с царства согнали. . .

— У, дурень! — перебил его Чика. — Тебе-то какая печаль, чи Катерина там сидит, чи Петр?

Илья не сводил с брата широко раскрытых глаз.

— Дак Петр-та Федорыч, — начал нерешительно Илья, — вольности нам посулил, опять же и крестьянам. . .

— Ну-ну, — одобрительно сказал Чика. — Оно самое. За то мы и пошли, чтоб через то вольность казачьему войску добыть. Ну, и крестьянам тоже волю он посулил. А то бы на кой ляд.

«Ну вот, оно самое, — обрадовался Захар. — Вот и Аким говорил, — новый царь волю даст. . . Ну, а как не царь?» — вдруг испугался он.

Илья потер себя по лбу. Чего-то он, видимо, не соображал.

— Глуп ты, Ильюшка, — с сомнением сказал Чика, — ну, как я тебе все начисто раскрою? Не понять тебе.

— Скажи, Ваня, — взмолился Илья, придвигаясь ближе к брату. — Христом-богом прошу. Вот свербит меня и свербит. Покою не найду. Сбегу, коли не скажешь.

— Ну, слушай, — заговорил Чика, еще понизив голос так, что Захар едва слышал его слова, даже дышать боялся.

— Гляди, клятву-то помни, — повторил Чика, — не то худо тебе будет.

Илья молча кивнул.

— Ну, знаешь ты, какие нам обиды русские цари чинили? Так и норовили все наши вольности казачьи отобрать.

— Как не знать, — пробормотал Илья. — Ишь, в солдаты нас норовили оборотить!

— Ну то-то. Понимаешь, стало быть. Так всё и шло. Всё хуже да хуже. А уж при нынешней царице, Кате-

рине, всего лише. Уж мы и ходоков в самый царский Сенат посылали и подмазывали ейных любимцев. Ничего не берет. А тут еще слух прошел, что несправедно Катерина-то на престол села, мужа-то своего, Петра Федоровича, прикончить-де велела, стерва.

— Так не прикончили ж его? — спросил нерешительно Илья.

— Да уж там прикончили али нет, никто не видал, — сказал Чика. — Говорили тогда, что за то его бояре извести хотели, что он, Петр-то Федорович, простому народу послабленье хотел сделать.

«Вот и Аким то же говорил», — вспомнилось Захару.

— Ну, а тут толк пошел, — говорил Чика, — будто не помер Петр-то Федорыч. Другого-де заместо его убили, а он спасся. Видели его будто — один тут, другой там.

— Стало быть, не убили его? — спросил Илья.

— Выходит, что жив остался, — подтвердил Чика. — А тем временем у нас, у яицких, такая завируха пошла, что дальше некуда. Старшину нам силой посадили от царицы. Ну, тут все один на одного пошли. Те за старшинскую сторону держатся, другие на них. Горло друг другу рвем. Чай, помнишь и ты?

Илья кивнул.

— А тут как есть Пугачев этот самый. . .

Захар весь вздрогнул, чуть с лавки не скатился. «Пугачев? Ведь и Лысов Пугачева поминал, — как же так? . . .»

— Пугачев? — спросил как раз и Илья. — Стало быть, правду Лысов. . . — Он не договорил. — Не Петр Федорович, выходит?

— Да ты погоди, — перебил его Чика. — Слушай, знай. Пришел он к нам впервой с Дону, у нас его никто не знает. Огонь и воду прошел, надо сказать. Ну и башковитый, видать. А обличьем, сказывают, с Петром Федоровичем сильно схож. Ну, поговорили мы с им, которые. Вольности он нам, само собой, — богом клялся, икону сымал — все, стало быть, обещался воротить. Ну, а нам, сам понимаешь, такой царь — первое дело. Мы, стало быть, тоже ему поклялись живот за него положить.

— Да как же? — заговорил вдруг Илья. — Оно самое. . . Дак коли не царь он, как он волю-то даст, а? Не послушают его нипочем.

— Э, дурень! — перебил его Чика. — Так царь же он. На Москве на царство посадим. Катеринку в монастырь, а то и вовсе прикончим. Стало быть, царь и будет.

Илья разинул рот. Нет, такое и Захар никак не мог понять. Как же так — не царь, а посадят — станет царь. Чудно!

— Да коли не царь он, — повторил опять Илья с сомнением.

— Как супротивников всех повоюем, на Москву придем... страху-то нагоним. Небось! Кто спрашивать станет, царь там али не царь. На престоле сидеть будет, стало быть — царь.

Илья молчал, а Захару сразу представилось высокое золотое кресло, а на нем — важный, весь в золоте...

— Ты вот чего, Илья, — заговорил опять Чика, помолчав. — Ты про то, что я тебе сказывал, и в голове не держи. Царь-батюшка Петр Федорович — и делу конец. Аль простой казак на такое дело дерзнет? А? Ты то сообрази. Царь! Вестимо, царь! И знаки на грудях царские. Почиталин-то Петра Федоровича еще в те поры видал, как на царстве он сидел. Признал же, враз признал.

Илья смотрел на него, еще шире разинув рот. А у Захара такая в голове каша заварилась, что ничего не разобрать. Когда ж правду-то Чика говорил — раньше или сейчас? Коли знаки царские на грудях, стало быть, царь. Вот и бродяга то же рассказывал. Но все-таки Захару было как-то не по себе.

В эту минуту где-то за окном запел петух. Ему отозвался другой, и по всей слободе загорланили петухи. Захар покосился на окно прижмуренным глазом, но за окном стояла еще черная ночь.

— Не дал ты мне спать, Ильюшка, — проворчал Чика. — Теперь вставать надо, а то государь-батюшка разгневается.

Он длинно и смачно зевнул и спустил с кровати ноги.

Глава десятая

— Бежи живо в канцелярию, — сказал утром Чика Захару, — мне отряд собирать надобно. Там на ваш завод указ пишется. Заберешь. Репорт-то ты с завода привез?

Захар кивнул головой.

— Ну, а теперь туда указ повезешь. Вроде доверенного моего будешь. — Чика усмехнулся. — Понял?

Захар опять кивнул. После бессонной ночи и странного разговора Ильи с Чикой в голове у него было как в темном лесу.

Чика повернулся уходить, но тут Захар вдруг понял, что если сейчас не скажет про свое дело, так и пропадет все, и придется ему возвращаться на завод. Он собрался с духом и проговорил, заступая дорогу Чике:

— В казаки я было... Гадал, возьмете... повоевать я...

Чика обернулся, оглядел Захара с ног до головы, усмехнулся и сказал:

— Навоюешься.

Точно сговорились все так отвечать Захару.

— Слыхал? — продолжал Чика. — Пушки государю надобны, а у вас на заводе вон какие дела завелись. Порядок наладить требуется. Стало быть, как ты оттуда присланный, туда и поедешь с нами. Понял? Ну, а теперь бежи живо в канцелярию.

Захар послушно вышел из избы и остановился на крыльце. Очень ему было обидно. Думал, как доберется до Берды, так назад уж не прогонят. А вот теперь не солоно хлебавши назад на завод. Кызметь и тот над ним посмеется. Опять сбежать? Ну нет, от Чики не убежишь. Он и брата родного не пустил. Видно, уж такая его доля, Захара.

Скорей надо, куда Чика его послал. Слово какое мудреное. Он такого и не слыхал. Как и выговорить не знал.

Все-таки Захар попытался спросить казака, отскребывавшего на крыльце грязь с чьих-то сапог:

— Дядя, где тут у вас канцелярия будет?

— Канцелярия, — не удивившись, повторил казак, — это контора, стало быть, где указы пишут...

— Вот, вот, — обрадовался Захар. Контора и на заводе у них была.

— А вот как пойдешь по порядку, тут тебе дворец великого государя будет, а по-за ним изба. Туда и иди. Да тебе на что?

Но Захар не стал объяснять. Он скорей вышел на улицу. Ему очень захотелось увидеть дворец государя. Коли дворец у него, — стало быть, царь.

Впереди над какой-то избой навешано было много флагов, но изба была как и другие, побольше только, и он пробежал мимо, не посмотрев на нее.

Дальше избы были уже поменьше, а дворца все не видно было. Правда, он никогда не видал дворцов, но ему представлялось что-то огромное, золотое, блестящее. По улице шло много казаков, и Захар решился, наконец, спросить одного, подобрей с виду:

— Не знаешь, где тут у вас контора, где указы пишут? — Другое слово он забыл.

— Мимо продрал, парень, — сказал тот добродушно. — Вон, не доходя государева дворца. Идем, доведу.

Захар повернул обратно. Дойдя до какой-то избы, казак сказал:

— Сюда ступай.

Так Захар и не увидел дворца.

Несмело вошел он на крыльцо и отворил дверь.

В просторной горнице стояло несколько столов, и за каждым ссутулившись писал писчик. На лавках вдоль стен сидели седоусые казаки, татары в чалмах, башкирские старшины в длинных, обшитых мехом халатах, русские вроде купцов, и все степенно молчали.

Захар нерешительно остановился у порога. Никто на него и не оглянулся. Он несколько времени потоптался у двери, потом, неуклюже ступая валенками и расставив руки, точно он шел по льду, подошел к одному из столов. Наклонившись над ухом писчика и стараясь не сопеть, он пробормотал:

— Указ кабы мне.

Писчик от неожиданности скрипнул пером и привскочил.

— Ах ты, сип тебе в кадык! — крикнул он сердито на Захара. — Через тебя указ спортил! Чего тебя, бестию, не в пору принсло?

— На Воскресенский... указ бы мне... — еле выговаривая слова, бормотал перепуганный Захар.

— Ишь, деревня сиволапая! Указ ему! — ругался по-вытчик, разглядывая большую чернильную кляксу на листе. — Гляди, ребята, тоже за указом пришел, суслик курносый. Мотри, кто указов дожидается. — По-вытчик кивнул на сидевших на лавке степенных бородачей. — Полковники, есаулы, старшины, с заводов управители...

Захар хотел было сказать, что и ему указ для завода, но он только беспомощно открыл рот и поскорей закрыл, встретив яростные глаза повытчика.

— Ну, чего глядишь, словно куском подавился? — крикнул тот.

— Будет тебе, Кирюха, — сказал, подняв голову от листа, повытчик постарше, — вовсе перепугал малого. Удержу тебе нет, как разойдешься... Яков Данилыч, — обратился он к одному из казаков, сидевших на лавке под окном. — Готов вот указ Иренсдору. На подпись можно.

— В Оренбург, губернатору, стало быть? — спросил заискивающе длиннополый бородач, слегка приподнимаясь с лавки.

— Ему, — ответил повытчик. — Почешется, небось, — прибавил он усмехнувшись.

— Может; ежели бы милость ваша, — умильно заговорил длиннополый. — Монаршие слова очень лестно нам...

— Вот коли Якову Данилычу не сильно спешно, — проговорил польщенный повытчик. — Мы отчего же... Прочитать — это можно.

Яков Данилыч кивнул головой.

— Читай, — сказал он коротко.

Но в эту минуту дверь с грохотом распахнулась, и в облаке пара в комнату ворвался молодой казак с красным от мороза лицом.

— Тут, что ли, с Воскресенского завода парень? — крикнул он торопливо.

Захар вздрогнул и повернулся к нему.

— Ты чего ж, деревня, проклажаешься? Грах Чернышев спрашивает. Выезжать тотчас на завод. Бежи живо! Гневается.

Захар, забыв обо всем, бросился следом за казаком к двери.

Не везло ему сегодня. Все на него кричали.

— На завод? На Воскресенский? — переспросил вдруг сердитый повытчик. — Так у меня ж указ...

Но Захар уже не слышал. Он бежал сломя голову к дому Чики.

Когда он прибежал, отряд уже весь был в сборе и Илья обходил казаков, внимательно осматривая все снаряжение.

Кызметь держался тут же в стороне на своей косматой лошаденке. Захар подошел сзади и торопливо полез за ним на круп лошаденки.

Но Илья заметил и сказал:

— Нет, не гоже так. Не поспеть вам за нами. Приведи-ка ему запасного коня, — прибавил он одному из казаков.

Захар слез и с торжеством посмотрел на Кызметя. Лошадь ему дают. А коли у него лошадь будет, так, может, все-таки в казаки возьмут.

Но, когда привели высокого коня под казачьим седлом, Захару стало не по себе. Как же он заберется на такого-то, да еще в тулупе и в Акимовых валенках?

— Гляди-ка, братцы, да это тот, что с нами вечер снедал. Пра, ей-богу! — проговорил веселый голос. Захар узнал вчерашнего большеротого парня. — С заводу он, — продолжал тот, — дак ему ни в жисть на коня не взлезть. Пра, ей-богу!

— Ништо, лестницу принесем, — отозвался другой со смехом.

— Веревку через седло перекинем, да и втащим, — предложил еще кто-то.

Захара обступила кучка казаков, каждый предлагал что-нибудь свое, и все дружно смеялись. Захар сердито оглядывался на все стороны, собираясь растолковать им, что он прислан сюда с важным репортом и был на калеккии, и из-за него посылают весь этот отряд. А скоро и он сам будет таким же казаком, как и они.

Но он никак не мог улучшить минуту и только сердито сжимал кулаки, поворачиваясь в разные стороны. Глядя на него, казаки еще больше хохотали.

Вдруг раздалась команда:

— На конь!

Казаки разбежались к своим лошадям и в одну минуту уже сидели в седлах.

Захар беспомощно топтался, держа своего длинного коня, нетерпеливо дергавшего повод и тоже, казалось Захару, сердито косившего на него глазом.

— Ставай сюда, — услышал Захар и, оглянувшись, увидел Кызметя, опустившегося около лошади на одно колено и хлопавшего рукой по другому.

Захар нерешительно оглянулся, но на него никто не смотрел. Казаки выстраивались вдоль улицы по четыре

в ряд. Он быстро ухватился рукой за гриву, встал обеими ногами на колено Кызметя и с помощью башкирца еле-еле взобрался на седло.

Спереди что-то крикнули, и отряд рысью двинулся по улице.

Лошадь Захара тронулась следом за другими. Захар обеими руками вцепился в луку седла.

— Держи, держи! — кричал ему Кызметь, бежавший рядом с лошадей, и совал ему в руки повод.

Захар, наконец, немного опомнился, взял одной рукой повод, а другой все-таки крепко держался за луку. Никогда еще до той поры он не ездил в седле на такой высоченной лошади. Ему казалось, что он сидит на коньке крыши и вот-вот сверзится. То ли дело за спиной у Кызметя. А Кызметь на своей косматке уже трусил рядом с ним и озабоченно посматривал на Захара.

Он что-то бормотал Захару, но лошаденка у него была маленькая, и Захар ничего не мог разобрать, а наклониться к нему он боялся, чтобы не потерять равновесие. Слышал как будто «сар, сар», а что царь — не понял, да и не до того ему было. Отряд вдруг круто остановился, и Захар чуть не вылетел из седла.

Ну, все-таки на месте было лучше, чем на скаку. Захар облегченно вздохнул и огляделся.

Что это? Сбоку перед их отрядом большая изба, вся украшенная флагами, крыльцо застлано красным. А перед крыльцом на ковре большущее золотое кресло («Престол», — решил Захар) — и на нем... ну, конечно, царь, кто же другой. В красном бархатном кафтане с золотом, в бархатных штанах и в золотых сапогах.

Перед ним желтые шелковые знамена, с боков у самого кресла два казака с большими шарами на палках. Поодаль с двух сторон нарядные казаки в зеленых кафтанах.

У Захара дух захватило. Такого он еще никогда не видал. Бабка в деревне про Бову-королевича сказывала — вот такой же нарядный. А на лицо царя Захар и посмотреть боялся. Видел только, что борода черная.

«У царей завсегда так», — почему-то подумалось ему. Потом он поднял глаза на царский дом. «Какой же дворец?» — мелькнуло у него. Изба, как есть изба, хоть и большая и флагами увешана.

В голове отряда, неподвижно стоявшего перед царем, спрыгнул с лошади Чика и прямо пошел к царю.

Захар раньше и не заметил, что он тоже был с ними.

Чика подошел к креслу, снял шапку, что-то сказал и опустился на колени. Царь тоже заговорил и протянул ему руку. Чика взял руку, наклонил голову и поцеловал.

У Захара радостно запершило в горле. «Брехня то все была, — мелькнуло у него, — со сна причудилось. Царь, вестимо, царь... Ишь, руку целует, — стало быть, царь».

В это время царь повернул голову назад, и казак в длинном кафтане принес и положил к золотым царевым сапогам большой кожаный мешок.

Царь махнул рукой Чике и сказал громко, показывая на мешок:

— На завод отвезешь. Жалуем мы, великий государь, тысячу рублей работным людям.

Захар даже повод выпустил и чуть с седла не свалился. «Тысячу рублей работным людям! Ну и царь! Радость-то какая будет». В нем самом все так и прыгало от радости, и он уже не расслышал, что еще говорил царь. За Чикой к царю подошли Илья и еще один казак; он им тоже давал целовать руку.

Но вот Илья обернулся, оглядел отряд и быстро пошел прямо к Захару. Неужто к нему? У Захара даже волосы под шапкой зашевелились.

— Слезай, слезай живо, — говорил ему Илья, дергая его за валенок. — К руке великий государь жалует.

Захар, ничего не соображая от страха и радости, прямо сунулся на Илью и в одну минуту кубарем грохнулся на снег.

Сдержанный смех прокатился по рядам, но Илья сердито оглянулся, быстро подхватил Захара и, не замечая, что у него скатилась шапка, потащил его к креслу.

Захар запомнил только, что Илья толкал его в загорбок и шептал ему: «Целуй, ручку целуй».

Но что ему говорил великий государь, он, хоть убей, не помнил. «Ошалел с радости», — будто сказал кто-то над ним. Его подняли, повели назад, и, должно быть, опять Кызметь помог ему влезть на лошадь. Можно бы Илью спросить, да зазорно как-то. Царские-то слова мимо ушей пропустил, разиня.

Глава одиннадцатая

На обратном пути спать Захару уж не приходилось. Сперва он так боялся свалиться с лошади, что только и думал, как бы покрепче держаться. Потом его подозвал к себе тот казак, который ехал с Чикой, — его звали Яков Антипов, — и стал расспрашивать Захара про завод.

Кто такой Аким Камбаров? Какой у них приказчик, какой хозяин, и по своей ли охоте рабочие присягали великому государю?

Про хозяина Захар ничего не знал, а про другое он сказал, что ему говорил Аким. Ну, про самого-то Акима Захар мог говорить без конца, у него сразу весь страх пропал, даже глаза загорелись, и он заговорил громко, во весь голос. Он рассказывал, что Аким всё как есть знает, и писать может, и читает лучше, чем дьячок в церкви, и в заводском деле всё понимает.

— Откуда же он у вас такой ученый взялся? — спросил Антипов.

Но этого Захар и сам не знал. Аким про это никогда не говорил.

Яков Антипов хотел еще о чем-то спросить, но тут его позвал Чика.

Яков пришпорил коня и поехал вперед. Захар следил за ним, пока он поравнялся с Чикой.

Тот повернулся в седле, оглядываясь назад.

«На кого это он? Уж не на меня ли?» — подумал Захар, и вдруг его точно оглоблей по голове ударило. Указ! Ведь он так и забыл про указ.

«Господи! Да как же это?» — думал он. Даже к горлу ему что-то подступило. Убьет его Чика. Как это забыл-то он? Он старался припомнить. Сперва писчик на него накричал, потом казак, потом к царю его Илья волок за загорбок. А там сразу и поскакали они. И лошадь еще эта высоченная.

Сказать, что ли? Нет, на это Захар никак не мог решиться.

Убьет его Чика. Ишь, какой страшный. Все его боятся. Один Антипов будто ничего.

Захар весь съежился в седле и держался позади всех, чтобы, храни бог, не заметил его Чика.

Ехали быстро. Чика все время поторапливал. На остановках Захар тоже забивался куда-нибудь подальше от страшного Чики и ни о чем, кроме указа, не думал. Казаки смеялись, дразнили большеротого казака, которого звали Федотом, но Захар ничего не слушал.

На второй день к вечеру приехали к селу Богульшаны на берегу Белой.

Казаки радовались ночевке в большом селе. Там можно и поест горячего и вина раздобыть.

Но перед самым селом Чика скомандовал остановиться, вызвал кашевара, дал ему наказ, а остальному отряду велел ехать дальше в объезд села, на другой берег Белой.

Казаки приуныли. На том берегу начинались лесистые горы, и больших поселений до самого завода не было.

Кашевар еще с одним казаком в помощь свернули в село, а остальные понуро спустились на лед. За те дни, что Захар проездил, Белая успела покрыться льдом.

Многие тихонько ругали Чика и сулили ему всякие напасти, но вслух никто не решался с ним спорить.

За рекой тянулась неширокая полоса молодой заросли. Должно быть, лес был не так давно вырублен и начинал снова отрастать. Дальше торчали одни пеньки после недавней порубки.

На этой просеке Чика остановил свой отряд, велел разложить костер, задать корму лошадям и тут заночевать. Сам он, оставив с казаками Илью, кликнул Якова Антипова и сказал:

— А мы с тобой на село воротимся. Потолковать мне с тобой надобно.

Скоро приехали кашевары и принялись готовить ужин. Казаки повеселели. Мороз был не сильный, между двумя большими кострами так пригрело, что многие скинули тулупы.

Лошадей отвели немного в сторону, накрыли их и задали корму.

Илья подозвал большеротого Федота и рыжего казака, по прозвищу Турка, и велел им караулить лошадей.

— Разложите себе огонек, вон там, подале, за лошадьми. Да только, гляди, не задряхните. Народ здесь вор — татарва, живо лошадей угонят. Нам тогда пропадать.

Федот и Турка переглянулись. Главное дело, кашсвар не одного барана приволок. Знал он, чем уважить казаков. В мешках у них позванивало, да и сами они — и кашсвар, и подручный — точно раздобрили на селе, тулупы на них еле сходились. Чика встретил их на реке и только головой покачал, но ничего не сказал. Нельзя же и не выпить казаку, особенно на морозе. Ну, а все-таки в лесу так не разгуляются, как на селе, да и Илья приглядит. «Остепенился он теперь, — решил Чика, — как я ему все дело рассказал».

Илья, и правда, совсем точно другой человек стал. Всегда бывало вокруг него песни, хохот. А в этот раз он и не заговаривал ни с кем. Ехал себе один, стороной. Захара он точно и не замечал, и Захар тоже не заговаривал с ним.

«Об Степане тужит», — думали казаки и не задирали его. Не стали ему и водки предлагать, когда пошли по рукам бутылки.

Но Илью вдруг точно прорвало.

— Вы чего ж это хоронитесь? — крикнул он. — Не товарищ я вам, что ли? На такое дело идем, да чтоб не пить!

И он, как припал к бутылке, так и не выпустил, пока всю не осушил. Хорошо еще, что не ему первому досталась.

Казакам только этого и надо было. Они, правда, не поняли, про что Илья сказал: «На такое дело идем», — но обрадовались очень, что Илья заговорил. С ним и пить веселей. Попойка пошла на славу. Кашсвар оказался запасливый. Ничего, что село далеко, хватило и так. . .

Турка и Федот только издали поглядывали на гульбу. Федот позвал с собой Захара, чтоб веселей было, но хоть Захар и не дразнил его, а веселей от него не было. Молчал он все. Федоту точно даже скучно было, что никто не окликает его: «Федот, а Федот, затвори рот».

Турка начал было рассказывать что-то, но тоже скоро замолчал.

Наконец, Федот не выдержал.

— Ты, Турка, того, покарауль огонь, — сказал он. — Я духом. . .

И он побежал к большим кострам.

Назад он прибежал веселый.

— Ты гляди, чего мне Силантий дал, пра, ей-богу! — крикнул он, показывая большую бутылку.

— Молодец Федот, — заговорил Турка, оживившись. — Казаку без этого нельзя. Это и наш енерал за- всегда скажет. . . Вот под Ильинской было. . .

Но тут Федот, отхлебнув порядочный глоток, передал ему бутылку, и Турка присосался к ней, забыв про Ильинскую.

Федот предложил и Захару, но Захар только головой покачал. Пробовал он на заводе, но не понравилось ему, и Аким очень уж страшал его, чтоб и думать не смел пить. Если бы другие казаки потчевали, он бы, может, и не посмел отказаться, а Федот с Туркой точно и забыли про него. Не успевал Федот оторваться от бутылки, Турка уже тянул руку, выставив вперед рыжую бороду, на которой блестели капельки водки.

Федот равнодушно протягивал бутылку, приговаривая:

— Я тебя, Турка, вот как люблю, пра, ей-богу. . .

☉ — Выпить казаку за всегда можно, — говорил Турка, передавая опять бутылку Федоту и с сожалением следя, как дно поднимается все выше в его руке. — Это и енерал наш. . . Вот ежели до дела, тут он не приведи бог строг. . . — И он снова припадал к бутылке, высоко задирая рыжую бороду.

Так они и потчевали друг друга, пока Федот, высосав последние капли, не выронил бутылку в костер, а сам свалился на бок, блаженно улыбаясь.

— Как же это ты, паря? — укоризненно пробормотал Турка. — Да, может, там еще. . .

Он потянулся к костру, но потерял равновесие и тоже рухнул на снег, уткнувшись головой в ноги Федота.

Захар встал, подбросил в костер наготовленного с вечера валежника и оглянулся, выскивая местечко потеплей, чтобы и самому прикорнуть.

Он подкинул еще валежника и лег у самого костра, рядом с Туркой, положив голову тоже на ноги Федота.

Спину ему подогревало, но спереди было холодно, и сон не приходил.

«Ишь, место выбрали, — думал он, поеживаясь. — Торчат пеньки на снегу, словно кресты на кладбище. Боязно, чай. Дрыхнут все, словно померли. И лошади-то не шелохнутся».

Вдруг между пеньками что-то пошевелилось.

«Заяц?»

Нет, больше. Черное. Еще, еще. Сердце у Захара остановилось. Господи! Сколько их! Ближе... Ползут... Поднимаются! Мертвецы, может...

Захар не выдержал и с громким криком вскочил и бросился к большому костру.

Испуганные лошади шарахнулись и заржали.

Кто-то вскочил.

— Татары! — раздался громкий крик.

Поднялась суматоха. Казаки вскакивали, расталкивали спавших, кидались к лошадям.

— Живо! — кричал Илья. — Словить бы их, стервецов, чтоб вперед не повадно.

Но, пока они распутывали лошадей, вдали уже послышался дружный топот.

— Не догнать, — сказал с досадой Илья. — Ускакали, дьяволы. Хорошо, хоть угнать не успели. Пропали бы мы без коней... Молодцы караульные. Да где они?

Казаки, спавшие у большого костра, толпились вокруг Ильи, разминая ноги и потягиваясь. Кое-кто еще спал мертвым сном. Федота и Турки не видно было.

— Уж не ухлопали ли их? — с тревогой сказал Илья и быстро пошел к маленькому костру, еле тлевшему вдали.

— Лежат. Живы ли? — пробормотал он на ходу.

Но несколько казаков опередили его, и в ответ раздался дружный хохот.

— Померши и есть, — сказал один, с силой встряхивая косматую голову Турки.

— Н-не балуй, — пробормотал тот, — енерал, он того...

Федот спал, раскинув руки и широко разинув рот.

— Федот, а Федот! — крикнул кто-то. — Затворяй рот! Татарин въедет.

Федот вскочил, бессмысленно тараща маленькие глазки.

— Хороши караульные! — сердито крикнул Илья. — Вот погоди, скажу Чике... А кто же тревогу-то поднял?

— Да вот Захарка, кажись.

— Ты, Захар? — спросил Илья. — Ну, молодец. Хороший казак будешь. Скажу Чике завтра же и про тебя и

про них. — Он кивнул на понуро стоявших перед ним Федота и Турку.

— Н-не надо, — пробормотал вдруг Захар, сам не зная как.

— Почему не надо? — удивился Илья. — Наградит тебя генерал. Может, лошадь даст.

«Лошадь? Коли своя лошадь будет, наверно в казаки возьмут», — мелькнуло у Захара. Но тут же ему вспомнился проклятый указ...

— Вздернет, — пробормотал он робко.

Илья засмеялся.

— Разиню-то этого? — он кивнул на Федота. — Не, не вздернет. Горячих, может, всыпать велит, для остратки. Ну, да ладно, — прибавил он. — Скажу, ты с ними вместе караульным был и первый приметил. Ладно так, что ли?

Он с усмешкой посмотрел на Захара.

Наутро весь отряд уже сидел на лошадях, когда со стороны села подъехал Чика с Яковом Антиповым.

Илья выехал им навстречу.

— Чуть было без лошадей не остались, — сказал он брату. — Татаре проклятые подобрались ночью, да вот, спасибо, Захар во-время тревогу поднял. В караульных был.

— А, доверенный мой, — усмехнулся Чика. — Ну, молодец, добрый казак будет, — сказал он, точь-в-точь как Илья. — Лошадь-то под им наша?

— Наша, — сказал Илья.

— Ну, пускай его будет. Жалую тебе, мой доверенный.

Захар весь красный стал от радости, как бурак. И вдруг опять проклятый указ так и вскочил ему в голову. Он даже зажмурился и съежился весь.

— Обалдел от радости, — услышал он, как сквозь сон, чей-то голос. — И спасибо не скажет.

Казаки засмеялись. Усмехнулся и Чика.

— Ну, Захар, — заговорил он. — Как ты мой доверенный, езжай теперь впереди отряда на завод. Дорогу знаешь?

Захар с усилием кивнул головой, не поднимая глаз на Чику.

— Лошадь-то, не доезжая до завода, привяжи где-нибудь, а сам проберись тихонько и разыщи того мастера, что великому государю извет писал. Найдешь?

Захар опять так же кивнул.

— Ну, и ладно. Мастера проводи к нам. Надо того злодея ненароком накрыть. Мы на дороге, не доезжая завода, ждать будем. Ты, Илья, знаешь ведь?

— Как же, — ответил Илья. — Там, у деревни Александровской, жди нас. Туда и Акима приведи, — сказал он Захару.

— Ну, трогай, — сказал Чика.

У Захара немного отлегло от сердца, он уже подобрал повод, чтоб повернуть лошадь, когда Чика спокойно прибавил:

— Да указ-то ты мне подай. Я его сам тому мазурику прочитаю.

Повод выскользнул из рук Захара, и его вдруг так замутило, что он покачнулся в седле. Невольно он схватился за луку и прошептал еле слышно:

— Н-н-нету.

— Чего? — не расслышал Чика, но, заметив бледное, как снег, лицо Захара, он нахмурился и строго спросил:

— Потерял?

— Н-не дали, — пробормотал Захар.

— Приказные не дали? — переспросил Чика. — Ах они стервецы! Чернильное семя! Знаю я их! Ученые! Добра от них не жди. Так и норовят напакостить. Говорил я государю-батюшке. Ту же музыку завели, что и у Катеринки, продажные души. Кто им, сволочам, подмажет, для того во всяк час всё списано. А иные дожидай. Не сказал я тебе в те поры, чтоб пошибче пострашал их. Чего ж мне тем же часом не сказал?

— Не посмел, — сказал Захар, и первый раз поднял глаза на грозного генерала.

«Неужто пронесло? — мелькало у него. — Неужто помилует?»

Сорвав злобу на приказных, Чика успокоился.

Темные глаза из-под густых бровей смотрели на Захара в упор, но не сердито.

— Ну, да ладно, и без указа вздернем того молодчика, — прибавил Чика с усмешкой. — Разрешил мне великий государь. Шигаев указ следом пошлет, а приказным взбучку даст. Он их тоже не жалует. Ну, езжай.

Захар тронул лошадь и быстрой рысью поехал по знакомой дороге. Ему сразу стало тепло. Точно горячее что-то поднялось внутри.

«Господи, господи, — думал он, — да я б за него... да я б... Вот енерал!.. только бы казаком взяли... — И он изо всех сил дергал отдохнувшую лошадь. — Скорей бы на завод. Что-то Аким там? — первый раз вспомнил он. — А ну как извел его Беспалов?» И он еще шибче погнал лошадь.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава первая

После ухода Захара Аким решил молчать и с Беспаловым ни о чем не заговаривать. Третью болванку он так и не давал Цыгану. Она оставалась в опоке, и о ней точно все забыли. Горн Аким тоже не приказывал затоплять, и Беспалов не присылал ни меди, ни олова.

Один только раз, в тот день, как ушел Захар, Беспалов встретил Акима и, глядя вбок, сказал ему:

— Грех-то какой, Аким Федорович, — вторая болванка треснула. Видно, руда попала плохая, — так и Мюллер говорит, спрашивал я его. Погодить надо, вот новой наплавят. Подвезли руду-то.

— Что ж, погодим, Петр Ефимыч, — ответил Аким, тоже не глядя на управителя.

Беспалов подозрительно покосился на Акима, но ничего больше не сказал, только сокрушенно покачал головой.

Про Захара один Федька спросил Акима.

Аким сказал хмуро:

— Я сам тебя думал спросить, — ты с ним лясы-то любил точить. Сбежал, что ли, парень? Заленился, видно. Вам лишь бы от работы утечь.

Федька больше не приставал к Акиму. Да и другие рабочие тоже не заговаривали с ним.

Завод работал вполсилы. Большая часть мастерских стояла. Но некоторые все же работали. Плавили руду,

лили ядра. Беспалов подговорил даже часть рабочих ломать угли, посулив им большую прибавку.

Так прошла неделя. На восьмой день утром, еще до света, в сторожку у беспаловских ворот постучали.

Одноглазый сторож приткнулся к обледенелому оконцу. На белом снегу чуть виднелся человек. Завидев сторожа, он стал изо всех сил махать рукой, показывая на ворота. Сторож заглянул, сколько можно, в обе стороны, больше будто никого не было. Но и разглядеть ночного гостя он тоже не мог в темноте.

Тот, видимо, сердился, все сильней махал рукой и грозил сторожу кулаком.

— Может, начальство какое, — пробормотал сторож и, накинув тулуп, кряхтя пошел к воротам.

Тяжелый замок заиндевел на морозе, и ключ с трудом поворачивался в нем. Наконец, затвор щелкнул, сторож снял замок, отодвинул засов и осторожно приоткрыл одну створку.

За воротами стоял, весь синий, промерзший, бродяга на деревяшке.

— Тьфу! — плюнул сторож. — Грозится тоже, словно путный. Чего принесло? Иди, что ли, колченогий. Не век тут с тобой на ветру. . .

— То с твоей дырки дует, — пробормотал бродяга, кивнув на вытекший глаз сторожа. — Заткнул бы, не то остатки с головы выдует.

— Да ты чего — лаяться пришел? — рассердился сторож. — Проваливай, коли так.

И он стал затворять ворота. Но бродяга налег на них снаружи и не дал запереть.

— Ну, ну, чего тебя схватило поперек живота, — заговорил бродяга. — Беги живо к хозяину. Пускай он ко мне на деревню скорей идет. В Проклову избу. Тут мне околачиваться не рука. Важные, скажи, вести. Да должок, мол, старый пускай принесет. Не забудь, смотри, про должок-то.

Сторож недоверчиво приглядывался к бродяге.

— Дай ворота запру, — сказал он, — а то не пойду.

— Запирай, мне что. Сказал, — на деревню иду. А ты, гляди, коли кому опричь хозяина про меня буркнешь, вот те крест, последний глаз вышибу.

Бродяга отступил от ворот и заковылял к занесенной снегом деревушке у замерзшего пруда.

Забравшись в Проклову избу, он сел на лавку, снял рукавицы и стал растирать синие, замерзшие пальцы.

Очень скоро по снегу заскрипели шаги, дверь из сени отворилась, и осторожно просунулась голова Беспалова.

— Ты, Иван? — пробормотал он, входя. — А я было веры не давал Терентьичу. Откуда бог принес?

— То-то, что бог, конь-то ин сдох, — заговорил бродяга. — Добрый конь — самого ихнего граха Чернышева. Уж как меня жаловал — отпускать не хотел.

— Так чего ж ушел? — спросил Беспалов.

— Добер сильно. Кому дружу, тому и служу. Про тебя такое прознал, что без души сюда скакал.

— А чего такого? — испуганно спросил Беспалов.

— Да, вишь, я-то тебе служу да служу, а ты-то меня в нужу да в нужу.

— Какая ж твоя служба? Много от тех башкирцев добра я видал? Одни хлопоты.

— Что ж, коли не угоден, так прощенья просим.

Бродяга встал и пошел к двери.

— Да ты чего, Иван? Напугал, да и драла.

— Какова Аксинья, такова и ботвинья. Загляни-ка в мошну, нет ли сальца да жирку. А то, вишь, сухая ложка рот дерет.

— Да ведь я тебе сулил две сотни, коли сарай они порушат, а так-то за что же? Вот коли нынче заслужишь. . .

— Ты, видно, на посуле как на стуле, а мне то накладно. Один счет за старое, другой — за новое. .

— Ну, бог с тобой, Иван. Принес я тебе пятьдесят — деньги большие. Хоть не считай — считано.

Беспалов полез за пазуху и достал оттуда объемистый кожаный мешочек.

— Получай да говори скорей, чего знаешь.

Бродяга схватил мешок, прикинул на ладони, сунул за пазуху и заговорил своим певучим голосом:

— Все тот Аким вред делает. Извет на тебя прислал с Захаркой, что ты медь портишь, пушки царю не делаешь. Распалились на тебя казаки. Самого Чику, надо быть, сюда пришлют. Назавтра жди гостей. Хоть заране два столба вбей да перекладину приладь, а уж вздернут сами.

Пока бродяга говорил, сизая щека Беспалова совсем

побелела, и багровый шрам выступил на ней свежей кровью.

— Чего ж делать-то, Иван? — пробормотал он трясущимися губами.

— Чего тут думать? День-то в запасе у нас — недаром я гнал, не кормя. Собирай, что есть, — деньги да что подороже. Лошадей вели покормить, а в ночь, как залягут все, выводи лошадей, да и поскачем с тобой на полночь. До Казани бы лишь добраться. Урал-то весь тому Петру али Пугачеву передался.

— Да верно ль ты знаешь? — спросил опять Беспалов. — Помогу мне хозяин прислать хотел. Сулил, коли сберегу завод и пушек не выдам, тысячу дать и управителем оставить.

— Вишь, тыщу, — пробормотал бродяга, — а ты мне сотню пожалел.

— Ну-ну, сказал, — дам — и дам. Да, вишь, завода жаль. . .

— Вольному воля, — сказал бродяга. — Жаль завода — оставайся. Вздернут — век сторожить станешь, никуда не уйдешь. А уж мне лошадь выведи — заслужил. Да еще хоть один мешочек такой. — Он хлопнул себя по груди.

— Что тут будешь делать? — бормотал Беспалов, то вставая, то опять садясь на лавку. — Тебе то в привычку, Иван, — век бродяжил. А мне-то? Думал, — прикоплю, в люди выйду, домком разживусь, невесту богатую возьму.

Бродяга с удивлением взглянул на страшное, перекошенное лицо управителя и хмыкнул.

— А что ж, — перехватил его взгляд Беспалов, — за твердышевского управителя всякая пойдет. Парик пудренный закажу, как у Иванова.

— Что ж, счастливому не что дается, — живет да греется, — пропел бродяга. — Лишь бы голова на плечах да ноги на земле.

— Все Аким проклятый! — вскричал Беспалов. — Не умел ты его извести. Теперь мне из-за него пропадать. Может, нынче. . .

— Думать не моги, — перебил его бродяга. — Башкиренок там, в Берде, то и знал турчал, что ты Акима извести норовил. Коли его не найдут, все одно тебе карачун.

— Ну, а коли найдут, уж он наскажет. То-то и притих он, — я все диву давался. Ждет, стало быть. Нет, видно, на этот раз не вывернуться. Ладно, Иван, жди. В ночь выведу коней, поедем с тобой.

Беспалов махнул рукой и пошел к двери. За окном уже посветлело, и над заводом в прозрачном морозном воздухе прямо поднимались столбы черного дыма.

Бродяга вышел за Беспаловым и стал собирать щепки и обрубки, чтоб разложить в ложбинке костер и погреться.

Глава вторая

Бродяга набрал топлива, зашел за избы в ложбинку и разложил маленький костер. Намерзшие щепки долго не загорались, но бродяга привык справляться и не с такими трудностями. Через пять минут костер уже ярко пылал, и бродяга грел над ним синие шершавые руки.

Скоро пальцы стали легко шевелиться, — он вытащил из-за пазухи тяжелый кисет, ловко развязал шнурок и, запустив руку, с удовольствием перебирал большие круглые монеты.

«Наверно, не соврал криворожий, — думал он. — А все-таки, почему не пересчитать — времени хватит».

Он удобней уселся на низком обручке, выставил вперед деревяшку, подогнул ногу, запахнул тулуп, расправил на коленях левую полу и осторожно высыпал рублевки. Кучка целая.

Он стал складывать столбики по десятку и расставлял их перед собой на снегу. Стоят, не шелохнутся, точно караульные, пять столбиков.

«Не надул разноглазый, ровно полсотни. А! Хороши ребята! Маловато оно, конечно. Еще бы столько. Ну, да и еще даст. С него теперь хоть веревки вей — струсил. А хорошенько припугнуть, так и две сотни отвалит. Ему что — у него, может, тысячи. Всё, небось, с собой возьмет. С собой? И чего ему, криворожему, столько? Жениться, дурень, затеял. Ну, какая дура за этакую образину пойдет? Вот за меня бы! Деревяшка — это дело малое. Хуторок бы завели. Гусей-уток. Были бы тыщи. Эх! И чего этакому-то криворожему землю бременить».

Он запустил руку в валенок, нащупал там короткое,

теплое лезвие и с удовольствием погладил его. Глазки его весело заблестели.

— Отвяжись, худая жизнь, привяжись, хорошая! — пробормотал он и вытащил из кошель горбушку хлеба, соль в тряпице и пару луковиц.

Костер приятно пригревал, перед костром у самых ног поблескивало пять столбиков, луковица вкусно хрустнула на зубах.

«Разживусь, гусей своих жарить буду. Заморского вина велю жене подать. Стол скатертью накрыть. Эх!»

В эту минуту со стороны леса послышался отдаленный топот.

Бродяга встрепенулся и насторожился.

Быстрыми, ловкими движениями он забирал один за другим блестящие столбики и отправлял их в кожаный кисет. Потом тщательно затянул и завязал мешочек и засунул его за пазуху.

Топот приближался. Бродяга сунул в кошель остатки хлеба, соль, луковицу и стал торопливо забрасывать снегом костер.

А топот уж совсем близко. Бродяга зашел за Проклову избу и притаился за углом.

Вот и морда лошадиная.

Захарка!

«Ах, дьявол его принес, паскудыша!»

Первым движением бродяга хотел кинуться на мальчишку, стащить с лошади и прикончить. Такая злоба в нем поднялась. Всюду лезет, щенок, куда не надо.

Но в следующую минуту он сдержался. А как за ним казаки? Пристрелят, как куропатку. Один бы разве прискакал?

Захар тем временем соскочил с седла, похлопал рукавицами, взял повод, привязал к скобке у ворот Прокловой избы, погладил коня по гриве и бегом бросился по пустырю к заводу.

Бродяга прислушался. Издали доносился глухой топот, точно шел на рысях целый отряд.

«Эх! — с досадой подумал бродяга. — С лихвой бы поспел. Ну, да ладно, его счастье. Конь-то все одно мой. Такая, стало быть, моя доля сиротская. Не видать мне управителевой тыщи. Ну, а ему-то уж, видно, крышка».

Топот раздавался совсем близко.

Бродяга быстро, трясущимися руками отвязал повод,

подтянул коня к крыльцу и, чутко прислушиваясь, торопливо засунул ногу в стремя, ловко подскочил и перекинул через седло деревяшку.

Через минуту он уже скакал по снежной поляне к той дорожке, по которой ушли когда-то мужики и где Захар нашел Кызметя.

Глава третья

Только что бродяга скрылся за опушкой леса и стал затихать топот его коня, как с другой дороги на ту же поляну выехали казачьи лошади.

Впереди Чика с Ильёю и Антиповым. За ним рядами казаки.

Илья заворотил лошадь к деревушке.

Подъехав, он с удивлением оглянулся. Лошадиный след вел по снежной поляне сюда, но лошади здесь не было. Мало того, к заводу вели только человечесьи следы, а лошадиный след круто поворачивал опять к лесу — только не на ту дорогу, по которой они ехали. Не может же быть, чтоб Захар, доехав до завода, вдруг вздумал сбежать. Напугал его, что ли, кто-нибудь?

Рядом с Ильёю топтался теперь на своей маленькой лошаденке Кызметь.

— Где ж Захар? — спросил его Илья.

Кызметь молча соскочил с лошади, подошел к крыльцу, потом, также молча, внимательно приглядываясь к земле, обошел избу, вернулся и сказал Ильёе:

— Той, нога-палка, лошадь взяль.

— А Захарка? Неужто убил, дьявол?

— Нэ убиль. Кровь жок — нэт.

— Живой бы не дался Захарка, — сказал Илья, оглядываясь во все стороны.

— Что, доверенный мой пропал? — спросил подъехавший Чика.

— Да вот, Кызметь говорит, — бродяга одноногий тут с ним повстречался.

— Бродяга! — вскрикнул Чика. — Он, стало быть, стервеца того упредил, управителя. Может, еще не поспел сбежать. Живо караул ко всем воротам!

Илья подъехал к отряду, вызвал десяток казаков и ве-

лел ехать по трое ко всем воротам завода, раньше всего к управительским, и никого из ворот не выпускать.

В это время из задних ворот вышли два человека и торопливо побежали по снегу к деревне.

— Да вот он, доверенный мой! — крикнул весело Чика. — Живехонек! И еще кто-то с ним.

— Это Аким и есть, что извет прислал, — сказал Илья, взглядевшись.

Чика крикнул:

— Эй, ты, доверенный мой! Лошадь-то где?

Захар остановился, потом стремглав побежал к воротам Прокловой избы и зачем-то пощупал скобу.

— Здесь привязал, — пробормотал он, и хриплым ревом вырвался из его открытого рта. Он повернул к Чике сразу облившееся слезами красное лицо. Сквозь слезы у него вырывались беспорядочные слова:

— Конь-то какой... В казаки гадал... Нет мне доли... Неуж отвязался?

И Захар заревел в голос.

○ Казаки кругом ухмылялись.

— Ускакал твой конь, — сказал Чика добродушно, — да не один, видать. Бродягу унес.

Захар встрепенулся, сдержал рев и уставился на Чика широко раскрытыми, еще полными слез глазами.

— Бродяга! — пробормотал он. — Да как же он тут? Да кабы я знал, ни в жисть бы от коня не ушел.

— Ну, ладно, другого коня тебе дадут, — сказал Чика. — Лишь бы иной кто с ним не ускакал.

У Захара сразу высохли слезы, и он, весь просияв, поглядел на Чика.

Чика отвернулся от него и пристально, тяжелым взглядом уставился на Акима.

— Чего тут у вас дееется? — спросил он суровым голосом. — Завод эвона какой, — он широко взмахнул рукой, — а пушек по сю пору ни одной нет.

На высокой казачьей лошади, в высокой казацкой шапке, с поседевшей на морозе густой бородой Чика казался огромным.

Захар оглянулся на Акима, и ему как-то не по себе стало.

Стоит, маленький, нескладный, тулуп короткий, из рукавов руки далеко торчат, из-под шапки белесые космы болтаются. Точно не такой он был, когда уезжал Захар.

Захар и забыл, что на Акиме надет был теперь его тулуп.

Аким поднял голову, прямо посмотрел на Чика и заговорил твердо и уверенно:

— Слава господу! Не знал, как дожидаться вас. Все у нас есть, может наш завод работать на батюшку-царя. Управитель лишь не дает.

— А вы-то, дурни, чего ж зеваете? — недовольно спросил Чика. — Давно б, когда так, башку ему проломить.

Аким покачал головой.

— Хитрый он сильно. Обошел работных людей. Все царевым именов. Будто для царя старается. Прибавки дает. Никому и невдомек. Как болванка треснет — он сокрушается. Один лишь я слышал, как немцы похвалялись — пятьсот рублей им посулил Беспалов, как ни одной пушки царю не выйдет.

— Ах он, стервец окаянный! — крикнул Чика. — Ладно, коли так. Нечего время терять. Едем!

Чика тронул лошадь и поскакал к ближним воротам.

Аким уж раньше сказал сторожу, и тот, завидев казаков, распахнул обе створки. Чика велел караульным смотреть в оба и никого не выпускать с завода.

Слух, что приехали казаки, уже разошелся по заводу. Рабочие выскакивали из мастерских и испуганно разглядывали их. Бог их знает, с чем приехали!

Глава четвертая

На заводской площади Чика остановил коня, махнул ближнему казаку и велел ему ударить в колокол.

Но и без колокола на площадь со всех сторон бежали рабочие.

Чика спешил, грузно взошел на крыльцо конторы и нетерпеливо переступал с ноги на ногу, оглядывая быстро наполнявшуюся людьми площадь.

Наконец подбежал и запыхавшийся Аким с Захаром, не отстававшим от него.

Чика махнул казаку, чтоб перестал звонить.

На площади сразу стихло.

— Работные люди! — крикнул на всю площадь Чика. — Вы присягу царю Петру Федоровичу принимали?

— Принимали! Приняли! Присягали! — раздались дружные крики.

— А какой вам от царя приказ был? — спросил опять Чика.

— Работать велел... Пушки лить, — слышались отдельные голоса.

— Ну, а много ль вы с той поры пушек отлили? — еще громче прогремел голос Чики.

На площади все замерло. В тихом морозном воздухе слышно было только то тут, то там нетерпеливое ржанье лошадей, просивших корма.

Рабочие робко переглядывались. Что тут скажешь? Сколько времени прошло — больше двух месяцев, а пушки у них ни одной готовой не было. Да ведь что ж — разве их вина? Они работали, что им начальство приказывало.

— Ну? Чего ж молчите? — нетерпеливо крикнул Чика.

Из толпы выступил Цыган, такой же крупный и черный, как сам Чика.

— Тебе, может, на меня наговорили, — загудел он, покосившись на Акима. — А только нет моей вины. Кого хошь спроси. Первый я по здешнему месту свирельщик. К Демидову сманивали. Болванки те вовсе сверлить нельзя. Руда, вишь, плохая. Сам управитель говорит...

— Управитель! — крикнул Чика. — Вы бы его больше слушали, стервеца! Измену он чинит великому государю. Куды он запрятался? Тащите его сюда!

Сторож и несколько рабочих побежали к управительской усадьбе.

— Ты это зря на меня, Ферапонт, — проговорил Аким, обернувшись к Цыгану. — Знаю я, что нет твоей вины. Беспалов то все пристроил. Немцев подкупил.

Чика хмуро оглядел площадь и махнул Акиму.

— Ну-ка, подь сюда, Аким ты, что ли, — сказал он неласково, — расскажи-ка им всем, что у вас тут затеяно. Вот только управителя приведут.

Из калитки управительской усадьбы выскочил Федька.

Проталкиваясь к крыльцу, он издали кричал:

— Нету его! Весь дом обежали. Захоронился куда, либо сбежал, пес разноглазый.

Чика весь налился кровью.

— Сыскать его, стервеца! — гаркнул он. — Знает кошка, чье мясо съела! Живо идите!

— Ишут там в усадьбе, — отозвался Федька.

— Живо! — гремел Чика. — По своим мастерским ищите, мастера! Не притаился ли там где! Смотрите, дьяволы, покрывать станете — голову снесу. С немцами си, пес, хороводился. К ним беги, Аким! Да живей!

— В конторе, может? — крикнул Захар и, вбежав на крыльцо, отворил тяжелую дверь и вскочил в контору. Там в углу, весь дрожа, притаился писчик.

— Беспалова не видал? — крикнул Захар и, не слушая ответа, пробежал комнату и распахнул дверь чулана, где когда-то сидел Аким. Из нетопленного чулана на него пахнуло холодом и сыростью. Но сколько Захар ни заглядывал во все углы, раздвигая бочки и ящики, одни мышцы ширкали у него из-под ног.

Захар выскочил на крыльцо. По ступенькам взбегал Аким, разводя руками. Один за другим бежали мастера.

Беспалов как в воду канул. Чика топал ногами и неистово ругался.

— Покрываете, черти паршивые! Всех бы вас на одну осину! Скулы сворочу! Завод ваш весь по щепкам разнесу! Чтоб был мне стервец тот окаянный!

Рабочие переминались с ноги на ногу, уставившись в землю.

Яков Антипов тихонько дернул Чику за полу. Чика повернул к нему перекошенное от ярости лицо с трясущейся нижней челюстью.

— Иван Григорьич, — зашептал он. — Чорта ли в нем, в управителе. Ну, сгинул, и ладно. Сбежал, видно, с бродягой. Лишь бы работу не портил. Работать бы сряду начинать. Напугаешь сильно рабочих людей — не разбежались бы, как мужики.

Чика понемногу отходил. Челюсть больше не дрожала. Он снял рукавицу, запустил пальцы в бороду и дернул. С этими рабочими людьми он не умел говорить, не то, что с казаками.

— Слушайте, рабочие люди! — крикнул он, наконец. — Прощтрафился ваш завод. Великому государю непослушание сделал. Может, на одном стервеце управителе вина, так я вас всех казнить не хочу! А только вы вновь присягу примите, что будете государю Петру Федоровичу верой-правдой служить. Не щадя живота.

Площадь зашевелилась, как живая, точно из одной большой груди вырвался вздох облегчения. Даже светлей будто стало, так заулыбались все лица.

— Живо тащите сюда попа!

Захарка с Федькой и еще несколько парней бегом бросились к дому священника. Другие быстро раступились, очищая место перед крыльцом. Сторож побежал в контору и вынес оттуда столик. Писчик за ним нес икону и даже чистое полотенце — накрыть стол.

Рабочие, побежавшие за священником, весело толкаясь, взбежали на крыльцо поповского дома и шумно распахнули дверь.

Навстречу им из зальцы выскочила маленькая синеглазая попадьа с двумя девчонками, державшимися за ее подол. Из кухни выглядывала тощая, как доска, стряпуха в темном платке.

— Матушка, батя где?

— Батюку бы нам! С крестом!

— К присяге приводить! Скоро надо! — кричали, перебивая друг друга, рабочие.

Красные щеки попадьи побелели, и она забормотала трясущимися губами:

— Нету батюшки. Пошлю я тотчас. Ненила, беги в церкву. Скажи, чтоб домой шел батюшка.

— В церкви батяка? Так мы и сами! — крикнул Федька, поворачиваясь к двери.

— Нет, нет, постойте, не надо. Может, в сарае батя... на погреб, может... — бормотала испуганная попадьа.

— Ладно! — крикнул один из рабочих. — Вы тут у дома поищите, а мы в церкву пока.

Рабочие высыпали гурьбой на улицу и побежали через переулок к церкви.

Замка на церковной двери не было, но когда Захар дернул ее, она не подалась. Стало быть, изнутри заперта.

Прибежавшие заколотили по двери в несколько кулаков.

— Батя! — крикнули они. — Батя! Чего заперся? Отворяй! Присягать будем.

Послышались шаркающие шаги, и прерывающийся голос спросил:

— Чего вам, братцы? Молитву я творю.

— Намолишься! Отворяй, что ли! Сказано — и присяге приводить. Отворяй!

Засов медленно отодвинулся, тяжелая дверь чуждую приотворилась, и бледный, всклоченный отец Варсонофий, в одном подряснике, с большим замком в руке, стал боком протискиваться в отверстие.

— Да ты что, батя! — захохотал кто-то. — Али замók целовать велишь? Книгу же надо и крест, да и ризу вздень — не в исподнем же служить.

— Ладно, ладно, — бормотал священник, вылезая на паперть и торопливо затворяя дверь. — Дьячка пошлем.

— Чего там дьячка! — крикнул Федька. — Скорей надо, енерал ждать не станет. Сами возьмем. Не запирай — ну-ка!

Священник, не слушая, старался просунуть замок в пробой.

— Да чего он взаправду? — крикнул Федька. — Осердится енерал, сказано. Пусти!

Он вырвал из рук попа замок и, отстранив его, распахнул дверь.

Рабочие гурьбой ввалились в небольшую холодную церковь.

С улицы в ней казалось темно, хотя замерзшие окна пропускали достаточно света.

Священник вбежал за ними и, перегнав их, бегом потрусил к алтарю.

— Ишь! — засмеялся Федька. — Откуда и прыть взялась, как про енерала сказал.

Рабочие, перегоняя друг друга, спешили за священником. Добежав до левого клироса, отец Варсонофий остановился и сказал:

— Погодите тут, ребята. Я тотчас ризу возьму, евангелъе. . .

Он отворил северные двери, шмыгнул в них и тщательно закрыл за собой. Царские врата были плотно заперты.

Из алтаря доносился шорох и как будто приглушенный шопот.

— Ребята! — заговорил вдруг Захар. Он весь насторожился и точно вытянулся вверх. — Чего он долго так? Уж не прячет ли кого?

Разом, не сговорившись, только погрозив друг другу,

все они бесшумно взошли на амвон. Передний быстро распахнул северную дверь в алтарь.

Священник, весь согнувшись, стоял перед престолом, придерживая рукой покров и чуть не засунув под него голову.

Услышав шум голосов, священник выронил покров и быстро поднялся, бормоча что-то про ризу.

Рабочие бросились к нему. Один грубо схватил его за плечи, другие кинулись к престолу и подняли покров. Там, скорчившись, спрятав голову между колен, сидел Беспалов.

— Тащи его! Тащи! — кричали сзади.

Федька и Захар вцепились в него и поволокли к двери. Престол покачнулся, и чаша для святых даров со звоном покатила на пол.

Про попа как-то никто не вспомнил. Он забился в темный угол алтаря и присел на пол, словно хотел казаться поменьше.

С руганью, с радостными криками рабочие мчались к конторе, щедро награждая тумачами упировавшегося Беспалова.

— Нашли! Вот он, стервец! В церкви схоронился! — кричали они, выбегая на очищенное перед крыльцом место и проталкивая вперед еле живого от ужаса управителя.

— А, так вот он, собачий сын! — закричал Чика, опять наливаясь яростью. Он секунду глядел на Беспалова, не находя слов от бешенства. — Рожа-то кривая, — крикнул он, — бог шельму метит! Ну, говори, пес, как ты посмел великому государю измену чинить? Указ его не исполнять?

— Я... великому государю... — забормотал Беспалов. — Жизни не жалел... верой-правдой.

— Врешь, стервец! — перебил его Чика. — А пушки зачем портил? Не ври! — крикнул он, видя, что тот молчит головой и хочет что-то сказать. — Все прознали. Портили вы медь.

— То не я! — отчаянно вскрикнул Беспалов. — Богом клянусь. То немцы-нехристи. Они на великого государя умышляли.

Не сообразил со страху, что сам себя выдает. Признал, значит, что медь нарочно портили. Кто и не думал на него раньше, сразу увидел, — виноват.

А тут еще из толпы, расталкивая рабочих, выскочил медно-красный Мюллер и, взмахивая руками, закричал, брызгая слюной:

— Ah, du, Schurke! Du glaubst, ich kann nicht sagen? ¹ Слюшай, я понимаю, — обратился он к Чике. — Он фсе фрёт. Он mir, — хлопнул он себя по груди, — пять, — он растопырил пять пальцев, — пятьсотф рубль давать geschworen. ² Ich, ³ — он опять хлопнул себя по груди, — ich металь портиль, пушка фся лопай, — он громко чмокнул губами. — Ich nach Heimat ⁴ хотел. Здесь фсех убифал. Ich ошень fürchtete. ⁵ — И плечистый медно-красный немец с рыжими баками для наглядности весь съежился и затрясся.

Вокруг раздалась смешки.

— Нечего тебе трусить, немчура, — проговорил, сердито усмехнувшись, Чика. — Работал бы на государя Петра Федоровича, никто б тебя пальцем не тронул. И наградили бы почище того криворожего. — Он презрительно ткнул в сторону притихшего Беспалова.

Немец усиленно закивал головой.

— Ich фсе знай, — сказал он хвастливо, — фсе пушки делать. Такой мейстер, — он хлопнул себя по груди, — in Deutschland ⁶ немнога, in Russland ⁷ фофсе нет.

— Такого бы нам раздобыть — первое дело, — зашептал Антипов на ухо Чике. — Ты ему посули сотен шесть.

— Ладно. Сам договаривайся, — отмахнулся от него Чика и обернулся к Беспалову: — Слышал, пёс смердячий? Немец и тот на тебя плюет. Он хоть, нехристь, струсил вишь. А ты природному государю измену чинил, зло на него умышлял. За то мы тебя, стервеца, именем великого государя, Петра Федоровича, присуждаем — чтоб никому вперед не повадно было — повесить.

Беспалов, рванувшись из державших его рук, рухнул на землю и на коленях пополз к крыльцу.

¹ Ах ты, шельма! Ты думаешь, я не могу сказать?

² Клялся.

³ Я.

⁴ На родину.

⁵ Боялся.

⁶ В Германии.

⁷ В России.

— Помилуй! — вопил он. — Богом клянусь, верой-правдой служить буду... Пушки лить... Помилуй!

Он полз на ступени, протягивая руки к ногам Чика, поднимая к нему облитое слезами, перекошенное лицо.

Чика с отвращением пнул его ногой, а сзади его подхватили и оттащили прочь.

— Вережку! — крикнул Чика. — Вон, на столбе, где колокол, тут и вздернем. Небось, выдержит.

Колокол висел на конце перекладины, прибитой к верхушке столба, что стоял у крыльца конторы.

Увидев моток веревок в руках Цыгана, Беспалов совсем обезумел.

Здоровый глаз его налился кровью, он рвался из рук и вопил, что хозяин за него большой выкуп даст, а коли его убьют, от завода камня на камне не оставят. Сулил показать зарытый клад. Призывал всех святых.

Но Чика его не слушал, рабочие кругом злобно хохотали, осыпая его руганью. Всем было обидно. Ведь этакий мерзавец вокруг пальца их обвел.

Когда его подтащили к столбу и уже накидывали на шею петлю, он еще успел крикнуть:

— Помогите меня! Ни одной пушки своему вору Емельке не сделаете.

Через минуту грузное тело управителя тяжело обвисло на высокой перекладине, а перед самой головой, точно нарочно, чтобы скрыть от людей страшное синее лицо, качался большой заводский колокол.

Глава пятая

— Немца покуда в дом отведите и караул представьте, — приказал Чика, — а вас всех, работные люди, милую. Работайте лишь. Великий государь вас наградить велел. Тысячу рублей денег со мной прислал.

Со всех сторон раздались радостные крики. О Беспалове никто больше не вспоминал, точно он и не висел страшной тушей посреди площади.

Чика махнул рукой и, позвав с собой Антипова и Илью, пошел в управительский дом.

Рабочие весело расходились по домам.

К Акиму подошел Цыган и хлопнул его по плечу.

— Твоя была правда, Аким Федорыч, — сказал он. — Дурни мы, выходит, были. Ну, да ладно, наверстаем. Никуда не уйду, покуда Петру Федоровичу пушек не на сверлю. Болванки лишь отливай правильнее.

— Не идет мне с ума, что тот злыдень напоследок крикнул, — сказал Аким.

Цыган захохотал.

— Еще чего! Стоит голову ломать! С того свету, чай, не придет пакостить. Похозяйничал — и будет. Пуццай ему теперь вороны глаза выключот.

Когда Аким уходил с опустевшей площади, зловещие птицы описывали круги над мертвым телом.

Навстречу Акиму, размахивая длинными руками, бежал, весело ухмыляясь, Федька.

— Аким Федорыч! Може, горн-то еще раз почистить да Захарке велеть дров навозить. Завтра поране затоплять, верно, будем.

— Ладно, Федька, — сказал Аким, — заготовь там все. Пойду, медь да олово велю привезти.

Аким пошел к управительской усадьбе, вызвал Антипова и сказал, что без немца теперь не обойтись. Он один знает, сколько на пушки надо меди и сколько олова.

— Ну так чего ж, — сказал Антипов. — Идем! Где у вас медь хранится? А за немцем я пошлю.

Через две минуты к двери амбара, где они дожидались, пришел не один немец, а двое. За надутым, сердитым Мюллером шел перепуганный, заплаканный Михель. Он озирался кругом, боясь, должно быть, что с ними сейчас будет то же, что с Беспаловым.

Аким объяснил Мюллеру, чего им от него надо. Мюллер в ответ что-то быстро заговорил по-немецки.

Аким сказал, что немец согласен, но только чтоб ни Аким, ни Антипов не входили в амбар, он не хочет выдавать им своего секрета.

Антипов усмехнулся и махнул рукой. Аким отворил принесенным ключом замок, отодвинул засов и впустил в амбар обоих немцев.

Только что Антипов стал спрашивать Акима, как это он так понимает по-немецки, как из двери, весь красный, с топорщившимися как у кота усами, выскочил Мюллер и крикнул:

— Da giebt's kein Zinn! Nur Kupfer! Doch Zinn nicht.¹

Аким сразу весь побелел и, оттолкнув немца, ворвался в сарай, широко распахнув двери.

— Что? Что такое? — спрашивал, догоняя его, Антипов.

— Олова нет! — крикнул Аким таким отчаянным голосом, что и у Антипова и у немца мороз подрал по коже.

Все четверо стояли теперь посреди каменного амбара. В широко открытые двери щедро вливался яркий свет солнечного зимнего дня.

У левой стены поблескивали сложенные штабелем штыки красной меди, а у правой, там, где раньше лежало олово, было пусто. Не веря своим глазам, они подбежали к стене, — на каменном пыльном полу ясно выделялся темный квадрат, показывая, что еще совсем недавно тут что-то лежало.

— Вот... тут... тут! — выкрикивал Аким, указывая рукой на темный квадрат пола. — Тут оно, олово... Сгубил, всё сгубил, пес проклятый! Чужал я...

Немец кивнул головой.

— Да постой ты, Аким, — Антипов положил руку на плечо дрожавшего от ярости Акима. — Может, в другое место куда переложил? А нет, нового достанем олова. Неужто не найдем?

Аким затряс головой.

— Нигде не достать. Привозное оно... Хозяин прислал. Знал, дьявол тот, что без ножа зарежет.

— Ведь не на тот же свет уволок, — сказал Антипов. — Искать будем.

Немец дернул Акима за рукав и быстро заговорил по-немецки.

Аким слушал сначала нехотя, а потом понял, что дельное что-то немец говорит.

— Он говорит, — повернулся Аким к Антипову, — что можно те три болванки перелить, что потрескались. Он знает, сколько в них надо меди прибавить, чтоб вышли правильные.

— Ну что ж, и на том спасибо, — сказал Антипов. — Пускай тотчас меди отвесит, сколько надо, а ты вели те

¹ Там нет олова. Только медь. А олова нет.

болванки в свой сарай принести. С утра и начинай. А мы покуда искать станем.

По заводу быстро разнесся слух о странной пропаже. Рабочие знали, что без олова пушек не выльешь, и к Акиму то и дело подбегали с тревожными вопросами. Некоторые давали советы, где искать. Беспалова ругали на все корки. Для многих пропажа олова сулила долгие праздники, но этому никто не радовался. Акиму даже легче немного стало, когда он увидел, как все горюют.

С утра на другой день началась переливка испорченных болванок. Аким и немец, оба не отходили от горна. А все незанятые рабочие вместе с Антиповым без усталости обшаривали сараи, мастерские, мельницы. Искали даже в хлевах и в конюшнях. Не забыли и церковь, но все попусту.

Так прошло три дня. Новые болванки остыли, и первую опять сдали Цыгану. Аким сидел в своем сарае, ни с кем не разговаривая, но немец подошел к нему и ободряюще хлопнул по плечу:

— Alles wird noch gut sein,¹ — сказал он.

Аким удивленно поднял голову. Первый еще раз немец заговорил с ним не по работе.

Из мастерской Цыгана весь день доносился равномерный свист металла.

Вечером Цыган вышел во двор. Он подбоченился, встряхивая лохматыми кудрями, а черные глаза его весело сверкали.

— Как по маслу идет! — громко крикнул он, увидев Акима. — Видишь, не во мне, стало быть, причина. Болванка хороша, так уж я-то не подгажу.

Он посматривал кругом, ожидая, что его сейчас начнут расхваливать.

Но один Аким сказал спокойно:

— Вот и ладно, Ферапонт. Молодец!

Пропажа олова мешала всему.

У каждого шевелилась мысль: «Три пушки — дело малое. А дальше-то что? Неужели не наделаем больше царю пушек?»

Цыган махнул рукой и ушел в мастерскую. Небось, как неудача, так волком на него все глядят, а как хорошо, так будто и ни при чем он.

¹ Всё еще будет хорошо.

Подошел третий день. Последнюю болванку передали в сверлильню. Первая переходила из одной мастерской в другую. А штыковой горн сиротливо стыл.

В обед Захар попросил у Акима ключ от того амбара, где хранились медь и олово.

— Зачем тебе? — сказал Аким с досадой. — Думаешь, нечистая сила нам глаза отвела? Небось, в четыре пары глаз глядели — нет там ничего. Одна медь. Да куда она без олова!

— Дай, дяденька Аким, ну чего тебе, — приставал Захар. — Кызметь просит.

— Кызметь? — удивился Аким. — Ему на что?

— Говорит, — не выносил, мол, Беспалов олово из амбара.

Аким махнул рукой и сердито усмехнулся.

— Дурень твой Кызметь. Говорю, — четверо нас глядело. Не один же там кусок олова — в щель не засунешь. На тебе ключ, бери, назад только принеси. Еще медь сгинет.

Аким снял с пояса тяжелый ключ и дал Захару.

Захар побежал к амбару, где его ждал Кызметь.

Амбар этот стоял на отшибе, позади конторы. Ходить в него было незачем, и его давно совсем занесло снегом. Только та тропочка, что протоптали три дня назад Аким с Антиповым и с немцами, виднелась среди глубокого снега. С тех пор стояла ясная погода, и ее не успело занести.

Кызметь внимательно присматривался к узенькой тропке.

— Ну, чего тут нагядел? — спросил Захар, подбегая.

— Нэ носиль правитель олов, жок, — твердо сказал Кызметь. — Там, — он кивнул на амбар.

Захар покачал головой.

— Думаешь, и вправду нечистый глаза отвел? — сказал он и с усилием повернул в замке огромный ключ. С помощью Кызметя он отодвинул засов и распахнул тяжелые двери.

В амбаре все было попрежнему. По левой стене возвышался штабель брусков, или штыков, красной меди, а по правой было пусто. Только на каменном полу все так же выделялся большой темный квадрат. Олова нигде не было. Захар оглядел пустой сарай,

— Ну, видишь, — сказал он Кызметю, — нет и нет, и глядеть нечего.

Но Кызметь, не слушая его, подошел к темному квадрату, пересек его, стал на четвереньки в одном углу и пополз по квадрату вдоль его края, сначала по той стороне, которая ближе к двери, потом по той, что напротив стены, и, наконец, по третьей, дальней.

Захар следил за ним, не сводя глаз.

Опять почти до самой стены дополз Кызметь и, вытянув шею, долго всматривался в каменный пол за квадратом. Захар все следил за ним, не смея передохнуть. Пол в этом углу сарая был, как ему казалось, такой же, как и во всем сарае, только будто чуть потемней, пыли поменьше. Кызметь вдруг прищелкнул языком, гибким движением поднялся на ноги и бросился к правому, дальнему углу амбара. Там он присел на корточки и стал внимательно разглядывать каменную плиту в углу сарая. Оглянувшись на Захара, он поманил его. Захар подошел и присел рядом с Кызметем.

Кызметь поднялся, сделал шаг в сторону, нагнулся и провел пальцем по краю одной из плит; она почти не отделялась от соседних, щели между плитами были тщательно замазаны и покрыты пылью, и плиты совсем сливались одна с другой. Потом Кызметь вернулся в угол, опять присел и показал Захару щель вокруг угловой плиты. Ни замазки, ни пыли там не было. Щель, хоть и не широкая, отчетливо чернела по краям плиты.

Кызметь ударил ладонью по плите.

— Там, — сказал он уверенно. — Олов там. — И он указал пальцем в землю.

Захар, широко раскрыв глаза, смотрел на Кызметя.

— Подземелье, стало быть, тут? — произнес он неуверенно. — Так, что ли? Ну и ну. . . Кабы так. А только не поднять нам с тобой той плиты — тяжела больно.

Кызметь кивнул головой.

— Ты постой здесь. Не уходи, смотри. И никого не пускай! — крикнул Захар, вскочив на ноги. — Я — духом.

Он выбежал из сарая, притворил за собой двери и со всех ног помчался через площадь к сверлильной мастерской.

— Дяденька Ферапонт! — звонко крикнул он, врываясь в мастерскую, где Цыган не сводил глаз с сверла, сверлившего третью болванку. — Лом у тебя есть?

Цыган сердито поднял голову.

— Ошалел, малый. Не видишь, работаю я.

— Дяденька Ферапонт, — не робея продолжал Захар. — Без тебя, вишь, не поднять. Больно велика плита.

— Да ты чего, Захарка! — крикнул, совсем рассердясь, Цыган. — Брешешь, сам не знаешь чего. Кто прислал-то тебя? Аким, что ли?

— Кызметь... — начал Захар.

— Тьфу! — с сердцем отпихнул его Цыган. — Косоглазый твой еще чего тут?

— Да олово там, дяденька Ферапонт! — с отчаянием крикнул Захар.

Цыган выпрямился.

— Олово? Врешь! Где там? — Он повернулся к станку, что-то там сделал, после чего колеса стали медленно останавливаться и сверло замерло. Потом он достал в углу лом и подошел к Захару.

— Ну, веди. Где твой косоглазый чего нашарил?

Захар быстро побежал назад к амбару. Цыган, широко шагая, еле поспевал за ним.

У амбара Захар остановился.

— Да ведь оттуда и спер он, дьявол, — где ж ему там быть? — сказал Ферапонт.

— Ты погоди, дяденька. Ты погляди лишь, — тащил его за руку Захар.

Ферапонт неохотно вошел в амбар. Кызметь попрежнему сидел на корточках в дальнем углу.

Захар побежал вперед, стал на колени и, оглядываясь на Цыгана, говорил, проводя пальцем по щели:

— Видишь, дяденька, отстает. Не как другие. Не замазана. Ну-ка, приподнять бы ее.

Ферапонт присел, поглядел внимательно. Потом встал, засунул лом в щель и налег на него всем телом, чтоб приподнять плиту. Она не поддавалась.

Кызметь прополз к другому краю плиты и, показав место, где щель немного шире, хлопнул по нему и сказал:

— Сдэсь.

Ферапонт удивленно взглянул на него, шагнул в ту сторону, просунул лом и опять налег на него.

Толстая плита стала медленно приподниматься.

— Держи лом, — сказал Цыган Захару. — Налегай.

Сам он наклонился, ухватился обеими руками за край плиты и одним сильным движением поднял ее. Оказалось, что с противоположной стороны в край плиты были вделаны петли, на которых она держалась, откидываясь, как крышка люка.

Из черного отверстия пахнуло холодом и сыростью.

— Захарка, — заговорил Цыган тихонько, точно тайком от кого. — Беги к сторожу управительскому, у него фонарь есть. Скажи, — Антипов, мол, велел.

Захар молча кивнул и побежал. Через две минуты он вернулся с зажженным фонарем.

— Двери-то запри! — скомандовал Цыган.

Захар послушно запер дверь и передал фонарь Цыгану. Цыган присел и опустил фонарь в отверстие. Оба мальчика легли на землю и заглянули в подземелье.

Мрак медленно рассеивался, и выступали узкие ступеньки крутой каменной лестницы.

Кызметь легко перевернулся, свесил ноги в дыру и стал быстро спускаться.

— Держи фонарь, — прошептал Цыган.

Кызметь взял в одну руку фонарь, соскочил с лестницы и поднял фонарь над головой. Когда он его поворачивал, из темноты выступали сырые, покрытые плесенью стены, и вдруг у одной стены блеснула беспорядочная куча тусклых брусков, наваленная на земляном полу подземелья.

— Олово! — крикнул Захар приглушенным голосом.

— Оно самое, — прогудел Цыган. — Ну и шельма ты, Кызметь, — прибавил он с восхищением, удивленно смотря на башкирца. — Да как же ты это прознал? Вылазь теперь. Акиму надо сказать, Антипову. Молодец! — повторил он. — А мы-то дурни! Идем живо. Или нет, погодь. Можешь брусок один поднять?

Цыган лег и протянул вниз обе руки. Кызметь поставил фонарь и с усилием поднял верхний брусок, поднялся на несколько ступенек и передал его Цыгану.

Цыган без всякого напряжения встал, перехватил брусок одной рукой и позвал обоих мальчиков.

Выйдя из амбара, они закрыли дверь, задвинули засов и замкнули замок. Ключ Захар взял себе.

Цыган поднял перед собой брусок олова и засмеялся.

— Олово, чего там! — крикнул он. — Ну, мальцы,

живо! — И он зашагал так, что они бегом еле попевали за ним.

Встречные, увидев в руке у Цыгана брусок олова, останавливались, разинув рот, и потом бежали за ним, осыпая его вопросами. Но он ничего не отвечал, только ускорял шаги. Захар тоже молчал, но лицо его все блестело, точно масленичный блин.

Когда Цыган подошел к сараю Акима, его окружала уже целая толпа.

Федька выскочил первым и, завидя олово, закричал во всю глотку:

— Аким Федорыч! Аким Федорыч! Иди скорей!

Аким вышел с нахмуренным, недовольным лицом.

Увидев олово в руках у Цыгана, он бросился на него, точно голодный на хлеб, и обеими руками схватился за брусок.

— Да олово, чего там! — прогудел Цыган. — Всё там. Целехонько!

Аким глубоко перевел дух, прижимая к себе брусок и глядя на Цыгана счастливыми глазами.

— Господи! Вот радость-то! — повторял он. — Да как же ты нашел-то его?

— Не я, — весело сказал Цыган. — Вон шельма косоглазая вынюхал. — Он оглянулся и махнул Кызметю, молча стоявшему в толпе.

Башкирца вытолкнули вперед. Его осыпали вопросами, удивленно оглядывали, точно первый раз увидели.

— Кызметь! Да как же это ты? Да где ж было-то оно? — кричали со всех сторон.

Кызметь молчал, весело скаля белые зубы.

— Стойте вы! — крикнул, выскакивая вперед, Захар. — Не сказать ему. Я вам тотчас все скажу.

— Ну, ну, говори! Сказывай! — раздался голоса.

— Он, Кызметь, он всякий след найти может, — начал Захар с гордостью. — Он все круг того амбара похаживал. Искал, стало быть, куда наш криворожий олово уволок. Ну, и говорит мне: «Жок, мол, — нет поихнему, — не выносил», — из сарая то есть. Следу, стало быть, нету. Я было думал, — спятил малый. А он в амбар просится. Ну, я и выпросил у дяденьки Акима ключ, впустил его. Гляжу, он — ну чисто собака — на корточки и ну вынюхивать. А там в угол как скочит. «Тут», — говорит. Ну, я той же час за дяденькой Ферапонтон, он плиту

поднял, а там — подземелье, а в нем этого самого олова видимо-невидимо.

— Ну и косоглазый! Молодца! То-то шельма! — кричали кругом.

Весть о находке олова молнией облетела завод. Все побросали работу и скоро так запрудили площадь, что к сараю Акима не подойти было. Сам Антипов еле протискался и бросился к Акиму, стоявшему в дверях и не выпускавшему из рук брусок олова.

— Ну, вот. Говорил я, — найдем. Слава богу! Говорят, — башкиренок нашел. Где он? Чика велел к нему его привести. Наградить хочет. Ну, а мы за работу, Аким. Так, что ли?

Аким радостно кивал в ответ.

— Завтра же начнем, — сказал он. — Сейчас надо отрядить туда охотников — повытаскивать из подземелья. Сыро там, как бы не попортилось.

Антипов усмехнулся.

— Охотников-то гляди сколько. Кого хочешь, бери. Ишь, рады как.

На площади, и правда, было веселье, какого давно не видел завод. Захара и Кызметя тащили в разные стороны, заставляли десятки раз пересказывать то же самое, хлопали Кызметя по плечу, радостно хохотали, один совал ему пряник, другой предлагал свистульку.

Кызметь совсем растерялся и только оглядывался во все стороны, весело щуря узкие глазки и скаля зубы.

Аким отобрал пять человек и пошел к амбару. Толпа повалила за ним. Но у дверей амбара Аким остановился и сказал, что всем входить нельзя. Войдут только они с Антиповым, Захар с Кызметем, Цыган и еще пятеро рабочих.

Антипов прибавил, что, когда олово перетаскают, двери откроют, чтоб все, кто хочет, могли на него посмотреть, а теперь пора за работу.

Понемногу все разошлись.

Глава шестая

Только теперь, когда в амбаре лежали запасы меди и олова, Аким стал радоваться по-настоящему, что немец научил его исправить первые три болванки.

За новые они только что принимались, а первая пушка уже совсем почти готова была.

Чика велел, как только ее закончат, показать ему.

Гаубица вышла на славу, и ядра для нее были тоже отлиты.

Назначили испытание. С утра пушку поставили на передок, и рабочие сами с песнями и криками выкатили ее из передних ворот.

На опушке леса, против ворот, поставили большой деревянный щит.

Как только ударил обеденный колокол, рабочие со всего завода опроретью кинулись в ворота и запрудили весь пустырь по обеим сторонам от ворот.

Чика, Антипов, Аким, немец окружили пушку. Антипов сам зарядил и навел на цель.

Все затихли и с напряжением уставились на новую гаубицу. Бабы, высыпавшие из поселка, крестились. Даже немец еще больше покраснел и отдувался, топорща усы. Аким стоял весь белый, прижимая к груди обе руки и ничего не видя, кроме этой первой гаубицы, из-за которой он столько перемучился.

Чика дал знак, и грянул выстрел. Щит разлетелся в щепы, а гаубица слегка дымилась, такая же блестящая, как раньше.

На пустыре поднялся сразу такой галдеж, что не то что выстрела — целого залпа не услышали бы. Аким тоже махал обеими руками и, весь красный, радостно кричал. Никогда в жизни он не был так счастлив.

Чика поднимал руки, пытался что-то сказать, но его никто не слушал, весь завод точно обезумел от радости.

Наконец, Чика, сам тоже раскрасневшийся и веселый, велел казаку зарядить ружье и выстрелить в воздух.

Только когда внезапно раздался выстрел, крики затихли, и Чика мог заговорить. Он встал на лавочку у ворот.

— Спасибо, заводские люди! — громко, на весь пустырь загремел его голос. — Вижу я, что вы великому государю радеете. Зато и вас государь награждает. Всем работным людям дарствую от государя по полтине, а кто над пушкой работал, — по рублю. Ферापонту-сверлильщику — рубль с полтиной, а Акиму Федорову — два.

Радостные крики заглушили опять его голос, но он замахал руками, и толпа понемногу стихла.

— Слушайте! Не все я сказал! Еще немцу Мюллеру с помощником за то, что он для нашего государя потрудился, жертвую десять рублей и за каждую пушку, что выйдет исправна, по десяти рублей будут получать. Только пусть на государя работают!

Мюллер важно кивнул, разглаживая пушистые усы.

— Тотчас же, — продолжал Чика, — надо эту гаубицу отправить к государю в Берду. А вы за другие принимайтесь. . . Те две, что ноне в работе, я с собой заберу. Государь Петр Федорович меня под Уфу посылает — очищать ему дорогу в Москву. Как гаубицы готовы будут, так я и выеду и Илью возьму. И из вас, кто стрелять умеет, десятка три охотников заберу. А из моих казаков два десятка вам для охраны оставляю. Управителем у вас назначаю Якова Антипова. Его слушайте. И работайте государю со всем усердием.

— Будем работать! Рады радостью! Послужим государю! — отвечали веселые голоса.

Чика ушел к себе, а рабочие повалили к конторе получать деньги.

Аким с тревогой прислушивался к песням и пьяным крикам, раздававшимся в поселке до позднего вечера.

Но на другой день по колоколу все были на своих местах.

Завод работал усердно и весело.

Один Захар ходил скучный. Опять забирают с завода охотников в казаки, а он опять остается возить дрова. Проситься он не решался. Чика сказал, что заберет, кто умеет стрелять, а он ведь так и не научился, времени не было.

В обед Захар повстречал Илью.

— Ты чего ж, Захарка, не идешь в контору? Там пиарь записывает, кто с Чикой на Уфу идет.

Захар разинул рот и смотрел на Илью, не понимая, что тот говорит.

— Ну, чего уставился? — спросил Илья. — Ты ж говорил, в казаки хочешь? Чика сам вспомнил. Сказал: «Доверенного моего не забудь». Или раздумал?

Захар вцепился в руку Илья.

— Да неужто правда? — закричал он, прыгая на одном месте. — Не врешь? Господи! Да я. . .

Вдруг лицо его опять потемнело.

— Стрелять-то я, — забормотал он, — не шибко умею.

— Не шибко? — засмеялся Илья. — Вовсе, чай, не умеешь? Ну, еще три дня впереди. Попроси Турку или Федота, чтоб научили тебя зарядить да выстрелить. Ну, а попадать научишься, как сражаться станем. Беги скорей, а я Акиму скажу, чтоб другого кого взял дрова возить. И башкиренку своему скажи: Чика и его хочет взять. В разведчиках он будет.

Захар опрометью кинулся в контору записываться, а оттуда в деревню, где поселили казаков, — просить, чтоб научили его стрелять. Он поверить не мог своему счастью.

Все три дня Захар не выходил из деревни, даже ночевать домой не прибегал. Боялся — вдруг Аким не пустит его, скажет, что надо работать на заводе, пушки лить. Захар хорошо понимал, что царю пушки нужны, — только пусть уж Аким и другие лют их, только не он. А он будет воевать за царя.

Глава седьмая

Через три дня отряд Чики выступал из Воскресенского завода.

Впереди ехали Чика с Ильей, а сразу за ними на высокой лошади, в высокой казацкой шапке, Захар с ружьем за спиной. Широкое курносое лицо Захара так сияло, что, кажется, будь ночь, от него бы свет шел, как от фонаря.

Рабочие высыпали на пустырь провожать Чику. Аким стоял у самых ворот. Поравнявшись с ним, Захар придержал лошадь, снял шапку, тряхнул остриженной в кружок по-казацки головой и крикнул:

— Видишь, дяденька Аким, я ноне казак и стрелять умею!

— Ну, с богом, Захар, — проговорил Аким, — воюй за батюшку-царя, добывай нам волю.

Увидев позади Кызметя на его косматой лошаденке, с луком и стрелами за плечом, Аким подманил его и, когда тот подъехал, сказал ему тихонько:

— Ты, Кызметь, того... поглядывай за Захаркой. Глуп он, не сносить ему головы. Будет, куда и не надо, соваться.

Кызметь с важностью кивнул головой.

— Зах-хар мин брат, одна кровь. Мин нэ даваль Захар убивать.

Аким усмехнулся и ласково поглядел на башкирца.

Глава восьмая

После отъезда Чики завод заработал, как никогда. В том же подземелье, где было спрятано олово, нашлась и заводская казна — целых десять тысяч рублей, и Антипов решил не скупиться. За каждую новую пушку он платил рабочим по полтиннику, а за снаряд по алтыну. Муку и крупу выдавали даром из заводских складов.

Посланный с первой гаубицей вернулся из Берды с милостивым указом от военной коллегии Якову Антипову. Гаубица была там испытана и оказалась исправной.

— Ну, Аким Федорыч, — сказал Антипов, — слава богу, почин сделали. Теперь лишь бы побольше наделать Ишь, Оренбург не сдастся и не сдастся. А куда не возьмет его Петр Федорович, и на Москву ему ходу нет. Главное, они в нас из амбразур палят, а мы в стены да в земляной вал. А вал разве прошибешь?

Антипов не заметил, что их разговор с Акимом слушал немец.

На другой день немец подошел к Акиму и спросил его, правда ли, что их царь не может взять города потому, что пушки стреляют в стену, а в город не попадают.

Аким кивнул.

Немец подошел ближе к Акиму и заговорил тихим голосом, чуть не в самое ухо, хотя все равно, кроме Акима, его никто не понимал.

Он сказал, что можно отлить такую пушку, которая будет стрелять через самую высокую стену и разрушать дома в середине города.

Аким вскочил и схватил немца за обе руки.

— Гут, зер гут! ¹ — крикнул он. — С такой пушкой Петр Федорович живо Оренбург возьмет. За нее Антипов тебе двадцать рублев даст.

Немец покачал головой.

¹ Хорошо, очень хорошо.

— Geld ist mir nix, — сказал он. — Ihr musst sehen, was ein deutscher Meister leisten kann. ¹

Аким с удивлением посмотрел на Мюллера. Тот подумал, что Аким его не понял, и повторил по-русски:

— Ви будет знайт, немец мейстер то сделает, что руски нэ мошет — nein. ²

Глаза у немца сверкали и усы поднялись вверх.

Аким усмехнулся.

— Ладно, немчура, дай срок, научимся.

Но немец энергично замотал головой.

— Nein, — повторил он. — Я сам делал, показать нэ будем.

— Ну, бог с тобой, — сказал Аким. — Не показывай. Лишь бы пушка была, как сказал.

С этих пор немец заперся у себя и занялся чертежами.

Аким рассказал Антипову, и оба они не могли дождаться, когда можно будет отливать новую пушку. Аким сказал Антипову, что пушка эта мортира, да не такая, как все, а особенная, зовется единорог.

Немец сам приготовил и глиняную форму — опоку — по своему чертежу.

Все время, пока шли отливка, сверление, обточка, чистка новой болванки, немец не знал покоя. Он постоянно заходил в мастерские и всё таскал с собой Акима, чтобы тот объяснял мастерам его указания.

Наконец, через три недели единорог был готов.

Антипов назначил испытанье.

Немец предлагал вывезти единорог на опушку и оттуда выстрелить через весь завод на другую сторону, туда, где к заводской стене вплоть примыкает гора. Но Антипов не согласился. А вдруг немец просчитался, и снаряд попадет прямо в середину завода или разрушит стену, — у них ведь стена деревянная.

Он предложил стрелять с пустыря в лес. Коли ядро перелетит через высокие сосны, не задев, и упадет на поляну, стало быть, и через вал со стеной перелетит.

Немец тщательно вымерил расстояние от пустыря до поляны и сказал, что ладно, пусть будет, как Антипов хочет.

¹ Деньги мне нипочем. Вы должны видеть, что может сделать немецкий мастер.

² Нет.

Опять весь завод высыпал на пустырь. Рабочие посмеивались, глядя на красного, озабоченного Мюллера.

Антипов подал знак, Мюллер вложил запал, и огромное ядро со свистом вылетело из широкой пасти приземистой, точно жаба, пушки.

Где-то далеко послышался глухой удар.

Все мальчишки, а за ними и взрослые рабочие кинулись в лес. Позади, отдуваясь, спешил Мюллер с Акимом и Антиповым.

Все трое шли, задрав головы, но нигде не видно было срезанных верхушек.

Они еще не дошли, когда навстречу им донеслись радостные крики.

Аким побежал вперед. Огромное ядро, видимо с наивеса, рухнуло на поляну, разбив в щепы с самой верхушки старый дуб, росший на краю поляны.

Немец стоял среди поляны, самодовольно расправляя усы, и сверху вниз смотрел на толпившихся рабочих.

Антипов тоже весь сиял.

— Вот это так подарок будет батюшке-царю! — крикнул он. — Скажи ему, Аким, что государь его примерно наградит.

Аким покачал головой.

— Не желает он, — сказал Аким. — Это он чтоб в нос нам ударить. Вот, дескать, каковы немцы, а мы-де, русские, дурни. Из его рук смотреть должны.

— Ну, и черт с ним, когда так. Благо сделал. Надо скорей посылать.

Единорог со снарядами сразу же отправили в Берду и с волнением ждали ответа.

Ответ пришел скоро, через восемь дней.

Читал его Аким в управительском доме, где жил Антипов. Антипов велел позвать немца, Цыгана и всех старших мастеров, работавших над единорогом.

Посмотрели на указ — свиток толстый, — стало быть, указ длинный — может, ругают их, с чего мудрить вздумали. Все сидели, точно на горячих угольях, один немец развалился на стуле и гладил усы, точно не его дело, — правда, он не очень понимал книжную речь.

— «Указ его императорского величества, самодержца всероссийского, — начал Аким, — из государственной военной коллегии на Воскресенский завод полковнику Якову Антипову.

На рапорт ваш, пушенный от 22 сего ж, при котором отправлено одна малая мартира и притом один секретный единорог, через казака Федора Карпова исправно получено. Да и впредь на изготовленную модель о вылитье другого секретного ж единорога государственная военная коллегия по имянному его императорского величества повелению, определяет. . .»

— Понравился, стало быть, — перебил Антипов, оглядывая всех повеселевшими глазами. — Ишь, «по имянному повелению» такой же делать велят. Сам государь, значит, смотрел.

Все облегченно перевели дух и задвигались. Один немец сидел все так же важно.

— «Ежели против присланного единорога, — читал дальше Аким, — изготовленная модель, то даруй бог щастие — пустить».

— Слышишь, Мюллер? — не утерпел Антипов. — Такие же велит государь еще делать.

Немец самодовольно улыбнулся. Ничего другого он и не ждал:

— Ну, читай, Аким, — с досадой сказал Антипов.

— «А впредь стараться средней хотя и малой руки до сколько вам рассудится. И протчаго, что принадлежит до его величества интереса, в том полагая на ваше попсечение и благоискусство. По сему учинить вам по его императорского величества указу.

Дан в нашей государственной военной коллегии генваря 27 дня 1774 года.

*Иван Творогов.
Секретарь Максим Горшков.
Повытчик Семион Супонин».*

Антипов встал и подошел к немцу.

— Ну, господин Мюллер, — сказал он, — хоть ты на нас и плюешь, а мы все-таки с дорогой душой спасибо тебе сказываем. Через тебя теперь наш государь Оренбург возьмет. Это уж верно.

И Антипов в пояс поклонился немцу.

Первый раз в самодовольном лице Мюллера что-то дрогнуло. Он тоже встал, потряс руку Антипова и проворкотал:

— Ich danke. Ich bin zufrieden.¹

— Что? Что он лопочет? — спрашивали рабочие.

— Благодарит тебя, Яков Антипыч, — перевел Аким. — Рад, говорит.

— Ну и ладно, — сказал Антипов. — Только бы дальше работал. Будешь, что ли, работать? — обратился он к немцу.

Немец кивнул и пошел из комнаты.

— Как можно налечь надо, ребята, — заговорил Антипов. — Сразу бы побольше наделать, да и послать полную батарею. Ишь, просят стараться, доскольку нам рассудится. Видно, нехватка у них. А как пришьем, они, надо быть, на штурм пойдут да враз и возьмут Оренбург. Давайте-ка месяца за полтора десяток отольем, да сразу и вышьем. Можно б и извещение им послать, чтсбы ждали. Как думаешь, Аким, справимся?

— Справимся. Как не справиться? Часу не пророним.

Мастера столпились вокруг Антипова. У всех были возбужденные, радостные лица.

— Сделаем! Справимся! За нами остановки не будет! — говорили все.

— Главное, февраль уж, — сказал Аким. — Коли в марте не пойдет государь на Москву — развезет дороги, реки тронутся. Придется лета дожидаться.

Утром на площади перед началом работ Антипов рассказал рабочим, что царь прислал указ, — секретный единорог оказался хорош, им приказано еще такие же лить. Сказал он также, что пушек у царя не хватает и из-за этого он все не может взять Оренбург. Надо наделать побольше пушек, тогда Оренбург наверно сдастся. А уж как Оренбург сдастся, он, Антипов, такой им праздник устроит, какого они не видали. Всем не по полтине, а по рублю даст и угощенье от завода выставит — пускай гри дня гуляют.

Рабочие кинулись на работу, как волки на добычу. Сами просили, чтоб на час раньше колокол звонил, чтоб поскорей пушки и ядра наготовить. И погулять хотелось, да и лестно тоже — возьмет государь Оренбург, а они будут знать, что это из-за них, их пушками. Но хоть и спешили все, а работали на совесть... Только к благове-

¹ Благодарю. Я доволен.

щенью¹ все десять пушек были готовы — два единорога, два дробовика, две мортиры и четыре гаубицы.

Двадцать четвертого марта всех их испытали, и все оказались исправны, хоть сейчас в бой.

Отсылать решено было в самое Благовещенье, после обедни и молебна в путь шествующим.

Пушки на этот раз провожали, точно невест к венцу. Выставили их в ряд на площади, девки разукрасили их лентами. Перед ними отец Варсонофий и молебен служил, чтобы довезти их в сохранности.

Все для праздника нарядились, бабы сарафаны цветные понадевали, девки мониста на шею навесили, в косы ленты пестрые вплели, благо день выдался тихий, теплый — первый весенний день в этом году. Аким даже головой покачивал, — как бы не развезло дорог раньше времени, да нет, ничего, лед, слышно, еще крепкий на Белой.

После молебна сразу же стали обоз готовить. Правда, отец Варсонофий поморщился — Благовещенье большой праздник, птица гнезда не вьет. Но потом разрешил. Какая ж это работа — обоз снаряжать, не работа, а праздник.

С песнями выкатили из сараев сани, с песнями укладывали на сани пушки, передки, зарядные ящики. Обоз огромный вышел — больше двадцати возов. И за каждым возом еще две запасные лошади привязали. По бокам выстроилась охрана — Антипов отправлял с обозом двадцать казаков. Слухи ходили, что по дорогам не тихо, а груз дорогой, не одна пушка, — надо поберечь.

Наконец, всё приготовили, отец Варсонофий для верности еще раз святой водой покропил — и обоз тронулся.

Заводские песенники к этому времени новую песню разучили, из-под Оренбурга ее занесли, и как только лошади тронулись, хор грянул:

Наши в деле не робеют,
Всякий хочет город взять.
Неприятель ослабев,
Станет в город сам пускать,
Закричим «ура!» — мы взяли.
Потрясутся стены, вал.

¹ Благовещенье — большой церковный праздник, праздновавшийся 25 марта.

Когда бомбы уж метали,
Город наш бесспорно стал!

Вся толпа подхватила и валом повалила за обозом. Мальчишки бежали впереди, кричали «ура», кидали вверх шапки. Как с такими пушками да с такими песнями не взять Оренбурга!

Рабочим казалось, что он уже и взят, и царь идет прямо на Москву, так им всем было весело.

Пустырь сразу заполнился шумной, веселой толпой. Один из рабочих вскочил на пушку и предложил проводить обоз.

— Вот это ладно! Проводим! Отчего не проводить? — закричали со всех сторон.

Обоз остановили. Мальчишки высыпали с визгом и криками вперед, девки просили подождать малость — они сбегают домой, захватят полушубки, а то замерзнут. Даже старики хотели идти. Бабы ребят тащили. Собрались точно на светлый праздник. Наконец, все были в сборе. Девки с визгом и хохотом взобрались на пушки.

Хор опять затянул:

В барабаны когда грянут,
Кровь казачья закипит.
Все готовы к бою станут,
Всякий рад колоть, рубить.

И обоз двинулся в путь. Но тут навстречу ему из лесу выехал на опушку всадник. За шумом и песнями никто не слышал лошадиного топота.

Перед надвигавшейся толпой лошадь сразу уперлась задними ногами в землю, и всадник чуть не перелетел через голову.

Высокая казачья шапка слетела с него, и он с трудом удержался в седле, схватившись за луку.

Песня замолкла, его окружили.

Казак как будто, оборванный весь, бледный. Гнались, что ли, за ним? Его засыпали вопросами. Но он только с удивлением поводил глазами, силясь заговорить.

— Воскресенский горный завод, что ли? — пробормотал он наконец.

— Он самый. Воскресенский и есть! — закричали кругом.

— Антипова бы мне, — выговорил казак.

Антипов и сам протискивался к приезжему.

— Скобочкин, ты! — крикнул он, взглядевшись в казака. — Аль приключилось что?

— Поговорить бы с тобой, — ответил тот, слезая с лошади.

Антипов схватил его за руку и отвел в сторону от толпы к заводской стене. Проходя, он махнул Акиму, чтоб шел за ними. Толпа примолкла. Никто ничего не знал, словно туча вдруг нависла — не то пронесет, не то грянет так, что земля содрогнется.

— Ну, говори, с чем приехал? — тревожно спрашивал Антипов.

Скобочкин посмотрел на стоявшего неподалеку Акима.

— При нем можно, — коротко сказал Антипов.

— Беда, Яков Антипыч, — хриплым, застуженным голосом заговорил Скобочкин. — Разбили нас вконец — Голицын-собака. Кого побил, кого в плен забрал.

— Под Оренбургом?

— Там, поблизости, под Татищевой.

— А батюшка наш? — со страхом спрашивал Антипов.

— Силой из-под пуль наши выволокли. Жив.

— А... Оренбург?

— Сняли осаду. Биться нечем. Бойцов нет, пушек.

Казак внимательно посмотрел на толпу и первый раз увидел казаков и обоз с пушками.

— Слава богу, поспел, — сказал он.

Антипов с удивлением посмотрел на него.

— Как вы извещали коллегию, что готовите полную батарею, так Шигаев мне и говорит: «Скачи на Воскресенский, удержи, чтоб чертям тем не досталось. Они ноне, словно воронье на падаль, со всех концов на Оренбург гонят — и Мансуров, и Михельсон».

— А Петр Федорович? — опять нерешительно спросил Антипов.

— Батюшка наш на Белорецкий подался, там армию набирать будет, а оттуда на Магнитную. Туда и вам пушки велит везть, на Белорецкий, стало быть. Сразу же.

Антипов облегченно перевел дух — не всё, стало быть, пропало.

— Да, позабыл было, — заговорил опять казак. — Еще одно наказывал мне Шигаев. У них, говорит, на

заводе приказчик есть один шибко грамотный, извет он присылал и репорты с завода он же пишет. Вот по имени как, запомятовал я. Ипат, что ли?

— Аким, может? — перебил Антипов.

— Вот-вот, Аким и есть. Так его тоже велел на Бело-рецкий слать, в военную коллегия, секретарем. Грамотных-то у нас не осталось, как Горшкова убили. . .

— Горшкова убили! — крикнул Антипов. — Господи, вот беда-то! Он же великому государю все указы писал.

— Ну вот, а ноне некому. Шигаев, Витошков, Творогов, они рассудить могут, а по письменной части — не вразумил господь.

Антипов обернулся. Аким стоял рядом с ним. Губы у него были сжаты. Лицо как-то посерело. Но глаза смотрели прямо и решительно.

— Слышал, Аким? — спросил его Антипов.

Аким молча кивнул.

— Что ж, поедешь? — повернулся к нему Скобочкин.

— Поеду, — коротко ответил Аким. — Ты вели лошадь мне оседлать, — обратился он к Антипову.

— Так ты что ж? — удивился Антипов. — Неужели так сразу и поедешь?

— А чего ж, — ответил Аким. — Раз государю требуется. Не распрягать же обоз. С ним и поеду. Тулуп, валенки на мне, а хлеба, чай, на мою долю хватит. Здесь вы и без меня обойдетесь. Немцу только не говори про Оренбург — на что ему, — еще работать не станет.

Скобочкин внимательно слушал Акима.

— Ну, видать, Шигаев не прошибся, — сказал он. — Стоящего человека взял. Вы езжайте, — продолжал он. — Я вас живо нагоню. Передохну малость, лошадь сменю, да шей мне Антипов похлепать даст, — три дня горячего не ел. На восход прямо держите, в объезд завода.

— Ладно, — сказал Аким. — Я лишь работным людям кой-чего сказать хочу. Прощай, Яков Антипыч, не поминай лихом.

Он пожал руку Антипову и пробрался в средину толпы к обозу.

Толпа тревожно ждала, что будет дальше. Что-то случилось. Но что? Никто ничего не знал. Самые зловещие слухи передавались шопотом, пока Скобочкин говорил с Антиповым: «Петра Федоровича убили. . . Нет, пой-

мали, везут казнить. . . Теперь всех вешать будут, кто за ним пошел. . . Нас-то в первую голову — один наш завод на него работал, — так и звали: Петра III завод. . .» «Дождались. . . ишь, воли захотелось», — злобно шипели некоторые.

Аким подошел к саням, влез на пушку и махнул рукой. Правда, унимать некого было. И так все замолкли, жадно уставившись на него.

— Ребята! — необычно громким голосом заговорил Аким. — Казак приказ нам привез от великого государя Петра Федоровича!

Многие в толпе с удивлением переглянулись. «Жив, стало быть».

— Пушки, что мы отлили, не под Оренбург везть, а на Белорецкий. Там ноне государь.

Недоумение выразилось на всех лицах.

— А Оренбург-то как? — слышался голос.

— Оренбург оставил пока батюшка наш. Разбил там наше войско царицын генерал, князь Голицын.

В толпе слышались вздохи, всхлипыванья.

— Да вы что, ребята! — крикнул Аким. — Бабы, что ли? Думали, — без боя нам царица поддастся? На то и война. Сегодня они нас побьют, а назавтра мы их. Горевать нечего. Биться надо. А смекаете вы, чего Петр Федорович Оренбург не взял?

Аким обвел взглядом толпу. Все пристально смотрели на него, но никто не отвечал.

— Пушек не хватило — вот отчего. А кто повинен? Мы же и повинны. Нам когда великий государь велел пушки лить? Деревья еще зеленые стояли — вот когда! А мы когда посылаем — зима уж на исходе. Всю зиму мы сгубили — Беспалова проклятого слушали. Своей головы на плечах не было. Вот с того и беда на нас. А нам наука. Оренбург что! Была бы сила у государя — войско да пушки. Он и без Оренбурга на Москву пойдет. Так, что ли, я говорю?

Толпа зашевелилась.

— Так! Правильно! — раздались отдельные голоса.

— Ну вот. Казак говорит, — на Белорецкий государь подался; там войско набирает, туда и пушки велел отвезть. Да разве десяти пушек хватит? Понятное дело — не хватит. Еще ему надо. Вот и скажите теперь, — будет от вас государю помога или нет? Станете вы для

него работать? Не станете, так бояре живо его одолеют, а на нас снова хомут взденут. Злобствуют они на государя нашего, знают — он им руки укоротит, не даст над народом измываться. Ну, да коли весь народ наляжет, разве им одолеть? Народу-то сколько! Лишь бы дружно, враз. Вы пушки лить, а казаки биться, да не одни казаки, вон и башкирцы тоже, и киргизы, и наши православные мужики — за волю все биться пойдут. Верно я говорю?

— Правильно! Головы сложим! За царя-батюшку! За волю! — кричали в толпе.

— То-то, ребята. Беда большая приключилась. Про то — что говорить. Трудно теперь Петру Федоровичу. Победит ли, нет ли, про то господь знает. Коли мы ему помощи не дадим, так верно бояре одолеют. Тогда уж на себя пенять придется. А пока работать надо. Времени и так много зря перевели. Живо надо пушки везть на Белорецкий. И я с ними еду. Государь меня требует — указы писать. У него секретаря убили. Прощайте, ребята. Я государю скажу, что Воскресенский завод его не выдаст. Будет до последнего на него работать.

— Будем! Послужим! — раздалась отдельные, не очень дружные голоса.

Аким окинул взглядом толпу. У него вдруг мелькнуло сомненье. Будут ли рабочие так работать теперь, когда они не знают, победит ли новый царь.

— Прощай, Аким Федорович! — крикнул чей-то голос. — Спасибо тебе!

— И вам спасибо, ребята! — ответил Аким громко. — Голову не вешайте. Коли и вновь поколотят бояре, все одно придет наш черед. Добудем мы волю. Это я вам верно говорю. Прощайте!

Аким спрыгнул с пушки и вскочил на приведенную ему лошадь.

Толпа, теснившаяся кругом, раздалась, и обоз, окруженный одними казаками, тронулся в объезд завода на восток.

Аким ехал впереди.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая	3
Часть вторая	70
Часть третья	137
Часть четвертая	199

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Богданович Татьяна Александровна
„ГОРНЫЙ ЗАВОД ПЕТРА ТРЕТЬЕГО“

Ответственный редактор *П. С. Яцынов*. Художник-редактор *Ю. Н. Киселев*.
Технический редактор *Н. М. Сусленникова*. Корректоры *П. Л. Трусова* и
А. П. Нарвойш. Подписано к набору 1/IX 1956 г. Подписано к печати 25/X
1956 г. Формат 84 × 108^{1/2}. Печ. л. 15 Усл. п. л. 12,32. Уч.-изд. л. 12,46. Тираж
75000 экз. М-37098. Ленинградское отделение Детгиза. Ленинград, наб. Куту
зова, 3. Заказ № 463. Цена 4 р 75 к. 2-я фабрика детской книги Детгиза
Министерства Просвещения РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7

Отпечата.ано с готовых матриц в типографии им. Володарского Лениздата
Ленинград, Фонтанка, 57. Зак. № 1586.